

Сверстые Сборники

издательства
"Мнозник"

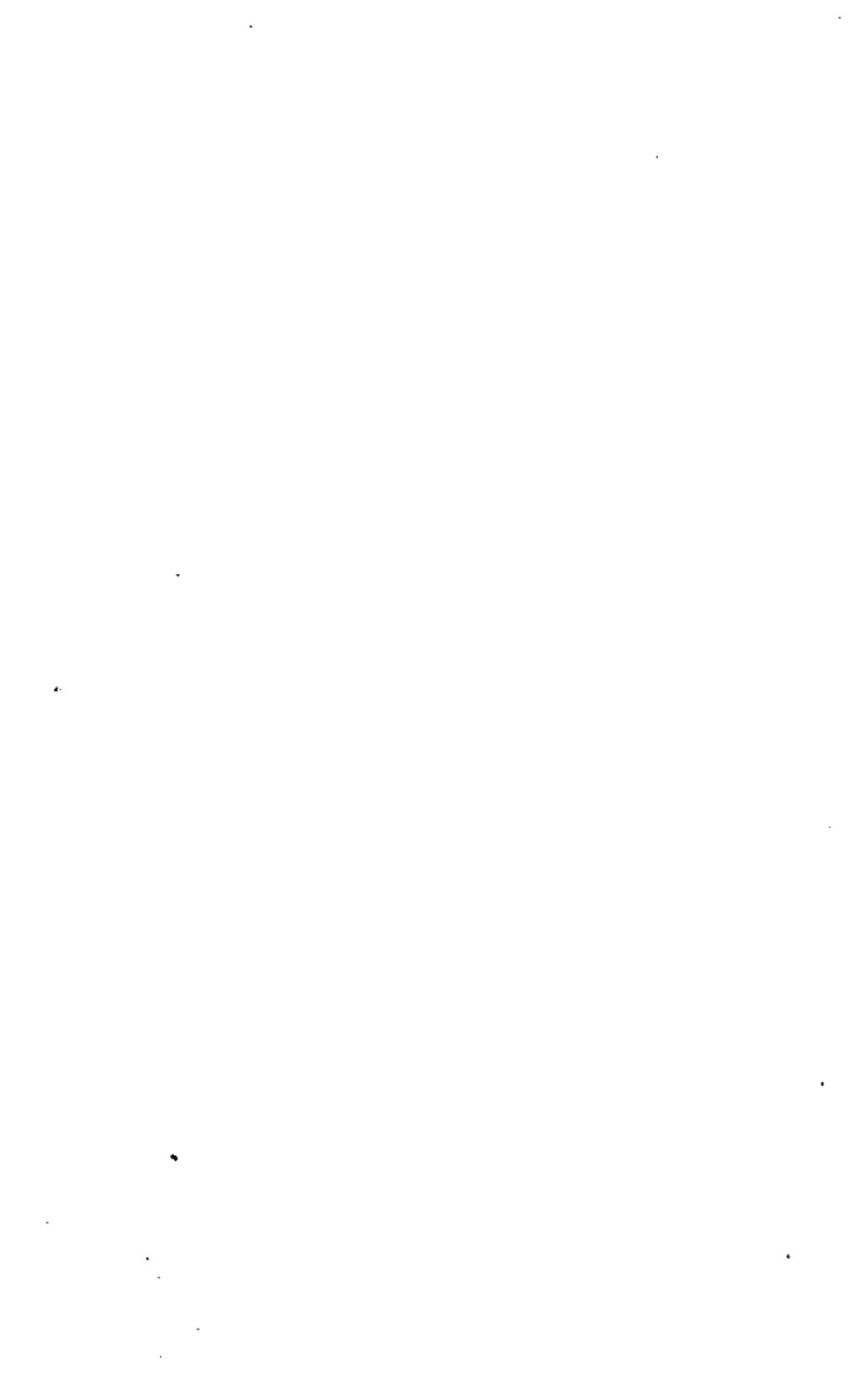
книга четвертая

С. П. Б.
1908

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

A 237
818

СѢРЕНЬ КИРКЕГОРЬ

НЕСЧАСТНѢЙШІЙ

ВДОХНОВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ КЪ

Sorptaravekroftenevi

РѢЧЬ ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ЗАСѢДАНІЙ ПО ПЯТНИЦАМЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ДАТСКАГО

Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Потомокъ Гамлета.

Сѣренъ Киркегоръ (Sören Kierkegaard).

1813—1855.

I.

Сосредоточенность личности на своей внутренней жизни и ея нуждахъ, вмѣсто характернаго для эпохи романтизма поглощенія фантазіей и созерцаніемъ, составляла ученіе Сѣрена Киркегора и его заслугу передъ духовной жизнью Даніи. Романтическое движеніе проникло въ Данію изъ Германіи. Оно вызвало великій поэтический и религіозный подъемъ, окрыляя генія, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивая и нѣкоторую наклонность теряться въ мірѣ воображенія и отвлеченнаго умозрѣнія,—наклонность, способную отвлечь умъ отъ долга и борьбы текущаго міра. Кто хочетъ бороться съ даннымъ направленіемъ, долженъ и самъ найдитися подъ его вліяніемъ. Сѣренъ Киркегоръ—несомнѣнный представитель реакціи противъ романтической школы, хотя онъ самъ принадлежалъ къ ней и хотя этому факту онъ въ значительной мѣрѣ обязанъ трагедіей своего положенія въ концѣ великой борьбы своей жизни. Его огромный поэтический талантъ, наклонность отдаваться во власть прихоти, предоставили фантазіи занять мѣсто будничной прозы, сдѣлали его глубоко воспримчивымъ къ романтической поэзіи, между тѣмъ какъ, одновременно съ этимъ, его неутомимое мышленіе боролось съ мыслями и съ безконечнымъ воодушевленіемъ работало надъ извѣстными проблемами.

Внѣшнія обстоятельства его юности помогли ему слѣдовать своимъ литературнымъ и философскимъ наклонностямъ. Его отецъ былъ зажиточный негоціантъ, молодымъ человѣкомъ явившійся изъ западной Ютландіи въ Копенгагенъ и здѣсь составившій себѣ состояніе. Отъ него-то Сѣренъ Киркегоръ получилъ наслѣдство, которое сдѣлало его независимымъ и дало ему возможность издать свои сочиненія, что иначе было бы невысказимо. Свои студенческіе годы онъ посвятилъ литературнымъ занятіямъ безъ опредѣленной цѣли. Въ двадцать восемь лѣтъ получилъ степень доктора философіи за очень любопытное сочиненіе объ *Ироніи, разсматриваемой главнымъ образомъ въ отношеніи къ Сократу* (1841). Сейчасъ же послѣ этого началась его разнообразная литературная дѣятельность, но за его дарованіемъ и его стремленіемъ предоставить свободный полетъ мысли и фантазіи была скрыта нѣкая враждебная сила, приковывавшая его мысль и его воображеніе къ землѣ. Это была исполненная скорби и усталости душа, обреченная на борьбу съ самыми темными возможностями, которыя то и дѣло требовали новой борьбы и новыхъ усилій.

Это было въ немъ отъ самаго рожденія. Жители западной Ютландіи отличаются наклонностью къ меланхоліи и въ то же время впечатлительнымъ и вдумчивымъ умомъ. Не даромъ это—родина Гамлета. Отецъ Сѣрена Киркегора не только передалъ ему эти черты, но и развилъ ихъ воспитаніемъ, знакомя сына со своимъ личнымъ опытомъ. Однажды отецъ Киркегора,—когда онъ еще ребенкомъ пасъ овецъ въ равнинахъ Ютландіи,—изнемогая отъ холода, голода и одиночества, взобрался на холмъ и проклиналъ Бога, даваго ему столь жалкую жизнь. И никогда, даже въ глубокой старости, онъ не могъ забыть этого. Думаль, что совершилъ непростительный грѣхъ и что Божья кара должна пасть на весь его родъ. Въ такихъ

ветхозавѣтныхъ идеяхъ былъ воспитанъ и терзался Сѣренъ Киркегоръ.

Чтобы понять Сѣрена Киркегора, какъ писателя, необходимо имѣть въ виду двѣ борющихся въ немъ силы. Онъ хотѣлъ дать своимъ мыслямъ и своему воображенію свободный исходъ и въ то же время—жить исключительно въ самомъ себѣ, теряясь въ сумракъ и строгости, въ которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ преданіями своего рода.

II.

Самъ Киркегоръ въ извѣстную пору своей жизни—въ концѣ перваго большого періода своей литературной дѣятельности (1843—1846), къ которому относятся какъ его эстетическія и философскія, такъ и первыя религіозныя сочиненія—самъ Киркегоръ чувствовалъ потребность въ синтетической точкѣ зрѣнія, съ которой можно было бы разсматривать всѣ эти разнообразныя творенія. Онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что за этими работами, написанными, пожалуй, съ бѣльшей поспѣшностью и бѣльшимъ воодушевленіемъ, чѣмъ могло вынести его здоровье, скрывалась нѣкая общая мысль, какъ еслибы все было написано съ сознательной и опредѣленной цѣлью. Его очень прельщала мысль, что съ самаго начала онъ имѣлъ въ виду сознательную цѣль въ своей работѣ, но онъ очень боялся приписать себѣ подобное намѣреніе.

Его дневникъ отъ 1849 г. доказываетъ, какъ онъ былъ неувѣренъ въ этой своей цѣли. Его дневники—монологи, которые онъ произносилъ, бродя взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ и то и дѣло останавливаясь у письменнаго стола, чтобы записать мысль. Онъ никогда не высказывалъ своихъ завѣтныхъ мыслей другимъ, и его разговоръ вообще былъ пересыпанъ шутками и насмѣшками. Впрочемъ, это относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда не нужно было утѣ-

шать; потому что въ дѣлѣ утѣшенія, по свидѣтельству многихъ, онъ былъ мастеръ—мастеръ въ умѣнїи открывать невольные источники страданія и унынія, гнѣвить и исцѣлять которыя ему удавалось, какъ никому.

Прежде чѣмъ привести основанія, мѣшавшія Киркегору приписать себѣ сознательную цѣль въ своихъ литературныхъ работахъ, я хочу дать понятіе о нихъ.

Первыя надѣлали шума его *поэтическія сочиненія*. Наиболѣе значительныя изъ нихъ:—„Или—Или“ и „Этапы на жизненномъ пути“. Въ поэтической формѣ онѣ изображаютъ различныя основныя представленія о жизни въ ихъ взаимной противоположности. Для Киркегора „остановка“ или „этапъ“ не есть періодъ жизни, слѣдующій за другимъ въ силу естественнаго закона развитія. Нѣтъ, каждый этапъ изображенъ столь рѣзко очерченнымъ и замкнутымъ, что отъ одной стадіи къ другой можно перейти лишь непостижимымъ скачкомъ, путемъ выбора, совершенно лишеннаго психологическихъ предуказаній. Киркегоръ описываетъ три такихъ воззрѣнїя на жизнь. Для *эстетики* наслажденіе мгновениемъ—все. Вершина заключается въ обладанїи такой способностью и гибкостью, чтобы схватывать на лету всякое отдѣльное мгновеніе, причемъ наслажденіе не позволяетъ намъ ни быть связанными, ни останавливаться, сохраняя способность съ тою же свободою отдаваться каждому слѣдующему мгновенію. Прихотливо витать надъ жизнью и надо всѣмъ, что къ ней относится, таковъ этотъ взглядъ на жизнь. Напротивъ, *этический* взглядъ на жизнь требуетъ неусыпнаго труда: борьбы, побѣды, вѣры въ теченіе времени, чтобы такимъ путемъ установить внутреннюю связь между отдѣльными моментами бытія. Характеристика его—бракъ, какъ противоположность мимолетной любви,—призваніе, какъ противоположность случайному слѣшному занятію. „Эстетическій человѣкъ“ живетъ во мгновенїи; „этический“ человѣкъ

вѣренъ долгову періоду; но „религіозный человѣкъ“ живетъ во враждебномъ отношеніи между временнымъ и вѣчностью. Цѣль его—вѣчность, она—обитель его истиннаго я; онъ живетъ во времени, какъ въ чемъ-то посредственномъ, пребывающемъ въ разладѣ съ его истиннымъ я, какъ рыба въ водѣ. И чѣмъ рѣзче контрастъ между временнымъ и вѣчностью, тѣмъ выше религіозная форма

Самое значительное изъ своихъ *философскихъ сочиненій* Киркегоръ озаглавилъ: „Не научнымъ послѣсловіемъ“. Въ этихъ сочиненіяхъ дано болѣе обоснованное развитіе соотношеній между различными взглядами на жизнь, которые, въ поэтическихъ трудахъ, были изложены въ видѣ типичныхъ примѣровъ. Кромѣ того, съ ѣдкостью и сарказмомъ, Киркегоръ подвергалъ въ нихъ критикѣ спекулятивное богословіе, развивая теорію познанія въ духѣ критической философіи. Онъ настаиваетъ на затрудненіяхъ и ограниченности науки. Опытъ открываетъ контрасты, которые не легко сливаются въ гармонію, какъ думаетъ романтическое умозрѣніе. Прежде всего: жизнь продолжается во времени, черезъ время и его неувѣренность! Чтобы понять, необходимо оглядываться *назадъ*, тогда какъ задача жизни лежитъ *впередѣ*. Мы постигаемъ прошлое, но живемъ для будущаго. Въ виду этого жизнь требуетъ гораздо больше вѣры и надежды, чѣмъ можетъ обезпечить ихъ наука. Такимъ образомъ, наше сродство съ временемъ предъявляетъ наиболѣе великія проблемы какъ къ жизни, такъ и къ мысли.

Религіозныя сочиненія, которымъ Киркегоръ придавалъ огромное значеніе, начались одновременно съ его эстетическимъ творчествомъ. Онѣ состоятъ изъ извѣстнаго числа „религіозныхъ обращеній“ къ существу, „богатому чувствомъ“, порою слишкомъ богатому созерцаемъ. Съ самаго начала, Киркегоръ указываетъ на искренность, какъ на безусловную точку отправленія; личные чувства и

страсть въ религіозномъ отношеніи важнѣе, чѣмъ объективная преданность вѣрѣ. Язычникъ, говоритъ онъ, съ осязательнымъ жаромъ молящійся своему идолу, воистину молится Богу Единому; тогда какъ тотъ, кто молится истинному Богу поверхностно и безлично, воистину молится идолу. Единственный путь къ Богу—алканіе, рвущееся къ нему изъ страха отчужденія. Богъ—средство личной защиты, а не объектъ умозрѣнія. Противоположность Киркегора противникамъ Христіанства, въ особенности Людвигу Фейербаху, заключается въ слѣдующемъ: онъ думаетъ, что они правы по отношенію къ богословію и къ церкви, но не передъ лицомъ „Евангелія Бибіи“, потому что онъ считаетъ ихъ изображеніе Христіанства часто болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ изображеніе ортодоксальныхъ богослововъ.

Невозможно разсматривать всѣ эти три группы сочиненій отдѣльно. Это—три одновременно возникшихъ теченія, то разъединенныхъ, то слитыхъ. Въ позднѣйшемъ творествѣ Киркегора—послѣ 1846 г.—два предыдущихъ теченія исчезаютъ, и, начиная съ этого времени, религія становится единственнымъ средоточіемъ, куда тяготѣетъ его душа. Въ ту пору онъ самъ былъ охваченъ глубочайшими религіозными переживаніями и любилъ говорить про себя, что стоялъ „въ вѣрѣ въ самое глубокое значеніи слова“. Потомъ, оглядываясь назадъ, на свое творчество во всемъ его разнообразіи, онъ находилъ, что, отъ начала до конца, оно было направлено къ единственной цѣли: учить людей своего времени познанію самихъ себя, истинному взгляду на жизнь, учить ихъ рѣшаться на энергичное „одно изъ двухъ“—или принадлежать къ болѣе высокому міру, или же чистосердечно признать свою отдаленность отъ него. И тогда-то у него появились сомнѣнія и сложные доводы за и противъ. Онъ не могъ, не кривя душою, провозгласить, что желалъ этого съ самаго начала. И стоитъ оста-

новиться немного на причинахъ этого колебанія, такъ какъ онъ бросаютъ свѣтъ на самыя завѣтныя мысли Киркегора.

III.

Киркегоръ былъ настолько психологъ, чтобы понимать, что большая поэтическая и умственная работа не можетъ быть выполнена сознательно съ опредѣленною цѣлью, если эта цѣль не въ ней самой. И, оглядываясь назадъ, онъ открылъ въ своемъ творчествѣ нѣчто, независящее отъ него: нѣкое начало, которое онъ безъ колебаній назвалъ гениемъ. „Геній, по существу своему, безсознателенъ—онъ не представляетъ доводовъ“. Значеніе работы, выполненной безъ малѣйшаго усилія сознательной воли, станетъ очевидно лишь впоследствии. Необходимо еще разъ цитировать Киркегора: мы постигаемъ прошлое, но живемъ для будущаго. Последнее относится главнымъ образомъ къ гениямъ—созидателямъ. И творческій инстинктъ часто былъ такъ силенъ въ немъ, что грозилъ надорвать его, разрушить его тѣло и душу. Ему пришлось смириться и настолько преодолѣть свое желаніе писать, чтобы работать всего нѣсколько часовъ въ день.

Съ другой стороны, онъ никогда не дерзалъ смотрѣть на себя, какъ на избранное Богомъ орудіе, которое, безъ собственнаго вѣдома, трудилось на пользу религіи, хотя онъ и чувствовалъ, что религія глубже захватываетъ его, чѣмъ литература или философія. Къ этому нужно прибавить, что съ самаго начала онъ смотрѣлъ на свое литературное творчество, какъ на временное, какъ на средство дать выходъ своей литературной алчности до наступленія его практической дѣятельности въ качествѣ пастора, и что впоследствии онъ часто готовъ былъ отречься отъ него; но частью жажда выразить свое *я*, частью внѣшнія обстоятельства заставили его продолжать.

По поводу этихъ обстоятельствъ онъ говорилъ: „Воз-

бужденіе дѣйствительной жизни прибавило новую струну къ моему инструменту“. Это возбужденіе возникло впервые, благодаря нападкамъ на него сатирическаго журнала *Корсаръ*. Его глубоко задѣло то обстоятельство, что какъ его разсудокъ, такъ и его тѣло были представлены въ каррикатурномъ видѣ. Въ тѣ времена люди еще не привыкли къ подобнаго рода вещамъ, а Киркегоръ въ этомъ отношеніи былъ особенно чувствителенъ. Смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно видѣть, какъ въ своемъ дневникѣ, въ своемъ глубококомъ одиночествѣ, онъ терзается этимъ и какъ бы старается доказать, что карриатура, гдѣ одна половина его брюкъ была короче другой,—безсмыслица. Но въ этихъ нападкахъ Киркегоръ видѣлъ не одно личное оскорбленіе, но и національное преступленіе, такъ какъ вліятельные члены общества не протестовали. И онъ не могъ и не хотѣлъ оставлять свою дѣятельность и вернуться къ равнинамъ Ютландіи, ибо это значило бы отступать передъ низкими нападками. Другая струна прибавилась къ его инструменту, благодаря отношенію къ его дѣятельности господствующей церкви, въ особенности же къ той возрастающей энергіи, съ какою онъ раскрывалъ различіе между Христіанствомъ первыхъ вѣковъ—Христіанствомъ Новаго Завѣта—и современнымъ Христіанствомъ, какъ оно представлено церковью. Въ то время (1849) онъ лишь требовалъ, чтобы представители государственной церкви признали это различіе и согласились, что они далеки отъ идеала, вмѣсто своего желанія дѣлать видъ, будто отъ Христіанства первыхъ вѣковъ къ—современному существуетъ непрерывный переходъ, но не въ догмѣ (такъ какъ Киркегоръ никогда не сомнѣвался въ этомъ), а въ поведеніи, въ особенности въ отношеніи къ мірской жизни въ интересахъ цивилизаціи. Но они не пожелали допустить этого.

Они просто игнорировали его. Слѣдствіе изъ этого находилось въ связи съ перемѣнами въ его личной жизни

того времени, и его религиозная дѣятельность приняла новую точку отправленія. Онъ проявилъ еще большую энергію въ области идеальнаго Христіанства и въ то же время, съ возрастающей рѣзкостью, неуклонно нападалъ на церковь, пока, наконецъ, въ послѣдніе годы жизни, не возсталъ на все существующее Христіанство, что доходило до крайности въ слѣдующихъ словахъ: „Христіанства Новаго Завѣта не существуетъ“.

Для Киркегора характерно его убѣжденіе, что его литературная дѣятельность должна остаться оторваннымъ эпизодомъ его жизни. Это—показатель глубокаго различія между его художественнымъ дарованіемъ и его темпераментомъ. Онъ чувствовалъ, что мечтательная и созерцательная жизнь, какою бы очаровательной онъ ни находилъ ее, не могла бы удовлетворить его, благодаря скрытой въ немъ непреклонной силѣ, которой онъ не могъ преодолѣть. Потребность въ литературномъ выраженіи своего я и меланхолія сливались въ глубинѣ его существа и то боролись, то вліяли другъ на друга. Это взаимодѣйствіе даетъ намъ возможность понять Киркегора. Безъ меланхоліи и ея послѣдствій онъ, можетъ быть, сталъ бы поэтомъ, или слѣлся бы мыслителемъ. При такомъ же положеніи вещей онъ уже не могъ посвятить себя искусству или наукѣ изъ любви къ нимъ. Ему нельзя было отыскать касательную, и ему пришлось предоставить своимъ мыслямъ и своимъ мечтамъ кружиться вокругъ центра, который вѣчно привлекалъ его. Дневники 1848—1849 гг. даютъ намъ ключъ къ внутренней жизни Киркегора.

Уныніе заставило его сосредоточить свой умъ на внутренней жизни. Скорбная душа замыкается въ себѣ самой и озабочена собою, какъ раненый своими ранами.

Въ меланхоліи всѣ мысли утрачиваютъ свое значеніе, кромѣ одной единственной мысли, представляющей надежную опору, якорь спасенія въ буряхъ жизни. Меланхолія обо-

соблюдает личность. Киркегоръ говоритъ, что онъ очень скоро убѣдился въ невозможности найти ни помощи, ни утѣшенія у другихъ. Совмѣстная жизнь была невозможна въ силу коренного различія между его отношеніемъ къ жизни и ихъ. Вотъ почему онъ порвалъ со своей невѣстой. Подлѣ счастливой дѣвушки съ ея легкомысленнымъ сердцемъ онъ впервые понялъ, какъ онъ несчастенъ. Равно какъ убѣдился, что она не могла понять его и что его склонность къ меланхолии сдѣлала бы несчастной и ее. Тому же обстоятельству онъ приписываетъ и то, что онъ никогда не занималъ официального мѣста; онъ былъ невластенъ надъ своимъ собственнымъ расположеніемъ духа, а потому не могъ занять положенія, гдѣ онъ долженъ былъ зависѣть отъ другихъ.

Можетъ быть для него же было бы лучше, если бы обстоятельства принудили его добывать себѣ средства къ жизни. Необходимость закончить что-нибудь въ данный промежутокъ времени помогаетъ намъ избѣжать многихъ приступовъ подавленности и можетъ быть поддержкой въ нашей борьбѣ съ ея темнымъ и парализующимъ вліяніемъ. Кромѣ литературной работы, у него не было другой помощи для освобожденія отъ меланхоліи, вліяніе которой ослабѣвало, когда всѣ его силы были поглощены творческимъ порывомъ. „Какъ принцесса въ арабскихъ ночахъ, я спасъ себѣ жизнь, рассказывая сказки, т. е. моимъ трудомъ. Я могъ преодолѣть мою ужасающую подавленность и внутреннюю боль только тогда, когда писалъ“. (Дневникъ 1849 г.). Въ концѣ концовъ его меланхолія навела его на новыя размышленія, предъявляя ему исключительно личную проблему: подавленность есть грѣхъ или болѣзнь? не самонадѣянно ли отрицать цѣнность жизни? Самъ Киркегоръ сравнивалъ свою подавленность съ лѣнностью, средневѣковымъ опредѣленіемъ мрака и косности, однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. (Данте отводитъ лѣнницамъ мѣсто въ Аду—потому что они не наслаждались, когда солнце сладостно сверкало средь

луговъ). Въ ней былъ источникъ постоянныхъ размышленій и придумыванія сумрачныхъ возможностей.

Подъ влияніемъ этихъ двухъ темныхъ силъ—глубокой потребности выразить себя и глубокой подавленности—возникло творчество Киркегора. Вспыхнувъ въ самой глубинѣ его существа, какъ порывъ къ полному познанію самого себя, оно стало средствомъ пробужденія и поощренія другихъ. Оно выполнило нѣкую миссію, не потому, чтобы онъ имѣлъ ее въ виду въ началѣ, а потому, что это былъ плодъ борьбы внутреннихъ переживаній человѣка, извѣдавшаго противорѣчія и глубины жизни.

IV.

Какъ мыслитель, по свойствамъ своего характера, Киркегоръ могъ придавать значеніе только опыту и не довѣрялъ умозрѣнію, отвлекающему человѣка отъ превратностей и цѣлей жизни. Психологія плѣняла его и увлекала его на путь наблюденія, въ особенности потому, что у него былъ огромный талантъ къ изображенію. Этическое чувство заставило его придавать особое значеніе труду, съ его борьбой и страданіемъ въ смѣнѣ времени;—мы живемъ для будущаго: поэтому борьба и мучительное ожиданіе неминуемы для всѣхъ, кто не теряется безопасно въ мечтательномъ умозрѣніи. Его смѣлая критическая мысль привела его къ признанію не научнаго характера спекулятивнаго Богословія, въ которомъ въ то время искали разрѣшенія жизненныхъ проблемъ. Въ этихъ критическихъ и реалистическихъ взглядахъ онъ не былъ одинокъ въ Даніи, гдѣ было тяготѣніе къ замѣнѣ мистическаго созерцанія психологическимъ опытомъ и критическимъ изслѣдованіемъ и гдѣ, въ противовѣсъ романтизму, придавалось значеніе практической жизни;—тяготѣніе, въ которомъ мы, пожалуй, можемъ видѣть проявленіе національнаго характера. Это стремленіе ясно обнаружилось у такихъ людей, какъ Генрикъ Стеффенсъ, Братъя Эрстедъ, Фредерикъ Христіанъ Сиббернъ и Пауль Мёллеръ.

Несмотря на свою реакцію противъ Романтической Школы Киркегоръ безспорно принадлежалъ къ этой школѣ. Онъ даже (и это довольно странно въ личности, придававшей значеніе жизни, какъ противоположности мышленію)—онъ даже въ жизни держится въ сторонѣ, напоминая какъ романтическаго поэта, такъ и средневѣкового аскета, или, лучше сказать, онъ находитъ, что стоитъ переживать жизнь только въ этихъ двухъ формахъ.

Я уже указывалъ, что онъ не признаетъ непрерывнаго развитія жизни. Переходъ отъ состоянія къ состоянію долженъ всегда совершаться „прыжкомъ“. Онъ рѣшительно отрицалъ существованіе какой бы то ни было аналогіи между развитіемъ личности и развитіемъ организма. И хотя въ началѣ онъ различалъ три основныхъ строя или точки зрѣнія на жизнь, но позднѣе у него всегда было стремленіе опустить второй строй. Этическая точка зрѣнія на жизнь отождествилась для него съ потребностью въ духовности, съ филистерствомъ. Возрасты, у которыхъ мы можемъ поучиться идеальному, суть: ребенокъ, юноша, дѣвушка, старикъ; у человѣка же дѣйствія, у трудолюбивой матери семейства ничему нельзя научиться въ этомъ отношеніи и почему? Потому что они преслѣдуютъ главнымъ образомъ полезныя цѣли. Въ такомъ случаѣ идеаль былъ бы присущъ только юности и преклонному возрасту, а не возрасту зрѣлости и силы, когда борятся и трудятся. Это можетъ быть справедливо только при наличности или романтическаго, или же аскетическаго представленія объ идеаль, или обоихъ вмѣстѣ. Здѣсь реализмъ болѣе идеалистиченъ, чѣмъ крайній идеализмъ. Поэтической и религіозный идеаль долженъ быть найденъ въ самой дѣйствительности и въ реальномъ трудѣ, если вообще его можно найти гдѣ - нибудь. Новыя идеи должны возникать изъ дѣйствительности, какъ искры изъ кремня. Отбросьте камень и искра исчезнетъ. Въ этомъ заключается вопіющая односторонность Киркегора. Это же—та сторона его ученія, за освобожде-

ніе отъ которой долженъ бороться каждый, кто оказался подъ сильнымъ его вліяніемъ. Не одинъ юноша, при всемъ своемъ благоговѣніи передъ нимъ, бросилъ его книги на землю и отвернулся отъ него, когда передъ его мыслью начинали проявляться законныя права и естественныя соотношенія жизни, и когда передъ его сознаниемъ возникали другіе вопросы, внѣ содержанія религиозныхъ преданій. Самъ Киркегоръ не могъ и не хотѣлъ имѣть учениковъ. Не *хотѣлъ!* „Я потратилъ, говорилъ онъ, почти половину моихъ силъ на борьбу съ самимъ собою, и не хочу имѣть учениковъ“. (Дневникъ 1849 г.). Онъ хотѣлъ пробудить другихъ къ личной истинѣ, которую человекъ можетъ снять только личнымъ усиленіемъ, а не простымъ согласіемъ или подражаніемъ. Да онъ и не могъ имѣть учениковъ; и такъ какъ онъ не далъ положительнаго разрѣшенія своихъ основныхъ проблемъ, то въ своихъ послѣднихъ словахъ ему пришлось сознаться, что того, за что онъ боролся всю свою жизнь, не существовало! Во время своей ужасающей борьбы своихъ послѣднихъ лѣтъ противъ Церкви онъ сказалъ: „Христіанства Новаго Завѣта не существуетъ!“ И когда онъ сказалъ это, среди самыхъ страстныхъ споровъ, какіе только знаетъ духовная жизнь Даніи, его силы иссякли и онъ закрылъ свои удивительные глаза.—Что случилось тогда? Каково было бы его положеніе, не умри онъ такимъ молодымъ, всего въ 42 года? На это не можетъ быть отвѣта: все остальное —безмолвіе.

Онъ былъ мученикъ мыслей, которыя должны быть развиты въ направленіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія онъ имѣлъ въ виду. Но неуклонно и со страстной энергіей шествуя по тропинкѣ, которую онъ *видѣлъ*, онъ оказалъ огромную услугу тѣмъ, кто пришелъ послѣ него. И мы можемъ считать себя достойными имени его послѣдователей и высказывать ему нашу благодарность, хотя бы мы шли и не его тропюю.

Гаральдъ Гейфдинъ.

Сочиненія Сёрена Киркегора.

Af en endnu levendes Papirer (Изъ бумагъ еще живущаго).—1838.

Om Begrebet Ironi med stadigt Hensyn til Sokrats (О понятіи Ироніи въ постоянномъ отношеніи къ Сократу).—1841.

Enten-Eller (Или-Или)—1843.

To opbyggelige Taler af S. K. (Двѣ назидательныхъ рѣчи С. К.).—1843.

Frygt og Bæven. Dialektisk Lyrik af Iohannes de Silentio (Страхъ и трепеть. Діалектическая лирика Іоанна де Силенціо).—1843.

Gentagelsen, et Forsøg i den experimentale Psikologi af Constantin Constantius (Повторность, опытъ экспериментальной психологіи Константина Констанція).—1843.

Tre opbyggelige Taler af S. K. (Три назидательныхъ рѣчи С. К.).

To opbyggelige Taler af S. K. (Двѣ назидательныхъ рѣчи С. К.).—1844.

Philosophiske Smuler eller en Smule philosophi af Iohannes Climacus (Философскія крохи или кроха философіи Іоанна Климаха).—1844.

Begrebet Angest (Понятіе страха).—1844.

Fire opbyggelige Taler (Четыре назидательныхъ рѣчи)—1844.

Stadier paa Livets Vej (Этапы на жизненномъ пути).—1845.

Tre Taler ved tænkte egligheder (Три рѣчи по мнимымъ поводамъ).—1845.

Afshuttende uvidenskabelig Efterskrift til de philosophiske

Smuler. Mimisk-pathetisk Sammenskrift, existentielt Indlæg af Johannes Climacus (Заключительное не-научное послѣсловіе къ философскимъ крохамъ. Мимико-патетико-діалектическое писаніе, существенная вставка Іоанна Климаха).—1846.

En litterär Anmeldelse (Литературный отзывъ).—1846.

Symposiet (Пиръ).

Skyldig—Ikke Skyldig, En Lidelseshistori Psychologisk Experiment af Frater Taciturnus (Виновный—не виновенъ. Исторія одного страданія. Психологическое изслѣдованіе Отца Молчаливаго).

Afslutende uvidenskabelig Fremstilling (Заключительный не-научный обзоръ).

Opbyggelige Taler i forskellig Aand (Назидательныя рѣчи въ разномъ духѣ)—1847.

Kärlighedens Gerninger (Дѣянія Любви).—1847.

Christelige Taler (Христіанскія Проповѣди) - 1849.

Lilien paa Marken og Fuglen under Himlen. Tre gude-lige Taler (Лилія въ полѣ и птица въ поднебесьи. Три благодѣтельныхъ рѣчи).—1849.

Tvende ethisk-religiøse Afhandlinger af H. H. (Два этико-религіозныхъ разсужденія Г. Г.).—1849.

Sygdommen til Døden. En christelig psykologisk Udvikling til Opbyggelse og Opvækelse af Anti-Climacus (Смертельная болѣзнь. Христіанско-психологическое изложеніе для пробужденія и назиданія, соч. Анти-Климака).—1849. (Написано въ 1848 г.).

En opbyggelig Tale (Назидательная рѣчь).—1851.

To Taler ved Altergangen om Fedlagen (Двѣ рѣчи по случаю причащенія въ пятницу) - 1851.

Om min Forfattervirksomhed (Моя литературная дѣятельность).—1851.

Til Selvprøvelse. Samtiden anbefalet (Къ испытанію самого себя. Посвящается современности).—1851.

Indøvelse i Kristendom (Рѣчь въ христіанствѣ)—1848.

Съ 18 декабря 1854 г. Киркегоръ начинаетъ рядъ статей въ газетѣ *Отечество*; эти статьи собраны Р. Нильсеномъ въ 1857 г.

Dette skal siges, saa lad det være sagt (Это должно быть сказано, такъ пусть же будетъ сказано).—1855.

Øjeblikket (Мгновение). №№ 1—9 (3 сентября 1855 г.).

Guds Uforanderlighed (Неизмѣняемость Бога)—1855.

Сочиненія, напечатанныя послѣ его смерти (1855).

Synspunktet for min Forfattervirksomhed (Точка зрѣнія на мою литературную дѣятельность).—1859.

Dommer selv (Судите самихъ себя).—1876.

Эти два сочиненія опубликованы братомъ Киркегора, епископомъ Ольборгскимъ.

Efterladte Papirer (Посмертныя сочиненія, 1—3, опубликованныя Барфѣдомъ и 4—8—нѣмецкимъ теологомъ Готтштетомъ—1869—1881).

Книги о Киркегорѣ:

R. Nielsen.—Paa Kierkegaard's Stadier.

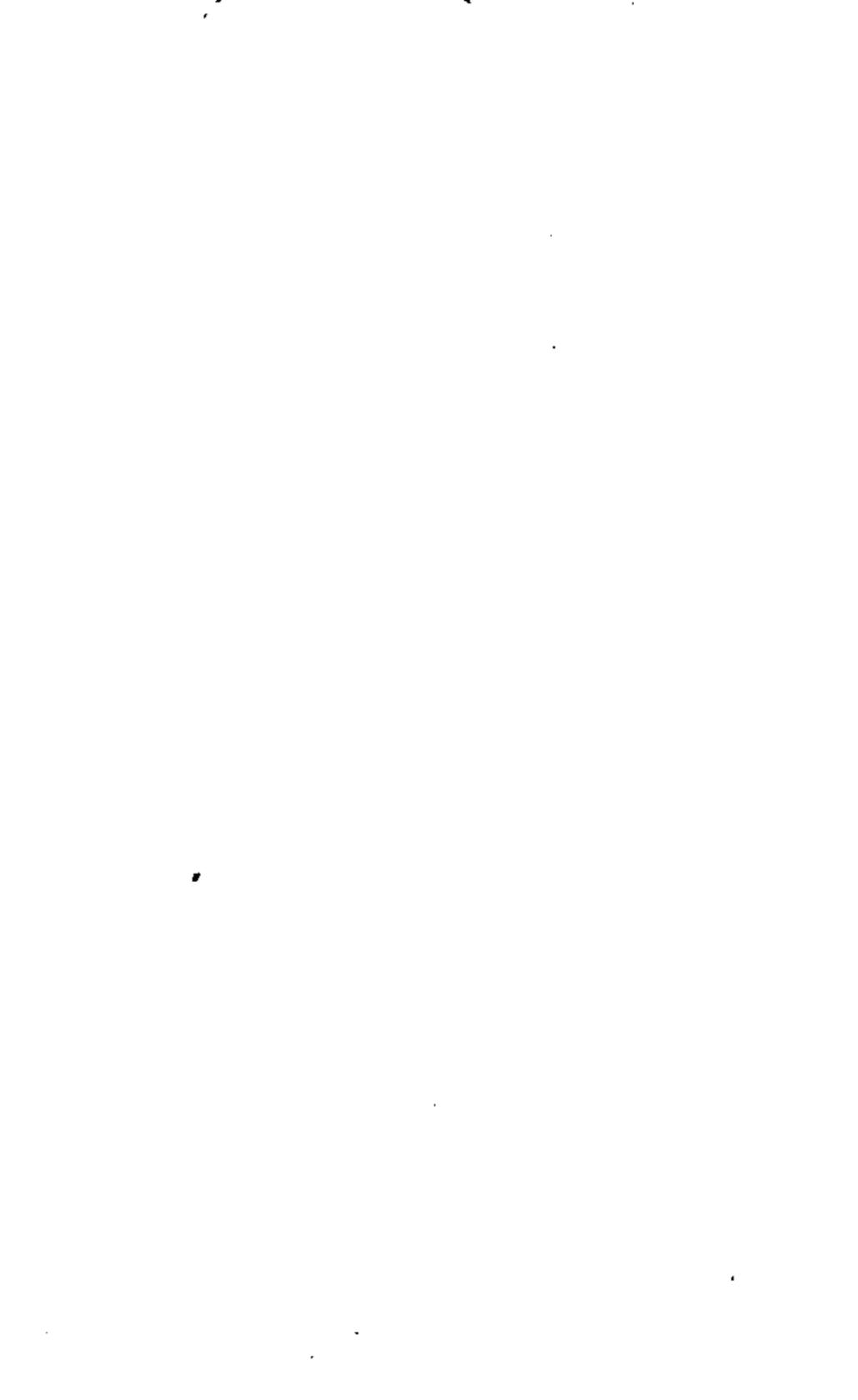
A. Bärthold.—S. K. Eine Verfasser-Existenz eigener Art.—1873.

A. Bärthold.—Die Bedeutung der ästhetischen Schriften Sören Kierkegaard's.—1879.

A. Bärthold.—Zur theolog. Bedeuteeng S. Kierkegaard's.—1880.

A. Bärthold.—S. Kierkegaard's Persönlichkeit in ihrer Verwirklichung der Ideale.—1886.

- Georg Brandes.—S. Kierkegaard.—1887.
W. Rudin.—S. Kierkegaards person och författerskap.
Stockholm, 1880.
H. S. Vodskov.—Spredte Studier,—1884.
Harald Höffding.—S. Kierkegaard som Filosof.—1892.
Victor Deleuran.—Esquisse d'une étude sur S. Kierkegaard, 1897.
Carl Koch.—S. Kierkegaard. —1898.
Chr. Iensen.—S. Kierkegaards religiöse Udvikling—1898.
P. A. Rosenberg.—S. Kierkegaard.—1898.
B. Jeannine—Sören Kierkegaard (Nouvelle Revue) 1893.

Несчастнѣйшій.

Гдѣ-то въ Англіи должна быть, какъ извѣстно, могила, замѣчательная не великолѣпнымъ памятникомъ или унылыми окрестностями, а лаконической надписью — *несчастнѣйшій*. Говорятъ, могила была вскрыта, но отъ трупа не оказалось ни слѣда. Чему же больше удивляться, тому ли, что не оказалось трупа, или тому, что вскрыли гробъ? Въ самомъ дѣлѣ странно, что старались узнать, былъ ли кто въ гробу. Читая имя въ надгробной надписи, очень легко увлечься мыслью, какъ протекла жизнь человѣка на свѣтѣ, и можетъ явиться желаніе сойти къ нему въ могилу и вступить съ нимъ въ бесѣду. Но эта надпись столь многозначительна! У книги можетъ быть заглавіе, возбуждающее желаніе прочесть ее, но иное заглавіе можетъ быть настолько глубоко-мысленно само по себѣ, лично настолько заманчиво, что никогда не захочется прочесть книгу. Во истину потрясенъ ли, радостенъ ли человѣкъ, эта надпись столь многозначительна для всякаго, кто въ глубинѣ своей, можетъ быть, тайно

сроднился съ мыслью, что онъ — несчастнѣй-
шій. Но я могу представить себѣ челоуѣка, чья
душа не знаетъ подобной заботы; ему было
просто любопытно узнать, дѣйствительно ли былъ
кто-нибудь въ гробу. И, смотрите, гробница была
пуста. Можетъ быть, онъ снова воскресъ, можетъ
быть, онъ хотѣлъ посмѣяться надъ словами
поэта:

. въ могилахъ — покой,
Жильцы ихъ не вѣдаютъ скорби людской;

онъ не обрѣлъ мира даже въ гробу, можетъ
быть, онъ снова безпріютно блуждаетъ по свѣту,
покинулъ свой домъ, свой очагъ, оставилъ только
свой адресъ! Или онъ еще не найденъ, онъ, не-
счастнѣйшій, кого даже Евмениды не преслѣдуютъ,
пока онъ не найдетъ двери въ храмъ или скамьи
смиренно молящихся, но кого скорби окружаютъ
въ жизни, скорби сопровождаютъ въ могилѣ!

Если же онъ еще не найденъ, то пред-
примемте мы, дорогіе *Ευφραντακρωμενοι*, какъ
крестonosцы, паломничество, не ко святому гробу
на счастливомъ востокѣ, а къ скорбному гробу
на несчастномъ западѣ. У этого пустого гроба
будемъ мы искать его, несчастнѣйшаго, въ увѣ-
ренности найти его; ибо, какъ тоска вѣрующихъ
стремится ко гробу святому, такъ несчастныхъ
влечетъ на западъ, къ этому пустому гробу, и каж-
дый исполненъ мысли, что онъ предназначенъ ему.

Или подобное размышленіе мы сочтемъ недостойнымъ предметомъ нашихъ думъ, мы, чья дѣятельность, если я долженъ слѣдовать священному обычаю нашего общества, есть попытка неожиданнаго афористическаго благоговѣнія, мы, что не мыслимъ и не говоримъ афористически, но живемъ афористически, мы, что живемъ *'афористичевои* и *отторнутые*, какъ афоризмы въ жизни, внѣ общенія съ людьми, непричастные къ ихъ печалямъ и радостямъ, мы, что не являемся созвучіемъ въ жизненномъ шумѣ, но одинокими птицами въ ночномъ безмолвіи, собравшимися одинъ единственный разъ, дабы проникнуться назидательнымъ зрѣлищемъ ничтожества жизни, медлительности дня и безконечной длительности времени, мы, дорогіе *Ευκταραχερφομενοι*, не вѣрящіе ни игрѣ радости, ни счастію глупцовъ, мы, кто ни во что не вѣрять, кромѣ несчастія.

Смотрите, какую несмѣтную толпою тѣсняются они, всѣ несчастные. Все же много ихъ, считающихъ себя зваными, но мало избранныхъ. Необходимо установить строгое различіе между ними—одно слово, и толпа исчезаетъ; какъ незваные гости, исключаются всѣ, кто думаетъ, что смерть— величайшее несчастіе, всѣ тѣ, что стали несчастны, потому что боятся смерти; ибо мы, дорогіе *Ευκταραχερφομενοι*, какъ римскіе солдаты, не боимся смерти, мы знаемъ худшее несчастіе, и

прежде всего — несчастіе жить. Вѣдь если былъ человекъ, которому нельзя было умереть, если правда то, что говорить преданіе о Вѣчномъ Жидѣ, то можемъ ли мы колебаться и не назвать его несчастнѣйшимъ? Тогда было бы ясно, почему этотъ гробъ былъ пустъ; это значило бы, что несчастнѣйшій — тотъ, кому нельзя было умереть, кто не могъ укрыться въ гробу. Тогда вопросъ былъ бы рѣшенъ, отвѣтъ былъ бы простъ: ибо несчастнѣйшимъ оказался бы тотъ, кто не могъ умереть, счастливымъ же тотъ, кто—могъ; счастливый — тотъ, кто умеръ въ старости, болѣе счастливый — тотъ, кто умеръ въ юности, еще счастливѣе — тотъ, кто умеръ, рождаясь, счастли-
вѣйшій — тотъ, кто совсѣмъ не родился. Но это не такъ, ибо смерть—общее счастье всѣхъ людей, и такъ какъ несчастнѣйшій не найденъ, то его необходимо искать съ указаннымъ ограниченіемъ.

Смотрите, толпа исчезла, число уменьшилось. Я ужъ не говорю: обратите на меня ваше вниманіе, ибо я знаю, что оно мое; не говорю: склоните ко мнѣ вашъ слухъ, ибо я знаю, что онъ—мой. Ваши глаза сверкаютъ, вы поднимаетесь съ вашихъ мѣстъ. Это же—состязаніе, въ которомъ стоитъ принять участіе,—болѣе ужасающая борьба, чѣмъ борьба на жизнь и смерть; такъ какъ намъ не страшно смерти. Но насъ ждетъ награда величавѣе всего на свѣтѣ, и вѣрнѣе; ибо тому, кто

убѣдился, что онъ—несчастнѣйшій, нечего бояться счастья, и въ свой смертный часъ ему не придется вкусить униженія въ необходимости воскликнуть: О, Солонъ, Солонъ, Солонъ!

Такъ вотъ откроемте свободное состязаніе, отъ котораго никто не устраняется, ни по положенію, ни по возрасту. Не устраняется никто, кромѣ счастливаго и, кромѣ того, кто боится смерти — привѣтъ любому достойному сочлену общины несчастныхъ, тронъ предоставляется всякому, воистину несчастному, гробъ—несчастнѣйшему. Мой голосъ звучитъ на весь міръ, внемлите ему, вы всѣ, что зовете себя несчастными на свѣтѣ, но что не боитесь смерти. Мой голосъ звучитъ назадъ въ вѣка; ибо мы не будемъ такими софистами, чтобы исключать умершихъ, потому что они умерли, вѣдь они же жили. Я заклинаю васъ простить меня, что я на мигъ смущаю вашъ покой; соберитесь у этого простого гроба. Трижды громко кричу я это на весь міръ, услышите, вы, несчастные; такъ какъ здѣсь, въ глухомъ углу міра, мы не станемъ рѣшать этотъ вопросъ про себя. Найдено мѣсто, гдѣ онъ можетъ быть рѣшенъ передъ лицомъ вселенной.

Но прежде чѣмъ приступить къ допросу отдѣльныхъ людей, мы должны постараться быть достойными судьями и соревнователями. Мы должны укрѣпить нашу мысль, вооружить ее

противъ обольщенія слуха; ибо чей голосъ столь же вкрадчивъ, какъ глосъ несчастнаго, чей голосъ столь же обольстителенъ, какъ голосъ несчастнаго, когда онъ говоритъ о своемъ собственномъ несчастіи. Станемте достойными сидѣть здѣсь въ качествѣ судей, состязающіеся, дабы намъ не упустить изъ виду общаго, не дать себя смутить отдѣльнымъ; ибо краснорѣчіе скорби / безконечно и безконечно изобрѣтательно. Мы раздѣлимъ несчастныхъ на опредѣленные разряды и только одному изъ cadaго разряда будетъ дано слово; ибо мы не станемъ отрицать, что не отдѣльный человѣкъ — несчастнѣйшій, а цѣлый классъ; но въ виду этого мы не замедлимъ признать за представителемъ этого класса имя несчастнѣйшаго, не замедлимъ признать за нимъ гробъ.

Среди систематическихъ сочиненій Гегеля есть глава, гдѣ говорится о несчастномъ сознаниі. Къ чтенію такого рода изслѣдованій приступаютъ всегда съ глубокимъ безпокойствомъ и съ бьющимся сердцемъ, со страхомъ, что придется узнать или слишкомъ много или слишкомъ мало. Несчастное сознание — такое слово, что, всплывъ въ потокъ рѣчи лишь случайно, можетъ почти заставить кровь застыть, нервы затрепетать, и что теперь, высказанное столь опредѣленно, какъ то таинственное слово въ разсказѣ Клеменса

Брентано: *tertia pax mors est* — можетъ заставитьъ человѣка дрожать, какъ грѣшника. Ахъ, счастливъ тотъ, кому нечего больше дѣлать съ этимъ вопросомъ, какъ писать о немъ главу; и еще болѣе счастливъ тотъ, кто можетъ написать слѣдующую. Несчастный, стало быть, — тотъ, чей идеалъ, чье содержаніе жизни, чья полнота сознанія, чья настоящая сущность такъ или иначе лежить внѣ его. Несчастный всегда отторгнутъ отъ самого себя, никогда не слить съ самимъ собой. Но отторгнутый отъ самого себя можетъ, очевидно, жить либо въ прошедшемъ, либо въ будущемъ времени. Этимъ въ достаточной степени очерчена вся область несчастнаго сознанія. Мы благодарны Гегелю за это строгое ограниченіе и, такъ какъ мы не просто философы, созерцающіе эту область издалека, то постараемся, какъ ея обитатели, ближе разсмотрѣть различныя стадіи, которыя она обнимаетъ. Стало быть, несчастный — тотъ, кто отторгнутъ отъ самого себя. Но человѣкъ бываетъ отторгнутъ отъ самого себя, когда онъ живетъ либо въ прошедшемъ, либо въ будущемъ времени. На этомъ выраженіи необходимо настаивать, ибо, какъ учить насъ и языковѣдніе, очевидно, что есть *время*, настоящее въ прошедшемъ, какъ есть *время*, настоящее въ будущемъ времени; но та же наука учить насъ, что есть *время plusquamperfectum* (давно прошедшее)

гдѣ уже нѣтъ ничего настоящаго, какъ есть и *futurum exactum* (будущее второе) — того же свойства. Это—надѣющіяся и воспоминающія личности. Въ извѣстномъ смыслѣ, поскольку они только надѣются и только вспоминаютъ, это—несчастныя личности, если вообще счастлива только личность, живущая въ своемъ настоящемъ. Хотя, строго говоря, нельзя же называть несчастною личность, живущую надеждой или воспоминаніемъ. И что здѣсь должно быть подчеркнуто, это то, что она живетъ ими. Равно какъ отсюда же вамъ будетъ видно, что, какъ бы ни былъ тяжелъ ударъ, онъ не можетъ сдѣлать человѣка несчастнѣйшимъ. Вѣдь одинъ ударъ можетъ только либо вырвать у человѣка надежду и тѣмъ перенести его бытіе въ воспоминаніе, либо вырвать воспоминаніе и тѣмъ перенести его бытіе въ надежду. Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, какъ несчастная личность можетъ быть опредѣлена ближе. Сперва рассмотримъ надѣющуюся личность. Когда она, какъ надѣющаяся (и, стало быть, въ извѣстномъ смыслѣ, несчастная) личность, не слита съ самой собою въ своемъ настоящемъ, то становится несчастной въ болѣе строгомъ смыслѣ. Человѣкъ, который надѣется на вѣчную жизнь, въ извѣстномъ смыслѣ—несчастный человѣкъ, поскольку онъ отрекается отъ настоящаго, но онъ несчастенъ не въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ онъ

слить съ самимъ собою въ этой надеждѣ и не приходить въ столкновение съ отдѣльными моментами конечности. Наоборотъ, если онъ не слить съ самимъ собою въ надеждѣ, но теряетъ свою надежду, снова надѣется и такъ далѣе, то онъ отторгнуть отъ самого себя, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, и тогда предъ нами примѣръ несчастнаго. Если мы рассмотримъ личность вспоминающую, то получится то же самое. Разъ она слита съ самой собою въ прошедшемъ, то она несчастна не въ строгомъ смыслѣ слова, если же она не можетъ слиться и непрерывно отторгнута отъ самой себя въ прошедшемъ, то передъ нами снова примѣръ несчастнаго.

Воспоминаніе — основная и истинная стихія несчастнаго, что и естественно, ибо отличительное свойство прошедшаго времени въ томъ, что оно прошло, а будущаго—въ томъ, что оно придетъ, и поэтому въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что будущее ближе къ настоящему, чѣмъ прошедшее. Чтобы надѣющаяся личность могла пребывать въ будущемъ, оно должно быть реально, или вѣрнѣе, должно быть реально для нея, а чтобы вспоминающая личность могла пребывать въ прошедшемъ, оно также должно быть реально для нея. Но если надѣющаяся личность хочетъ надѣяться на будущее, которое не можетъ стать для нея дѣйствительностью, или вспоминающая—

вспоминать время, которое не было дѣйстви-
тельностью для нея, то передъ нами истинно-
несчастныя личности. Первый случай можно было
бы считать невозможнымъ или видѣть въ немъ
чистѣйшее безуміе, но это не такъ; ибо надѣю-
щаяся личность надѣется не на что-нибудь, ли-
шенное всякой дѣйствительности для нея, но
надѣется на что-либо, что, какъ она сама знаетъ,
не можетъ стать дѣйствительностью. Когда напри-
мѣръ личность, теряя надежду, вмѣсто того, чтобы
стать воспоминающей личностью, хочетъ быть
надѣющейся, то передъ нами какъ разъ указанный
случай. И когда личность, которая теряетъ вос-
поминаніе или которой не о чемъ вспоминать,
не хочетъ стать надѣющеюся личностью, но про-
должаетъ быть воспоминающею,—то передъ нами
образъ несчастнаго. Если бы личность переноси-
лась, на примѣръ, въ древность или въ средніе
вѣка или въ любое другое время, но такъ, что
оно имѣло бы осязательную дѣйствительность для
нея, или если бы она переносилась въ свое дѣт-
ство или юность, какъ нѣчто, имѣющее осяза-
тельную дѣйствительность для нея, то она, соб-
ственно, не была бы несчастною личностью въ
строгомъ смыслѣ слова. Наоборотъ, еслибъ я
представилъ себѣ человѣка, у котораго лично не
было никакого дѣтства, ибо этотъ возрастъ про-
шелъ безъ всякаго значенія для него, но который

теперь, ставъ, напримѣръ, учителемъ дѣтей, открылъ бы всю красоту дѣтства и сталъ бы вспоминать свое собственное дѣтство и вѣчно оглядываться назадъ, то въ немъ мы имѣли бы вполне подходящий примѣръ. Ему хотѣлось бы вернуться назадъ и заднимъ числомъ воспринять значеніе того, что прошло для него, и что ему хотѣлось бы вспоминать во всемъ его значеніи. И если бы я представилъ себѣ человѣка, который жилъ, не постигая ни радости жизни, ни ея наслажденія, и который замѣтилъ ихъ лишь теперь, въ свой смертный часъ, еслибъ я представилъ себѣ, что онъ не умеръ, — въ чемъ было бы величайшее счастье, — но ожилъ, безъ возможности пережить все сызнова, то его можно было бы принять въ расчетъ при рѣшеніи вопроса, кто былъ несчастнѣйшій.

Несчастливые люди надежды никогда не чувствуютъ столько боли, сколько люди воспоминанія. У надѣющихся всегда болѣе радостное разочарованіе. Поэтому несчастнѣйшаго всегда нужно искать среди несчастныхъ людей воспоминанія.

Но мы пойдемъ далѣе, мы представимъ себѣ сочетаніе обоихъ описанныхъ видоизмѣненій несчастной личности въ болѣе строгомъ смыслѣ слова. Несчастливая надѣющаяся личность не могла перенести своего бытія въ свою надежду, — какъ несчастная вспоминающая личность не

могла перенести своего бытія въ свое воспоминаніе. Сочетаніе возможно только одно: то, что мѣшаетъ ей жить надеждой, есть воспоминаніе, то, что мѣшаетъ ей жить воспоминаніемъ, есть надежда. Отсюда слѣдуетъ, что, съ одной стороны, человѣкъ всегда надѣется на то, что ему слѣдовало бы вспоминать; его надежда постоянно не оправдывается, но когда она не оправдывается, онъ начинаетъ замѣчать, что это зависитъ не отъ того, что цѣль отодвинулась дальше, но отъ того, что цѣль — позади, что онъ уже пережилъ ее или долженъ былъ пережить и, стало быть, перейти къ воспоминанію. Съ другой стороны, онъ вѣчно вспоминаетъ то, на что ему слѣдовало бы надѣяться; ибо будущее онъ постигъ уже мысленно, мысленно пережилъ его, и вспоминаетъ это свое переживаніе, вмѣсто того, чтобы надѣяться на него. Такимъ образомъ, то, на что онъ надѣется, лежитъ позади его, а то, что онъ вспоминаетъ, лежитъ впереди. Его жизнь протекаетъ не въ обратномъ порядкѣ, а въ двойномъ смыслѣ—наизнанку. И онъ скоро почувствуетъ свое несчастіе, хотя онъ еще не понимаетъ, въ чемъ оно собственно заключается. И въ то же время, чтобы ему можно было глубже почувствовать это, возникаетъ непониманіе, которое ежеминутно насмѣхается надъ нимъ самымъ страннымъ образомъ. Въ ежедневномъ быту онъ имѣетъ

честь считаться въ полномъ умѣ и ясномъ сознании, но онъ отлично знаетъ, что, пожелай онъ объяснить свое положеніе хотя бы одному чловѣку въ мірѣ, его приняли бы за сумасшедшаго. Отъ этого легко сойти съ ума, но онъ не сходитъ, и въ этомъ именно все его несчастіе. Все его несчастіе въ томъ, что онъ явился слишкомъ рано на свѣтъ, и поэтому онъ вѣчно является слишкомъ поздно. Онъ вѣчно близокъ къ цѣли и въ тотъ же мигъ онъ уже далекъ отъ нея; и вотъ онъ замѣчаетъ, что то, что въ настоящее время дѣлаетъ его несчастнымъ, потому что онъ обладаетъ имъ, или потому, что онъ самъ таковъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлало бы его счастливымъ, если бы въ то время онъ обладалъ имъ, а между тѣмъ тогда-то онъ былъ несчастенъ, потому что этого у него не было. И его жизнь лишена всякаго смысла, какъ жизнь Анцея, о которомъ, какъ обыкновенно говорятъ, извѣстно только то, что онъ послужилъ поводомъ къ поговоркѣ:

πολλα μεταχ̄ πελει και χυιλος̄ ἄχρον¹⁾.

Какъ будто этого не болѣе, чѣмъ достаточно. Его жизнь не знаетъ никакого покоя и лишена всякаго содержанія, онъ чуждъ своему мгновенію, чуждъ своему будущему, потому что онъ уже пережилъ будущее, чуждъ и прошедшему, потому

¹⁾ По усамъ текло, да въ ротъ не попало.

что прошлое еще не пришло. И вотъ онъ гонимъ, какъ Латона, къ сумраку Гипербореевъ, къ свѣтлому острову Экватора, и онъ не можетъ родить и онъ вѣчно, какъ рождающій. Одинокій, на самого себя покинутый, стоитъ онъ въ безмѣрномъ мѣрѣ, и у него нѣтъ настоящаго, гдѣ бы онъ могъ почить, ни прошлаго, по которому онъ могъ бы тосковать, такъ какъ его прошлое еще не настало, какъ нѣтъ и будущаго, на которое онъ могъ бы надѣяться, ибо его будущее уже прошло. И передъ нимъ—одинъ лишь безмѣрный мѣръ, какъ это Ты, съ которымъ онъ въ разладѣ; ибо весь остальной мѣръ — какъ одно единственное существо для него, и это существо, этотъ неразрывный, назойливый другъ, — Непониманіе. Ему нельзя состариться, такъ какъ онъ никогда не былъ молодъ; онъ не можетъ стать молодымъ, такъ какъ онъ уже старъ; въ извѣстномъ смыслѣ ему нельзя и умереть, такъ какъ онъ вѣдь и не жилъ; въ извѣстномъ смыслѣ ему нельзя и жить, такъ какъ онъ уже умеръ; онъ не можетъ и любить, потому что любовь всегда—въ настоящемъ, а у него нѣтъ ни настоящаго, ни прошедшаго, ни будущаго, и въ то же время онъ—воспримчивая душа, и онъ ненавидитъ мѣръ, только потому, что любить его; у него нѣтъ никакой страсти, не потому, что онъ чуждъ всякой страсти, но потому, что въ одно и то же мгновеніе у него

и противоположная страсть, у него нѣтъ времени ни на что, не потому, чтобы его время было занято чѣмъ-нибудь другимъ, а потому, что онъ совсѣмъ не знаетъ времени; онъ безсиленъ, не потому, что лишенъ силы, а потому, что собственная сила обезсиливаетъ его.

Но наше сердце скоро очерствѣло, наши уши закрыты, пусть и не вполне. Мы слышали хладнокровный голосъ разсужденія, выслушаемте краснорѣчие страсти, короткое, могучее, какъ всякая страсть.

Вотъ стоитъ молодая дѣвушка. Она скорбитъ, что ея возлюбленный оказался невѣренъ. Объ этомъ разсуждать не приходится. Но она только его и любила на свѣтѣ, она любила его всей своей душой, всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣмъ своимъ помышленіемъ—стало быть, она можетъ вспоминать и скорбѣть.

Дѣйствительное ли это существо или образъ, живая ли, что умираетъ, или мертвая, что живетъ—это—Ниобея. Она всего лишилась вдругъ; потеряла то, чему она дала жизнь, потеряла то, что ей дало жизнь. Благоговѣйте передъ нею, дорогие сотоварищи въ смерти, она нѣсколько возвышается надъ міромъ, какъ памятникъ на могильномъ курганѣ. Но ни одна надежда не киваетъ ей, никакое будущее не волнуетъ ее, никакое зрѣлище не влечетъ ее, никакая надежда не тревожитъ ее—безнадежная, стоитъ она, окаменѣвъ

въ воспоминаніи; она была несчастна одинъ мигъ, и въ тотъ мигъ она стала счастлива, и ничто не въ силахъ отнять у нея ея счастье; міръ мѣняется, но она не знаетъ никакихъ перемѣнъ, и время идетъ, но у нея нѣтъ никакого будущаго.

Взгляните туда, какое прекрасное собраніе. Одинъ родъ подаетъ руку другому. Для благословенія, для вѣрнаго союза, для радостной пляски? Это—отверженный родъ Эдипа; и ударъ передается дальше и поражаетъ послѣдній отпрыскъ его—это—Антигона. Но о ней уже позаботились; скорби рода хватить на одну человѣческую жизнь! Она отвернулась отъ надежды, она перемѣнила ея непостоянство на вѣрность воспоминанія. Будь же счастлива, Антигона. Мы желаемъ тебѣ долгихъ дней, исполненныхъ значенія, какъ глубокой вздохъ. Пусть никакое забвеніе не отниметъ у тебя ничего. Пусть будетъ дана тебѣ вся полнота повседневной горечи скорби.

Появляется могучій образъ; но онъ не одинъ, съ нимъ и друзья его, зачѣмъ же онъ является сюда? Это—Патріархъ скорби, это—Іовъ—и его друзья. Онъ утратилъ все, но не подъ однимъ ударомъ. Ибо Господь взялъ, и Господь взялъ, и Господь взялъ. Друзья помогли ему почувствовать горечь утраты; ибо Господь далъ, и Господь далъ, и Господь далъ—и неразумную жену въ придачу. Онъ утратилъ все; ибо то, что онъ со-

хранилъ, не заслуживаетъ нашего вниманія. Ему надлежитъ благоговѣнне, дорогіе, за его сѣдые волосы и его несчастье. Онъ утратилъ все, но онъ и обладалъ всѣмъ.

Онъ посѣдѣлъ, голова у него поникла, его лицо осунулось, его душа отягчена заботой. Это—отецъ блуднаго сына. Какъ Іовъ, онъ утратилъ самое дорогое на свѣтѣ, но его отнялъ не Господь, а врагъ; онъ не потерялъ, но теряетъ; это не отнято у него, но исчезаетъ. Онъ не сидитъ у своего очага въ пеплѣ и власяницѣ; онъ ушелъ изъ своего дома, бросилъ все, чтобы искать утраченнаго сына; онъ тянется за нимъ, но его рука не достигаетъ его; онъ зоветъ его, но его голосъ не доходитъ до него. Все же онъ надѣется, пусть сквозь слезы, онъ замѣчаетъ его, пусть сквозь туманъ, настигаетъ его, хотя бы въ смерти. Надежда осѣняетъ его и ничто не привязываетъ его къ міру, кромѣ надежды, во имя которой онъ живетъ. Его ноги устали, глаза тускнѣютъ, его тѣло ищетъ покоя, но его надежда живетъ. Волосы у него посѣдѣли, его тѣло дряхло, его ноги останавливаются, его сердце разрывается, его надежда живетъ. Возвеличьте его, дорогіе *Σοφταρανεκρωμενοι* онъ былъ несчастенъ.

Кто этотъ блѣдный образъ, безсильный, какъ призракъ Смерти? Его имя забыто, много вѣковъ прошло послѣ его дней. Онъ былъ юношей, былъ

полонъ воодушевленія. Онъ искалъ мученичества. Въ мысляхъ, онъ видѣлъ себя пригвожденнымъ къ кресту и небеса отверстыми; но дѣйствительность была слишкомъ тяжела для него, мечты исчезли, онъ отрекся отъ Господа своего и себя. Онъ хотѣлъ поднять міръ, но надорвался подъ бременемъ; его душа не была раздавлена, не была уничтожена, она была разбита, его духъ былъ надорванъ, его душа была искалѣчена. Привѣтствуйте его, дорогіе *Σοφταρχοκρῆμοι*, онъ былъ несчастенъ. И все же онъ былъ счастливъ, онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ стать, онъ сталъ таки мученикомъ, пусть его мученичество было и не то, какого онъ алкалъ, такъ какъ онъ не былъ ни пригвожденъ къ кресту, ни брошенъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, но сгорѣлъ живымъ, былъ медленно снѣдаемъ медленнымъ огнемъ.

Вонъ, тамъ сидитъ молодая дѣвушка, въ раздумьи. Ея возлюбленный оказался невѣренъ ей — объ этомъ разсуждать не приходится. Молодые дѣвушки, всмотритесь въ серьезныя лица собравшихся, они слышали болѣе ужасныя вещи, ихъ безстрашныя души требуютъ еще большихъ несчастій.—Но я только его и любила на свѣтѣ, я любила его всей моей душою, всѣмъ моимъ сердцемъ, всѣмъ моимъ помышленіемъ.—Но это мы уже слышали раньше, не утомляй нашей нетерпѣливой тоски; ты можешь вспоминать и скор-

бѣть.—Нѣтъ, я не могу скорбѣть, потому что онъ можетъ быть не былъ невѣренъ, быть можетъ, онъ не измѣнилъ.—Почему же ты не можешь скорбѣть?—подойди ближе, избранница средь дѣвъ, прости строгаго судью, что онъ хотѣлъ оттолкнуть тебя, ты не можешь плакать, стало быть, ты можешь надѣяться.—Нѣтъ, я не могу надѣяться, почтому что онъ былъ какъ загадка. Хорошо, дѣвушка, я понимаю тебя. Ты стоишь высоко на лѣстницѣ несчастія; взгляните на нее, дорогіе *Σοφ. παρακλητικῆς*, она паритъ почти на вершинѣ несчастія. Но ты должна раздѣлиться—ты должна надѣяться днемъ, а скорбѣть по ночамъ, или скорбѣть днемъ, а надѣяться по ночамъ. Будь горда; ибо никогда не слѣдуетъ гордиться счастьемъ, а только несчастіемъ. Ты — не самая несчастная, но не кажется ли вамъ, дорогіе, *Σοφ. παρακλητικῆς*, что мы должны присудить ей почетное „совершилось“? Гроба мы ей не можемъ присудить, но самое близкое мѣсто подлѣ него.

Потому что, вотъ, стоитъ онъ, вѣстникъ изъ царства вздоховъ, избранный баловень страданія, апостоль скорби, безмолвный другъ боли, несчастный любовникъ воспоминанія, въ своемъ воспоминаніи смущенный свѣтомъ надежды, въ своей надеждѣ обманутый тѣнями воспоминанія. Голова у него отяжелѣла, колѣни изнемогли у него, и все же онъ отдыхаетъ только на ногахъ. Онъ слабъ и все же

какъ силенъ; кажется, что его глаза не пролили, но поглотили много слезъ, и все же въ нихъ пылаетъ огонь, который могъ бы пожрать весь міръ, и все же ни малѣйшей занозы скорби въ его собственной груди; онъ согбенъ и все же его юность сулитъ ему долгую жизнь, его уста улыбаются міру, который не понимаетъ его. Встаньте, дорогіе *Сорларавехроревон*, падите ницъ, свидѣтели скорби, въ этотъ торжественный часъ. Привѣтствую тебя, великій Незнакомецъ, чье имя мнѣ невѣдомо, привѣтствую тебя твоимъ почетнымъ титуломъ: Несчастнѣйшаго. Прими привѣтъ здѣсь, въ твоей отчизнѣ, отъ общины несчастныхъ, прими привѣтъ у входа въ смиренную тѣсную обитель, которая все же величавѣ всѣхъ дворцовъ міра. Смотри, камень снятъ, гробовыя тѣни ждутъ тебя со своею отрадною прохладой. Но можетъ быть еще не настало время, можетъ быть, путь еще дологъ; но мы обѣщаемъ тебѣ часто собираться здѣсь, чтобы завидовать твоему счастью. Прими же наще пожеланіе, благое пожеланіе: пусть никто не понимаетъ тебя, но пусть всѣ завидуютъ тебѣ; пусть ни одинъ другъ не слѣдуетъ за тобой; пусть ни одна дѣвушка не любитъ тебя; пусть никакое тайное сочувствіе не разгадаетъ твоей одинокой скорби; пусть ничей взглядъ не откроетъ твоего далекаго страданія; пусть ничей слухъ не уловитъ твоего затаеннаго вздоха. Если

же твоя гордая душа пренебрегаетъ такимъ со-
страдавательнымъ пожеланіемъ, презираетъ подоб-
ное облегченіе, то пусть дѣвушки любятъ тебя,
пусть беременныя прибѣгаютъ къ тебѣ въ своемъ
страхѣ; пусть матери уповаютъ на тебя; пусть
умирающій ищетъ у тебя утѣшенія; пусть юноши
идутъ за тобою; пусть мужи полагаются на тебя;
пусть старецъ хватается за тебя, какъ за посохъ;
пусть весь міръ вѣритъ, что ты можешь сдѣлать
его счастливымъ. Прощай же, несчастнѣйшій. Но
что я говорю: несчастнѣйшій, мнѣ слѣдовало бы
сказать—счастливейшій; вѣдь это же такой даръ
счастія, какого никто не можетъ дать себѣ. Ви-
дишь, языкъ нѣмѣетъ и мысли путаются; ибо кто
счастливейшій, кромѣ несчастнѣйшаго, и кто—
несчастнѣйшій, какъ не счастливейшій, и что
такое жизнь, какъ не безуміе, и вѣра, какъ не
сумасшествіе, и надежда—какъ не отсрочка удара
на плахѣ—и любовь—какъ не укусъ для раны.

Онъ исчезъ, и мы снова стоимъ у этого пустого
гроба. Пожелаемъ же ему мира, и отдыха, и исцѣ-
ленія, и всякаго счастія, и скорой смерти, и вѣч-
наго забвенія, и никакого воспоминанія, чтобы даже
память о немъ не сдѣлала несчастнымъ другого.

Возстаньте, дорогіе *Σοφ. παρανεχρωμενοι*. Ночь про-
шла и день снова начинается свою неутомимую
дѣятельность, повидимому, никогда не уставая
вѣчно и вѣчно повторять самого себя.

ЛІАФАЛМАТА.

Что такое поэтъ? Несчастный человекъ, въ чьемъ сердцѣ скрыта глубокая скорбь, но чьи уста устроены такъ, что, когда съ нихъ срывается вздохъ и вопль, то они звучатъ, какъ прекрасная музыка. Его участь — какъ участь несчастныхъ, что медленно на медленномъ огнѣ сгорали въ быкъ Фаларида, но чьи вопли не могли достигнуть слуха тирана и повергнуть его въ ужасъ, — такъ какъ они звучали ему, какъ сладостная музыка. И люди толпятся вокругъ поэта и говорятъ ему: пой тотчасъ же снова, т.-е., пусть новыя страданія терзаютъ твою душу и пусть твои уста останутся, какъ прежде; ибо вопль только испугалъ бы насъ, а музыка сладостна. И являются критики, и говорятъ: это — правильно, такъ и должно быть по законамъ эстетики. Теперь понятно, что критикъ — похожъ на поэта, какъ двѣ капли воды, только у него нѣтъ страданія въ сердцѣ, нѣтъ музыки на устахъ. Поэтому я хочу лучше пасти свиней на Амагерѣ и быть понятымъ свиньями, чѣмъ быть поэтомъ и быть непонятымъ людьми.

* * *

Люди нелѣпы. Они никогда не пользуются свободою, которая у нихъ есть, но требуютъ той, которой у нихъ нѣтъ; у нихъ есть свобода мысли, они же требуютъ свободы выраженія.

* * *

Я ничего не хочу. Я не хочу ѣздить верхомъ, ибо это — слишкомъ сильное движеніе; не хочу ходить, это слишкомъ утомительно; не хочу прилечь, потому что я или долженъ остаться лежать, а этого я не хочу, или долженъ снова встать, а этого я тоже не хочу. Summa Summarum: я ничего не хочу.

* * *

Какъ извѣстно, есть насѣкомыя, которыя умираютъ въ мигъ оплодотворенія; то же и со всякой радостью, — высшій и наиболѣе полный мигъ наслажденія въ жизни сопровождается смертью.

* * *

Сверхъ моихъ остальныхъ многочисленныхъ знакомыхъ у меня есть еще одинъ близкій другъ — моя тоска; среди моей радости, среди моего труда киваетъ онъ мнѣ, отзываетъ меня въ сторону, пусть тѣлесно я и остаюсь, гдѣ былъ. Моя тоска —

самая вѣрная любовница, какую я знавала, что же тогда удивительнаго, что я люблю взаимно.

* * *

Изъ всѣхъ смѣшныхъ вещей наиболѣе, на мой взглядъ, смѣшно торопиться на свѣтъ, быть человѣкомъ, который спѣшитъ со своей ѣдой и спѣшитъ со своимъ дѣломъ. Поэтому, когда я вижу, какъ въ рѣшительное мгновеніе на носъ такому дѣловитому человѣку садится муха, или какъ его забрызгала карета, проносящаяся мимо него еще съ большею быстротой, или какъ мостикъ ломается подъ нимъ, или падаетъ черепица и убиваетъ его, то я смѣюсь отъ всей души. Что же тутъ смѣшнаго? Чего достигаютъ эти лихорадочные дѣльцы? Развѣ съ ними не то же, что съ тою женщиной, которая во время пожара въ домѣ, въ замѣшательствѣ, спасла щипцы? Что же больше они могутъ спасти среди великаго пожара жизни?

* * *

Пусть другіе жалуются на плохія времена; я жалуясь на то, что время ничтожно; потому что оно лишено страсти. Людскія мысли тонки и непрочны, какъ кружева, а сами люди жалки, какъ кружевницы. Помыслы ихъ сердцець слишкомъ ничтожны, чтобы быть грѣховными. Иному чер-

вяку можетъ быть показалось бы грѣхомъ лѣять подобные помыслы, но не человѣку, созданному по образу и подобію Божьему. Ихъ веселье степенно и вяло, ихъ страсти сонливы; эти души торгашей исполняютъ свои обязанности, но какъ евреи, позволяютъ себѣ отсѣкать отъ монеты маленькій кусочекъ; они думаютъ, что, пусть Господь и ведетъ строгую отчетность, все же можно безнаказанно обманывать Его въ маломъ. Презрѣніе имъ! Поэтому моя душа всегда обращается назадъ къ Ветхому Завету и Шекспиру. Тамъ чувствуешь, что это люди говорятъ; тамъ ненавидятъ, тамъ любятъ, убиваютъ своего врага, проклинаятъ его потомство на всѣ поколѣнія, тамъ грѣшатъ.

* * *

Человѣческая важность все еще признается въ природѣ; потому что, когда хотятъ отогнать птицъ отъ деревьевъ, то сажаютъ что-нибудь, похожее на человѣка, и даже такого отдаленнаго сходства съ человѣкомъ, какъ у пугала, достаточно, чтобы внушить уваженіе.

* * *

Лучшее доказательство убожества существованія—то, которое почерпается изъ созерцанія его великолѣпія.

* * *

Жалкое созданіе! Напрасно ты румянишь, какъ старая блудница, свое морщинистое лицо, напрасно гремишь погремушками; ты мнѣ постыль; вѣдь это—то же самое, *idem per idem*. Никакой перемѣны, вѣчное вскипаніе вновь. Приди же, сонъ и смерть, ты ничего не обѣщаешь, ты сдерживаешь все.

* * *

То, что философы говорятъ о дѣйствительности, часто столь же обманчиво, какъ у старьевщика надпись на вывѣскѣ: Здѣсь катаютъ бѣлье. Еслибъ кто пришелъ къ нему катать свое бѣлье, то онъ ошибся бы, потому что вывѣска просто продается.

* * *

Для меня нѣтъ ничего опаснѣе воспоминанія. Какъ только я сталъ вспоминать какія-нибудь отношенія въ жизни, то сами отношенія прекратились. Говорятъ, что разлука помогаетъ оживить любовь. Можетъ быть это и справедливо, но она оживляетъ чисто поэтическимъ образомъ. Жить воспоминаніемъ—самая совершенная жизнь, какая только мыслима, воспоминаніе насыщаетъ щедрѣе всякой дѣйствительности, и у него есть несомнѣн-

ность, которой нѣтъ ни у одной дѣйствительности. Вспоминаемая житейскія обстоятельства уже перешли въ вѣчность и не имѣютъ больше никакого временнаго значенія.

* * *

Наслажденіе собственно заключается не въ томъ, что вкушаютъ, а въ представленіи. Будь у меня на посылкахъ нѣкій услужливый духъ, который, на мое желаніе получить стаканъ воды, принесъ бы мнѣ въ кубкѣ сладостную смѣсь изъ самыхъ драгоценныхъ винъ на свѣтѣ, то я отстранилъ бы его, пока онъ не понялъ бы, что наслажденіе не въ томъ, что я вкушаю, а въ томъ, чтобы получить желанное.

* * *

Познанія истины я, можетъ быть, достигъ, блаженства, конечно,—нѣтъ. Что же мнѣ дѣлать? Дѣйствовать въ мірѣ, отвѣчаютъ люди. Тогда мнѣ пришлось бы передать міру мою скорбь, внести одной лептой больше въ доказательство того, какъ все печально и ничтожно, можетъ быть, открыть новое пятно въ человѣческой жизни, которое до сихъ поръ оставалось незамѣченнымъ? Тогда я могъ бы пожать рѣдкую награду стать знаменитостью, подобно человѣку, открывшему пятна на Юпитерѣ. Но я предпочитаю молчать.

Какъ скука чудовищна—чудовищно скучна; я не знаю болѣе сильнаго выраженія, болѣе мѣт-каго, потому что только равное познается равнымъ. Если бѣ нашлось выраженіе выше, сильнѣе, то все же еще было бы движеніе. Я же лежу, распростертый, безъ дѣйствія; единственное, что я вижу,—пустота, единственное, чѣмъ я живу,—пустота, единственное, въ чемъ я движусь,—пустота. Я даже боли не чувствую. Коршунъ все же непрерывно терзалъ печень Прометея; все же была убыль, пусть и однообразная. Само страданіе утратило свою отраду для меня. Если бѣ мнѣ посулили все великолѣпіе міра и все горе міра, то я даже не повернулся бы на другой бокъ, ни для того, чтобы тянуться на встрѣчу, ни для того, чтобы бѣжать. Я умираю. И что же могло бы оживить меня? Да, если бѣ я увидѣлъ вѣрность, выдержавшую всякое испытаніе, — воодушевленіе, вынесшее все,—вѣру, сдвинувшую горы; если бѣ я ощутилъ мысль, связавшую конечное съ безконечнымъ! Но ядовитое сомнѣніе моей души разъѣдаетъ все. Моя душа—какъ мертвое море, черезъ которое не можетъ перелетѣть ни одна птица; на половинѣ пути, усталая, она падаетъ внизъ, въ смерть и уничтоженіе.

* * *

Въ этомъ мое несчастіе: подлѣ меня вѣчно шествуетъ Ангелъ Смерти, и не двери избранныхъ я окропляю кровью въ знакъ того, что онъ долженъ пройти мимо нихъ, нѣтъ, именно въ ихъ двери онъ и входитъ,—потому что только любовь воспоминанія счастлива.

* * *

Вино больше не веселитъ моего сердца; мало его—дѣлаетъ меня грустнымъ, много—унылымъ. Моя душа утомлена и безсильна, тщетно я вонзаю шпоры веселья въ ея бока, она больше не можетъ, она больше не взвивается царственнымъ прыжкомъ. Я утратилъ всякую иллюзію. Тщетно стараюсь я отдаться безконечности радости, она не можетъ вознести меня, или вѣрнѣе я самъ не могу возвестись. Раньше, стоило ей только кивнуть мнѣ, и я шель легко, и бодро, и радостно. Когда я медленно проѣзжалъ черезъ лѣсъ, то я точно летѣлъ; когда же теперь вспѣнный конь почти выбивается изъ силъ, то мнѣ кажется, что я не двигаюсь съ мѣста. Одинокъ я, такимъ я былъ всегда; оставленный, не людьми, это не терзало бы меня, но счастливыми геніями радости, что огромной толпой окружали меня, встрѣчали всюду знакомыхъ, всюду оказывали благоволе-

ніе ко мнѣ. Какъ опьяненный человѣкъ собираетъ вокругъ себя радостную толпу, такъ и они толпились вокругъ меня, эльфы радости, и къ нимъ относилась моя улыбка. Моя душа утратила возможность. Если бѣ мнѣ нужно было желать чего-нибудь, то я не сталъ бы желать себѣ ни богатства, ни власти, но лишь страсти возможности, того глаза, что, вѣчно юный, вѣчно озаренный, всюду видитъ возможность. Наслажденіе обманываетъ, возможность—нѣтъ. И какое вино такъ пѣнится, какое столь же благовонно, какое такъ опьяняетъ!

* * *

Моя скорбь—мой рыцарскій замокъ, что, какъ орлиное гнѣздо, ютится высоко на вершинѣ горъ, въ облакахъ; онъ неприступенъ. Съ него я мчусь внизъ, въ дѣйствительность, и хватаю свою добычу; но я не остаюсь въ долинѣ, я уношу свою добычу домой, и эта добыча—образъ, который я вплетаю въ ковры моего замка. Тамъ я живу, какъ умершій. Все, что тамъ пережито, я погружаю въ купель забвенія для вѣчности воспоминанія. Все конечное и случайное забыто и изъято. Въ раздумьи, я сижу тамъ, какъ сѣдовласый старецъ, и объясняю образы, тихимъ голосомъ, почти шепотомъ, и подлѣ меня сидитъ

дита и слушаетъ, внимательно запоминаетъ все, что я рассказываю.

* * *

Солнце такъ волшебнo и такъ сладостно льетъ свѣтъ въ мою комнату, окно раскрыто; на улицѣ тихо, это—воскресный вечеръ. Я отчетливо слышу жаворонка, онъ поетъ свою пѣсню за окномъ, въ одномъ изъ сосѣднихъ садовъ, передъ оконцемъ, гдѣ живетъ красивая дѣвушка; съ отдаленной улицы доносится до меня глосъ продавца креветокъ; воздухъ—такой теплый, но городъ точно вымеръ.—И вотъ мнѣ вспоминается моя юность и моя первая любовь—тогда я тосковалъ, теперь я тоскую только по моей первой тоскѣ. Что такое юность? Сонъ. Что такое любовь? Содержаніе сна.

ІЕНСЪ ПЕТЕРЪ ЯКОВСЕНЪ

НИЛЬСЪ ЛЮНЕ. Романъ. Пер. С. Городецкаго.

Нильсъ Люне.

I.

У нея были черные, сіяющіе глаза Блидеровъ съ тонкими, совершенно прямыми бровями, у нея былъ ихъ сильно развитой носъ, ихъ мощный подбородокъ, ихъ пухлыя губы. — Наслѣдовала она и странную, болѣзненно-чувственную черту въ углахъ рта и безпокойное движеніе головы, но ея щеки были блѣдны, а ея волосы были мягки, какъ шелкъ, и обнимали плоско и гладко формы головы.

Блидеры были не такіе; ихъ цвѣта были—розы и бронза, волосы были пышные и курчавые, — густые, какъ грива; и потомъ у нихъ были глубокіе, полнозвучные, гибкіе голоса, которые были въ удивительномъ созвучіи съ семейными сказаніями о шумныхъ охотахъ, о торжественныхъ обѣдняхъ и о безчисленныхъ любовныхъ похожденияхъ ихъ предковъ.

Но ея голосъ былъ тусклый и беззвучный.

Я рассказываю о томъ, какую она была въ

семнадцать лѣтъ; немного лѣтъ спустя, когда она выходила замужъ, голосъ у нея сталъ полнѣе, цвѣтъ щекъ—свѣжѣе, и глаза стали матовыми, но какъ будто бы еще больше и темнѣе, чѣмъ прежде.

Въ семнадцать лѣтъ она очень отличалась отъ своихъ сестеръ, и у нея уже не было никакой внутренней близости съ ея родителями. Близость принадлежала къ той практической породѣ людей, которые берутъ жизнь, какъ она есть; въ свое время они работали, въ свое время они спали, и имъ никогда въ голову не приходило требовать большаго или другихъ развлеченій, кромѣ праздника жатвы, да трехъ, четырехъ званыхъ обѣдовъ на святкахъ. Набожными они не были, но имъ легче могло прійти въ голову не платить податей, чѣмъ не воздать Богу того, что ему надлежитъ, а потому по вечерамъ они читали свои молитвы, ходили по праздникамъ въ церковь, пѣли псалмы въ сочельникъ и дважды въ годъ причащались. И любознательными они не были, а что касается ихъ пониманія красоты, то они вовсе не были равнодушны къ маленькимъ, сентиментальнымъ пѣснямъ, и когда наступало лѣто, и трава густая и пышная разрасталась на лугахъ, и хлѣбъ колосился на широкомъ полѣ, тогда они часто говорили другъ другу, что вотъ хорошо теперь выйти погулять. Но они были не очень-то поэтическими натурами; красота не

опьяняла ихъ; тоска о невѣдомомъ была имъ чужда, какъ сны на яву.

Но съ Бартолиною было иначе; ее нисколько не интересовали событія въ конюшнѣ и въ полѣ, не интересовали мыза и домашнее хозяйство—нисколько.

Она любила стихи.

Въ стихахъ она жила, стихами грезила, и объ нихъ думала, пожалуй, больше, чѣмъ обо всемъ остальномъ на свѣтѣ.

Родители и сестры, сосѣди и знакомые, рѣдко произносили слово, которое глубже затронуло бы ее, такъ какъ мысли ихъ почти никогда не подымались выше того клочка земли или той работы, которая была у нихъ въ рукахъ, равно какъ и взоръ ихъ былъ всегда прикованъ только къ тому, что предстояло или совершалось передъ ихъ глазами.

Но стихи!—Они давали ей такъ много новыхъ мыслей и глубокихъ поученій о жизни тамъ, во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ царить черная печаль и красная радость; они сверкали образами, они пѣнились и играли ритмомъ и приемами;—въ нихъ говорилось всегда о молодыхъ дѣвушкахъ, и молодые дѣвушки были благородны и прекрасны, и сами едва-ли понимали это; ихъ сердца и любовь ихъ были драгоцѣннѣе богатствъ цѣлаго міра, и мужчины носили ихъ на рукахъ, поднимали ихъ

высоко, высоко въ солнечное сіяніе счастья, чтили ихъ и благоговѣли передъ ними, были счастливы получить право дѣлить съ ними свои мысли и планы, свои побѣды и славу, и потомъ еще говорили, что это этими счастливыми, молодыми дѣвушками придуманы всѣ планы и одержаны всѣ побѣды.

И почему самой не быть такою дѣвушкою? онѣ—такія, и онѣ—вотъ такія, и онѣ сами этого не знаютъ; какъ я могу знать, кто я? и поэты говорятъ ясно, что это—жизнь; а шить и вязать, и заниматься хозяйствомъ, и дѣлать глупые визиты—какая же это жизнь!

Строго разсуждая, въ основѣ этого лежало, конечно, не что иное, какъ болѣзненное побужденіе испытать самое себя, стремленіе найти самое себя, что такъ часто бываетъ у молодыхъ дѣвушекъ, одаренныхъ болѣе обычнаго уровня; но худо было то, что въ своемъ кругу она не встрѣчала ни одной превосходящей ее природы, на которой она могла бы измѣрить свои собственныя способности; какъ ни разу не нашлось ни одной родственной природы, и потому Бартолина дошла до того, что считала себя чѣмъ-то чудеснымъ, исключительнымъ, какъ нѣкое тропическое растеніе, которое, взойдя въ суровомъ климатѣ, теперь могло только распустить печально свою листву, тогда какъ въ болѣе тепломъ воздухѣ, подъ жаркимъ солнцемъ, оно вынесло бы стройный стебель съ поразительными

и пышными цвѣтами. Это, думала она, было бы ея настоящимъ бытіемъ, тѣмъ, во что превратила бы ее подходящая среда,—и грезилась ей тысячи грезъ объ этой солнечной странѣ, и изнывала она въ тоскѣ по ея истинному, богатому Я, и забывала, какъ всегда легко забыть, что самая прекрасная мечта, самое глубокое и страстное желаніе ни крупицы не прибавить къ росту человѣческаго духа.

.....
Потомъ случилось, что въ одинъ прекрасный день явился къ ней женихъ.

Это былъ молодой Люне изъ Лёнборгора, послѣдній отпрыскъ рода, который въ теченіе трехъ поколѣній принадлежалъ къ числу интеллигентнѣйшихъ родовъ провинціи. Въ качествѣ бургомистровъ, начальниковъ правительственныхъ учрежденій или королевскихъ комиссаровъ, часто награждаемые высокими чинами, служили они въ свои болѣе зрѣлые годы своему королю и своему отечеству усердно и честно. Въ свои молодые годы они, посредствомъ обдуманно рассчитанныхъ и основательно выполненныхъ образовательныхъ путешествій по Франціи и Германіи, обогащали свою впечатлительную душу научными познаніями, знакомствомъ съ произведеніями искусства, и впечатлѣніями жизни, всѣмъ, что такъ щедро предлагали имъ чужія страны. И когда они потомъ возвращались домой, то годы, проведенные

на чужбинѣ, не откладывались въ сторону, въ область старыхъ воспоминаній, какъ воспоминанія о прошедшемъ праздникѣ, чей послѣдній звукъ и чья послѣдняя свѣча затихли и погасли,—нѣтъ, и сама жизнь въ родномъ домѣ строилась по тѣмъ скитальческимъ годамъ; и тѣ интересы, которые тамъ возникли, не могли ни подъ какимъ видомъ заглухнуть, но поддерживались и развивались всѣми доступными средствами; дорогія гравюры, великолѣпныя бронзы, творенія нѣмецкихъ поэтовъ, сочиненія французскихъ юристовъ и французская философія были предметами обихода и темами ежедневныхъ разговоровъ въ домѣ Люне.

Что касается ихъ характера, то они вели себя съ нѣсколько старомодною легкостью и скромною учтивостью, которая часто странно отличала ихъ отъ ихъ глупо-величавыхъ и угловато-чопорныхъ знакомыхъ и друзей. Они говорили широко - округленными, изящно - обточенными фразами, но, признаться, нѣсколько аффектировано и риторично; впрочемъ, это отмѣнно шло къ ихъ крупнымъ, виднымъ фигурамъ съ высокими, выпуклыми лбами, съ густыми, курчавыми волосами, со свѣтлыми, спокойно улыбающимися глазами и тонко сформированными, слегка изогнутыми носами; но нижняя часть лица была очень тяжелая, ротъ слишкомъ великъ, и губы слишкомъ толстыя.

Подобно тому, какъ всѣ эти внѣшнія черты

были выражены слабѣе у молодого Люне, такъ и душа его была какъ бы уже усталая, и духовныя возбужденія, въ родѣ благородныхъ эстетическихъ восторговъ, которые онъ встрѣтилъ на своемъ пути, не вызвали въ немъ особенной ревности или стремленій. Хотя онъ занимался ими съ добросовѣстнымъ стараніемъ, но его усердіе не приводило его къ радостному сознанію, что его душа приходитъ въ движеніе и трепеть, и онъ не испытывалъ гордаго самоощущенія, что всѣ эти вещи ему вполне подъ силу. Удовольствіе преодолѣть трудность было единственнымъ утѣшеніемъ, котораго онъ достигалъ.

Свое имѣніе Лёнборгоръ онъ наслѣдовалъ отъ недавно умершаго дяди и возвратился изъ традиціоннаго заграничнаго путешествія, чтобы самому управлять своимъ владѣніемъ. Такъ какъ Блиндеры были его ближайшіе сосѣди по имѣнію и его дядя былъ съ этимъ семействомъ въ дружескихъ отношеніяхъ, то онъ сдѣлалъ имъ визитъ, увидѣлъ Бартолину и влюбился въ нее.

Что и она въ него влюбилась, было почти само собою понятно.

Вѣдь это же былъ наконецъ-то человѣкъ изъ того внѣшняго міра, человѣкъ, который жилъ въ большихъ, далекихъ городахъ, гдѣ къ солнечно-свѣтлому небу поднимаются цѣлые лѣса башенъ и зубцовъ, гдѣ воздухъ трепеталъ отъ звона коло-

коловъ, гуденія органовъ и нѣжныхъ звуковъ мандолинъ, въ то время, какъ блестящая толпа, въ золотѣ и краскахъ, торжественно проходила по широкимъ улицамъ; гдѣ сіяли мраморныя палаты, гдѣ надъ высокими порталами сочетались и блистають пестрые гербы надменныхъ родовъ, а на округленныхъ, каменныхъ балконахъ развивались благоухающія вуали, и двигались туда и сюда сверкающія опахала. То былъ человекъ, объѣздившій тѣ страны, гдѣ проходили побѣдоносныя полки; гдѣ знаменитыя битвы надѣлили имена деревень и полей неумирающимъ блескомъ; гдѣ дымъ цыганскихъ стоянокъ поднимается далеко надъ вершинами лѣсныхъ деревьевъ, межъ тѣмъ какъ красныя руины съ увѣнчанныхъ виноградомъ вершинъ осѣняютъ улыбающуюся долину, гдѣ шумитъ мельничное колесо, и стада, звеня колокольчиками, возвращаются домой по высокоизогнутому мосту.

Обо всемъ этомъ онъ рассказывалъ; но не какъ поэтъ, а гораздо правдивѣе, и притомъ такъ просто, какъ будто бы говорилъ о сосѣднихъ городахъ и пасторскихъ усадьбахъ. Онъ говорилъ также о живописцахъ и поэтахъ, и возносилъ до небесъ имена, которыхъ она никогда не слышала. Онъ показывалъ ей снимки съ ихъ картинъ и читалъ ихъ стихи, и въ саду и на пригоркахъ, откуда имъ видна была свѣтлая гладь фіордовъ и

бурия волны дубравъ. Любовь дѣлала его поэтическимъ, все окрестъ становилось прекраснымъ, и уже облака были тѣми облаками, которыя проносились въ поэмѣ, и уже деревья облекались въ ту листву, которая такъ уныло трепетала въ балладахъ.

Бартолина была счастлива, потому что ихъ любовь превращала день и ночь въ непрерывный рядъ поэтическихъ настроеній. Была поэзія и въ томъ, какъ она шла ему навстрѣчу; поэзія была, когда она въ вечерѣющихъ солнечныхъ лучахъ стояла на холмѣ и бросала ему послѣдній привѣтъ, и потомъ со сладкой болью шла въ свою уединенную каморку, чтобы спокойно думать о немъ; и когда она въ своей вечерней молитвѣ за него молилась, это была та же поэзія!

Уже теперь не томилась она этими неясными желаніями; новая жизнь съ ея измѣнчивыми настроеніями наполняла ее, и ея мысли и возрѣнія становились яснѣе отъ того, что теперь ей было къ кому обратиться откровенно, не боясь, что ее не поймутъ.

Измѣнилась она также и въ другомъ отношеніи: счастье сдѣлало ее болѣе ласковою къ родителямъ и сестрамъ, и она скоро нашла, что у нихъ на самомъ дѣлѣ больше пониманія и чувства, чѣмъ она предполагала.

Потомъ они обвѣнчались.

Первый годъ былъ похожъ на время передъ свадьбою. Но чѣмъ болѣе продолжалась ихъ совместная жизнь, тѣмъ все яснѣе становилось для Люне, что его утомляетъ необходимость подыскивать своей любви все новыя выраженія, — необходимость постоянно наряжаться въ перья поэзіи, совершать обширныя полеты по небесамъ различныхъ настроеній и по всѣмъ глубинамъ мысли; ему бы хотѣлось въ благодушномъ покоѣ тихо сидѣть на своей вѣткѣ и въ дремотѣ прятать свою усталую голову въ мягкій пухъ подъ крыломъ. Онъ не представлялъ себѣ любовь, какъ вѣчно пылающій огонь, который своимъ мощнымъ, пламеннымъ свѣтомъ озаряетъ всѣ изгибы существованія и фантастично являетъ все и болѣе великимъ, и болѣе чуждымъ, чѣмъ оно есть, — любовь для него была тихо тлѣющимъ костромъ, который изъ-подъ своего мягкаго слоя пепла распространяетъ вокругъ равномерную теплоту и въ затихающихъ сумеркахъ тихо окутываетъ дали, и близкое являетъ вдвойнѣ близкимъ и вдвойнѣ своимъ.

Онъ былъ утомленъ, измученъ; онъ больше не могъ переносить поэзіи, онъ тосковалъ о твердой почвѣ повседневной жизни, какъ рыба, задыхающаяся въ знойномъ воздухѣ, тоскуетъ о прозрачной, свѣжей водѣ. Это должно было кончиться, это должно было само собою кончиться;

Бартолина уже не была такъ неопытна относительно жизни и книгъ, она освоилась съ ними такъ же, какъ и онъ; онъ передалъ ей все, что самъ получилъ, и теперь постоянно долженъ былъ снова давать ей; но это было невозможно, у него больше ничего не было; его единственнымъ утѣшеніемъ было то, что Бартолинѣ предстояло счастье быть матерью.

Уже давно съ печалью замѣтила Бартолина, что она постепенно начинаетъ смотрѣть на Люне другими глазами, что онъ уже не стоитъ на той головокружительной высотѣ, на которую она поставила его въ дни ихъ помолвки. Она все еще была твердо убѣждена, что у него есть то, что она называла поэтической натурою, но уже страхъ овладѣвалъ ею, когда, бывало, проза нѣтъ-нѣтъ да и покажетъ свое лошадиное копыто. Тѣмъ ревностиѣе стремилась она къ поэзiи и пыталась возстановить прежнее состояніе, осложняя его еще большимъ богатствомъ настроеній, еще большимъ воодушевленіемъ; но она получала такой слабый отзвукъ, что порой сама себѣ начинала казаться сентиментальной и жеманной. Нѣкоторое время она еще пыталась увлечь Люне, преодолѣть его упорство; еще не вѣрила въ то, о чемъ догадывалась. Но когда, наконецъ, безуспѣшность ея усилій начала возбуждать въ ней сомнѣніе въ томъ, что въ *ея* душѣ и въ *ея* сердцѣ

дѣйствительно заключены такія несмѣтныя богатства, какъ она думала,—тогда внезапно перестала она замѣчать Люне, сдѣлалась холодною, тихою и замкнутою, и въ одиночествѣ, въ спокойствіи, предалась печали о своихъ разрушенныхъ иллюзіяхъ. Тогда-то она поняла, что горько ошибалась, что въ дѣйствительности Люне внутренне совершенно не отличался отъ тѣхъ, кто окружалъ ее раньше, и что то, чѣмъ она обольщалась, было только совершенно обычнымъ: ея любовь только на краткое время придала ему быстротечный ореолъ душевнаго величія, что такъ часто случается съ низкими натурами.

Эта перемѣна въ ея отношеніяхъ къ нему печалила и огорчала Люне, и онъ старался, хотя и неудачно, опять поправить дѣло и снова принять прежній, мечтательный полетъ; но это служило только къ тому, чтобы яснѣе показать Бартолинѣ, какъ велика была ея ошибка.

Такъ было дѣло у супруговъ, когда Бартолина родила перваго ребенка. Это былъ мальчикъ, и они назвали его Нильсомъ.

II.

Ребенокъ отчасти опять сблизилъ родителей, такъ какъ у его маленькой колыбели сходились ихъ общія надежды, ихъ общая радость и ихъ общій

страхъ; о ребенкѣ они думали и говорили одинаково охотно и одинаково часто; и потому были они такъ благодарны другъ другу за ребенка, за свою радость о немъ и за свою любовь къ нему.

Люне ушелъ совершенно въ свое сельское хозяйство и въ общинныя дѣла, не проявляя, однако, никакого желанія руководить и реформировать; но онъ добросовѣстно работалъ надъ существующимъ, смотрѣлъ, какъ заинтересованный зритель, и соглашался на благоразумныя улучшенія, которыя предлагали его старый управляющій или общинныя старшины послѣ обстоятельнаго, очень обстоятельнаго обсуждения.

Ему никогда не приходило въ голову воспользоваться тѣми знаніями, которыя онъ усвоилъ въ молодости; для этого у него было очень мало довѣрія къ тому, что онъ называлъ теорією, и слишкомъ большое уваженіе къ тѣмъ выведеннымъ изъ опыта положеніямъ, которыя, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, стали уже казаться незыблемыми. Вообще въ немъ не было ничего такого, что бы намекало, что не всю свою жизнь онъ прожилъ здѣсь и въ данныхъ условіяхъ. Кромѣ, однако, одной мелочи. А именно, — онъ часто любилъ посидѣть съ полчаса у калитки или на межевомъ камнѣ, въ странной неподвижности, созерцая роскошно зеленѣющую рожь или золотой, полновѣсный овесъ. Это не

было на него похоже; напоминало прежняго Люне, молодого Люне.

Бартолина не такъ быстро, какъ прежде, освоилась со своимъ положеніемъ. Нѣтъ, сначала въ стихахъ сотенъ поэтовъ находила она выраженіе своихъ жалобъ на эти неисчислимыя пути, оковъ и преградъ человѣческой жизни; то ея жалоба облекалась въ благородный гнѣвъ, который бросалъ презрительныя слова къ трону цезарей и къ твердынямъ тирановъ; то въ тихой, сострадательной печали, изливающей изобильный свѣтъ красоты, смотрѣла она на слѣпой и рабски примиренный родъ, почти изнемогая подъ бессмысленною суетливою дѣятельностью cadaго дня;—и потомъ облекалась ея жалоба въ тихій вздохъ по вольному полету птицъ или по тучамъ, такъ легко уносящимся въ безконечную даль.

Потомъ жалоба утомила ее, и безсиліе жалобы пробудило въ ней сомнѣніе и горечь; какъ иной вѣрующій низвергаетъ свою святыню и попираетъ ее ногами, если она не проявляетъ своего могущества, такъ и она осмѣивала нѣкогда обожаемую поэзію и презрительно спрашивала себя, ужъ не думала ли она, что скоро птица Фениксъ опустится на грядку съ огурцами, или что Аладинова пещера откроется подъ поломъ молочнаго погреба, и съ дѣтски-откровенной прямою называла мѣсяць зеленымъ сыромъ,

а розы называла кашей. Все это съ мыслью выместить какую-то свою обиду, но въ то же время и со смутнымъ страхомъ, что это—кощунство.

Стремленіе къ освобожденію, которое лежало въ основѣ всего этого, осталось безуспѣшнымъ. Она опять погрузилась въ свои мечты, мечты своего дѣвчества; но была только та разница, что эти мечты теперь уже не озарялись никакой надеждой; и уже познала она, что это — *только* мечты, далекіе, обманчивые метеоры, которыхъ никакое въ мірѣ страстное желаніе не можетъ низвести на *ея* землю. И если она имъ теперь отдавалась, то происходило это въ большомъ смятеніи и вопреки угрожающему внутреннему голосу, шептавшему ей, что она похожа на пьяницу, который знаетъ, какъ пагубна его страсть, какъ каждое новое опьяненіе истощаетъ его силы и увеличиваетъ упорство его страсти; но тщетно говорилъ этотъ голосъ, потому что трезво прожитая, безъ сладкаго порока мечтаній, жизнь была для нея не жизнь, которую стоило бы переживать—жизнь имѣла *только* ту цѣну, какую придали ей мечты.

Такъ различны были у маленькаго Нильса Люне отецъ и мать, двѣ дружелюбныя для него силы, которыя, сами о томъ не зная, оспаривали его юную душу, начиная съ того самаго

мгновенія, когда въ ней возникло первое мерцаніе разума. И чѣмъ старше становился ребенокъ, тѣмъ горячѣе разгорался этотъ поединокъ, потому что тѣмъ богаче становился выборъ оружія.

Свойство сына, посредствомъ котораго мать хотѣла вліять на него, было воображеніе, и воображеніе у него было богатое; но уже и тогда, когда онъ былъ совсѣмъ маленькій, начало обнаруживаться, что для него была очень значительна разница между сказочнымъ міромъ, который открывался передъ нимъ въ словахъ матери, и міромъ дѣйствительнымъ; и когда мать рассказывала свои сказки и изображала, какія бѣдствія приходилось претерпѣвать герою, не разъ и не разъ случалось, что Нильсъ, не находя выхода изъ этой бѣды и не зная, чѣмъ же можно было бы облегчить несчастіе, которое окружало героя неразрывнымъ и все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ—да, не разъ случалось, что Нильсъ внезапно прижимался своею щекою къ матери и со слезами на глазахъ, дрожащими губами шепталъ:

— Но вѣдь это же не правда?

И если онъ получалъ тотъ утѣшительный отвѣтъ, на который надѣялся, то онъ облегченно вздыхалъ и съ милою беззаботностью выслушивалъ исторію до конца.

Но, собственно говоря, эти вопросы и эта разборчивость не нравились матери.

Но когда онъ для сказокъ слишкомъ выросъ, и ей уже наскучило придумывать все новыя, она рассказывала ему съ маленькими прикрасами обо всѣхъ герояхъ войны и мира, жизнь которыхъ представляла подходящіе примѣры того, какія силы обитаютъ въ душѣ человѣка, если онъ хочетъ только одного, только великаго, если близорукія сомнѣнія настоящаго не устрашаютъ его и не вовлекаютъ въ свое сладкое, бездѣльное спокойствіе. Въ этомъ тонѣ шли рассказы, но такъ какъ всемірная исторія знала не много подходящихъ героевъ, то она выбрала себѣ фантастическаго героя, дѣянія и судьба котораго зависѣли отъ нея, истиннаго героя по ея собственному сердцу, духъ отъ ея духа, плоть отъ ея плоти и кровь отъ ея крови. Годъ черезъ два послѣ рожденія Нильса родила она мертваго мальчика. И то, чѣмъ онъ могъ стать, что онъ могъ совершить на свѣтѣ, подобно Прометею, Геркулесу, Мессии,—все это она рассказывала теперь брату въ фантастическихъ образахъ, въ которыхъ было не болѣе плоти и крови, чѣмъ въ бѣдномъ дѣтскомъ скелетѣ, распадавшемся теперь въ прахъ въ своей могилѣ на кладбищѣ въ Лѣнборгѣ.

Нильсъ не обманывался относительно морали этихъ рассказовъ; онъ отчетливо понималъ, что

достойно презрѣнія стать такимъ человѣкомъ, какъ и всѣ; онъ былъ готовъ взять себѣ тотъ суровый удѣлъ, который остается героямъ; онъ охотно претерпѣвалъ въ воображеніи сокрушительныя битвы, жестокія злополучія, мучительство непризнанности и неустанныя одолѣнія. И все таки онъ съ несравненнымъ облегченіемъ думалъ, что все это еще такъ не скоро настанетъ,—что все это только тогда наступитъ, когда онъ вырастетъ.

Подобно тому, какъ образы и отзвуки ночного сна всплываютъ днемъ и въ видѣ туманныхъ призраковъ могутъ окликать мысль, такъ что она одинъ краткій мигъ какъ бы прислушивается и удивленно спрашиваетъ, дѣйствительно ли окликнули ее — такъ надъ всѣмъ дѣтствомъ Нильса Люне тихо проносились представленія объ этомъ мечтательномъ будущемъ и безпрестанно напоминали ему, что у этого счастливаго времени есть предѣлъ, и что однажды его уже не будетъ.

Это сознаніе рождало въ немъ стремленіе насладиться временемъ своего дѣтства, во всей его полнотѣ, не проливъ ни капли; и въ его играхъ было что-то затаенное, восходящее до страсти, потому что его всегда тревожило безпокойное чувство, что время уходитъ, а самъ онъ не успѣваетъ воспріять все, что его широкое теченіе приноситъ ему, волна за волной; поэтому онъ бро-

сался иногда на полъ и, полный отчаянія, рыдалъ, если чего-нибудь недоставало на его праздникъ, — товарищей въ игрѣ, или изобрѣтательности, или хорошей погоды. И потому же всегда такъ неохотно шелъ онъ спать, такъ какъ во снѣ же ничего не случалось, никакихъ не было впечатлѣній. Но не всегда такъ было.

Случалось, что онъ утомлялся, что его воображеніе совсѣмъ лишалось красокъ. Онъ чувствовалъ себя тогда совсѣмъ несчастнымъ, чувствовалъ себя слишкомъ маленькимъ и ничтожнымъ для тѣхъ честолюбивыхъ мечтаній, — да, ему казалось, что онъ — недостойный лжець, который нагло окружаетъ себя мнимымъ блескомъ, будто онъ любить и понимаетъ возвышенное, тогда какъ въ дѣйствительности онъ можетъ воспринимать только низменное, тогда какъ любить онъ только обычное и носить въ себѣ всѣ, всѣ низкія желанія и стремленія; и часто ему даже чудилось, что онъ таилъ въ себѣ всю классовую ненависть низшихъ къ высшимъ, что онъ самъ съ радостью принялъ бы участіе въ избіеніи камнями этихъ господъ, людей болѣе высокой породы, которые сознавали свое превосходство надъ нимъ.

Въ такіе дни онъ избѣгалъ своей матери, и сознавая, что онъ подчиняется неблагородному инстинкту, стремился къ отцу; и тогда былъ у него внимательный слухъ и воспримчивый разумъ

къ прикованнымъ къ землѣ мыслямъ отца, и къ его далекимъ отъ мечтательности объясненіямъ. И онъ чувствовалъ себя такъ хорошо съ отцомъ, такъ былъ счастливъ и почти забывалъ, что это—тотъ самый отецъ, на котораго когда-то онъ взиралъ съ такимъ состраданіемъ съ высоты своего мечтательнаго замка. Конечно, все это представлялось его дѣтскому сознанію не съ тою ясностью и опредѣленностью, которую могло бы придать ему сказанное слово, все это обнаруживалось въ неуловимой, едва возникающей формѣ, въ какомъ-то неготовомъ, неосуществленномъ видѣ, и было похоже на сказочный растительный міръ морского дна, если на него смотрѣть сквозь ледъ. Разбей ледъ или освѣти живущее въ темнотѣ свѣтомъ словъ,—и случится слѣдующее: то, что ты можешь видѣть и постигать теперь, не есть уже въ своей ясности то темное, чѣмъ оно было раньше.

III.

И годы мчались: одни святки слѣдовали за другими, надолго оставляя свой праздничный блескъ; одинъ Духовъ день за другимъ улыбался среди благоуханно цвѣтущихъ весеннихъ луговъ; наставало лѣто за лѣтомъ, праздновало свои солнечно-яркіе пиры и лило изъ полныхъ чашъ свое солнечное вино; и потомъ ниже становилось

солнце, и убѣгали эти дни и оставались отъ нихъ только воспоминанія, да загорѣлыя на солнцѣ щеки, да восхищенные глаза, да разгоряченная кровь.

И годы мчались, и міръ становился уже не тѣмъ чудеснымъ міромъ, какимъ онъ былъ раньше; эти темные закоулки за дряхлыми бузинами, эти таинственные подвалы, тотъ сумрачный мавзолей за дорогою, въ нихъ—уже не обитали сказочные страхи; и тотъ длинный пригорокъ, который, лишь только прилетятъ жаворонки, скрывалъ свою первую травку подъ пурпурно-зубчатыми звѣздами тысячецвѣта и подъ желтыми колокольчиками Божьихъ ключей,—ручей со своими сказочными звѣрями и растеніями,—дикіе склоны песочныхъ ямъ съ ихъ черными камнями и серебристо-блестящими обломками гранита,—все это было только жалкіе цвѣточки, звѣрье и каменя; блестящія золотистыя кудри фей снова стали листвою.

Игра за игрою становились для него старыми и нелѣпыми, глупыми и скучными, какъ картинки въ азбукѣ,—а когда-то онѣ были такими новыми, такими волшебными! Тамъ играли они въ лошадки, Нильсъ и пасторовъ Фри-тіофъ, а обручъ былъ для нихъ кораблемъ, который терпигъ крушеніе, если обручъ опрокидывался; но если его схватывали прежде, чѣмъ онъ падалъ, то корабль бросалъ якорь. Узкій спускъ

къ морскому берегу, по которому такъ трудно было проходить, назывался Бабъ-Эль-Мандебскимъ проливомъ или Вратами смерти; на дверяхъ конюшни было написано мѣломъ, что это— Англія, а на дверяхъ амбара — Франція; ворота въ садъ были Рио-Жанейро, а кузница—Бразиліей. Потомъ играли еще въ Гольгера Датскаго; это можно было играть между большими сараями за амбаромъ;—а въ полѣ за мельницей было нѣсколько глубокихъ ямъ, и тамъ жилъ принцъ Бурмандъ собственной персоной и его дикіе сарацины съ коричневыми тюрбанами и желтыми султанами на шлемахъ—разросшіеся репейники и царскія кудри; тамъ была сначала настоящая Мавританія, потому что эта безграничная пышность, эти необозримыя массы разрастающейся жизни вызывали страсть къ разрушенію, опьяняли разумъ сладострастіемъ уничтоженія, и потому деревянные мечи сверкали стальнымъ блескомъ, зеленый сокъ растений окрашивалъ клинки кроваво-краснымъ цвѣтомъ, и отрубленные стебли, хрустѣвшіе подъ ногами, были тѣлами турокъ, которыя топтали лошадиныя копыта.

Внизу на фіордѣ они тоже играли; спускали на воду, какъ корабли, створки раковинъ, и если онѣ запутывались въ водоросляхъ или останавливались на песочной отмели, то это обозначало Колумба въ Саргассовомъ морѣ или откры-

тіе Америки. Были тамъ устроены газани и могучія дамбы, въ твердомъ прибрежномъ пескѣ былъ выкопанъ Ниль, и разъ построили они замокъ Гурре изъ голышей, — маленькая мертвая рыба въ устричной скорлупкѣ была мертвая Товія, и одинъ изъ мальчиковъ былъ король Вольдемаръ, который сидитъ, тоскуя надъ тѣломъ возлюбленной.

Но все это теперь миновало.

Нильсъ былъ теперь большой мальчикъ, двѣнадцати лѣтъ, и уже ему не надо было рубить чертополохъ и репейники, чтобы удовлетворять своимъ рыцарскимъ фантазіямъ, такъ же какъ не надо было спускать на воду створки раковинъ, мечтая объ открытіяхъ; теперь довольно ему было книги и уголка на диванѣ. А если этого ему было мало, если книга не уносила его на любимый морской берегъ, то онъ отыскивалъ Фритіофа и рассказывалъ ему исторіи, которыхъ не было въ книгахъ.

Рука объ руку шли они по дорогѣ, одинъ — рассказывая, оба — слушая. Если же имъ хотѣлось глубже насладиться, предоставить фантазіи свободный полетъ, то они прятались въ душистой полутьмѣ сѣновала. И скоро всѣ эти исторіи, которыя всегда кончаются, когда съ ними сживешься, превращались въ одну единственную, длинную исторію, которая никогда не кончается, но поколѣ-

ніе за поколѣніемъ ведетъ людей къ смерти; потому что, если герой становится старымъ или по непредусмотрительности погибаетъ, то за нимъ является его сынъ, который наследуетъ отъ отца все и сверхъ того надѣляется какъ разъ всѣми новыми свойствами, которымъ въ ту минуту придается особенное значеніе.

Все, что производило на Нильса впечатлѣніе, что онъ видѣлъ, что онъ понималъ и чего онъ не понималъ, чему онъ дивился, и то, о чемъ онъ зналъ, что удивляются другіе,—все переходило въ эту его исторію. Какъ текущая вода отражаетъ въ себѣ картины, близъ которыхъ проносится ея зеркало, и возрождаетъ ихъ въ невозмутимой ясности, или искажаетъ и искривляетъ ихъ, или даетъ ихъ въ волнующихся, неясно трепещущихъ очертаніяхъ, или топить ихъ въ игрѣ своихъ собственныхъ красокъ и линій: такъ и рассказы мальчика захватывали ощущенія и мысли, какъ свои, такъ и чужія, вмѣщали они людей и событія, жизнь и книги, насколько онъ могъ постигнуть ихъ. Это была, какая-то жизнь, которая разыгрывалась наряду съ дѣйствительной жизнью, это было милое, тайное убѣжище, въ которомъ такъ сладко мечтается о наиболѣе дикихъ приключеніяхъ; это было, какъ садъ фей, который раскрывался по едва замѣтному знаку и развертывалъ передъ нимъ все свое великолѣпіе. Сверху

этотъ садъ закрыть лепечущими пальмами, а внизу между цвѣтами изъ солнечныхъ лучей, подъ листьями изъ звѣздъ, между коралловыми деревьями открывались тысячи путей ко всѣмъ странамъ и во всѣ времена; шли одними дорогами, приходили сюда, шли другими дорогами, приходили туда—къ Аладину и Робинзону Крузе, къ Нильсу Климу и Мунго Парку, къ Петру Пустыннику и къ Одиссею—а стоило только пожелать, и опять были дома.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Нильсу исполнилось двѣнадцать лѣтъ, въ Лѣнборгорѣ появились два новыя лица.

Одно изъ нихъ — новый домашній учитель, другое—Эделе Люне.

Домашній учитель, господинъ Бигумъ, былъ кандидатъ теологіи, лѣтъ подъ сорокъ. Онъ былъ довольно маленькій, но сильный, какъ вьючное животное, съ широкою грудью, широкоплечій съ толстымъ, какъ у быка, затылкомъ. Руки были длинныя, ноги крѣпкія и короткія, ступни широкія. Походка у него была медлительная, тяжелая и энергичная, жесты—неопредѣленные, невыразительные и требовавшіе много мѣста. Рыжая борода придавала ему видъ дикаря, кожа у него была свѣтлая, на лицѣ веснушки. Его большой, высокій лобъ былъ плоскій, какъ стѣна, съ двумя вертикальными морщинами между бровей,

носъ былъ короткій и мясистый, ротъ большой съ толстыми, свѣжими губами.

Красивы у него были глаза, свѣтлые, нѣжные и ясные. По движенію глазного яблока замѣтно было, что онъ глуховатъ. Но это, однако, не мѣшало ему быть большимъ любителемъ музыки и страстнымъ скрипачемъ; потому что звуки, говорилъ онъ, слушаемъ мы не одними только ушами; все тѣло слушаетъ: глаза, пальцы и стопы ногъ, и еслибъ мы даже потеряли слухъ, то наша рука нашла бы вѣрный тонъ и безъ помощи слуха. Сверхъ того всякій внятнѣйшій слуху звукъ въ концѣ концовъ фальшивъ, а тотъ, кто одаренъ пониманіемъ звуковъ, носить въ себѣ самомъ невидимый инструментъ, въ сравненіи съ которымъ великолѣпнѣйшая кременская скрипка только балалайка дикаря. На этомъ невидимомъ инструментѣ играетъ душа, съ его струнъ звучатъ идеальные звуки, и на немъ великіе поэты звука сочиняли свои неумирающія творенія. Внѣшняя музыка, которая трепещетъ въ воздухѣ дѣйствительности, которую слушаютъ уши,—она только жалкое подражаніе, заикающаяся попытка сказать несказанное; сравнительно съ музыкой души она то же, что руками вылѣпленная, рѣзцомъ изваянная, мѣрою измѣренная статуя сравнительно съ дивнымъ мраморнымъ сномъ ваятеля, недоступнымъ созерцанію смертныхъ глазъ.

Впрочемъ, музыка не была главною областью господина Бигума; прежде всего онъ былъ философъ,—но не изъ тѣхъ плодovitыхъ философовъ, которыя находятъ новые законы и строятъ новыя системы. Онъ смѣялся надъ ихъ системами, этими скорлупками улитокъ, которыя ползутъ по безконечнымъ полямъ мысли, наивно вѣря, что это поле вмѣщено въ ихъ раковинѣ. И эти законы! Законы мышленія, законы природы!—какъ будто бы открыть законъ значить что-нибудь иное, нежели то, чтобы найти опредѣленное выраженіе для своей собственной ограниченности; я вижу до той черты, и не дальше,—тамъ мой горизонтъ,—это выясняетъ открытіе, и больше ничего; потому что развѣ не открылся ли новый горизонтъ за первымъ, и еще новый и еще разъ новый, горизонтъ за горизонтомъ, законъ за закономъ—до безконечности? Такимъ философомъ Бигумъ не былъ. Онъ не считалъ себя высоко-мѣрнымъ, не думалъ, что переоцѣниваетъ себя, но онъ не могъ закрыть глаза на тотъ фактъ, что его разумъ охватываетъ большее поле, чѣмъ разумъ остальныхъ смертныхъ. Когда онъ погружался въ творенія великихъ мыслителей, то онъ словно проходилъ сквозь толпу дремлющихъ богатырей духа, которые, осѣненные свѣтомъ его мысли, просыпаются и чувствуютъ свою силу. И такъ было во всемъ: всякая чужая мысль, вся-

кое настроеніе, всякое чувство, пробуждаясь въ немъ, носило его знакъ на челѣ, облагороживалось, становилось чище, окрылялось для новаго полета, обнаруживало величіе и силу, которыя ихъ творцу никогда не снились!

Какъ часто онъ смиренно изумлялся удивительному богатству своей души, этому сознательному, божественному спокойствію своего духа,—потому что бывали дни, въ которые онъ разсматривалъ міръ и его вещи съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, отличающихся одно отъ другого, какъ день отличается отъ ночи. Но при этомъ избранныя имъ точки зрѣнія и предположенія, которыя онъ присвоивалъ, никогда ни на одну секунду не завладѣвали имъ—подобно тому, какъ богъ, принимая образы быка или лебедя, черезъ это ни мало не становился быкомъ или лебедемъ и не переставалъ быть богомъ.

И не было никого, кто бы догадался, что происходило въ Бигумѣ. Всѣ шли слѣпо мимо него; но въ своемъ презрѣніи къ человѣчеству онъ радовался этой слѣпотѣ. Настанетъ день, думалъ онъ, когда его глаза померкнутъ и великолѣпное зданіе его духа покачнется въ своемъ основаніи и обрушится, когда онъ самъ исчезнетъ, какъ существо не жившее, не оставивъ по себѣ ни одного творенія своихъ рукъ, ни одной написанной строчки, которыя могли бы дать вѣсть о томъ,

что въ немъ потеряно. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы на его геній возложенъ былъ непризнающимъ міромъ терновый вѣнецъ, но такъ же противно было ему носить запятнанную багряницу всеобщаго признанія. Онъ радовался мысли, что поколѣніе за поколѣніемъ возникнутъ и умрутъ, и что величайшіе въ этихъ поколѣніяхъ положатъ свою жизнь, чтобы достигнуть того, что онъ могъ бы дать, если бы захотѣлъ раскрыть свою руку.

То, что онъ занималъ такое скромное общественное положеніе, доставляло ему странное удовлетвореніе: какая величаявая расточительность заключалась въ томъ, что силы его духа шли на обученіе ребятишекъ! Какая безумная несоразмѣрность—въ томъ, что его, геніальнаго Бигума, время оцѣнивалось скуднымъ кускомъ насущнаго хлѣба! какая непомѣрная извращенность заключалась въ томъ, что онъ радовался возможности служить за этотъ кусокъ хлѣба ничтожнымъ, обыкновеннымъ людямъ, которые за то были увѣрены, что онъ достаточно дюжъ для жалкаго ремесла домашняго учителя!

И его срѣзали на экзаменѣ!

О, въ этомъ заключается своеобразное сладострастіе—чувствовать, какъ скотское неразуміе бытія отметааетъ однихъ, какъ ни къ чему ненужную мякину, и въ то же время почитаетъ пустое и

бесодержательное, какъ золотыя зерна,—и соз-
навать при томъ, что мысли, считаемыя ничтож-
ными, стоятъ цѣлаго міра!

Но бывали и такіе дни, когда тяжелою ношею
тяготѣло на немъ его отчужденіе отъ людей.

Ахъ, какъ часто, когда онъ часъ за часомъ въ
священномъ безмолвіи прислушивался къ себѣ са-
мому и, возвращаясь опять къ дѣйствительной жизни,
чувствовалъ себя такимъ чужимъ въ бренности
земного бытія—какъ часто бывалъ онъ въ поло-
женіи худшемъ, чѣмъ тотъ легендарный монахъ,
который прослушалъ въ лѣсу одну только пѣ-
сенку райской птицы, и потомъ, очнувшись, уви-
дѣлъ, что прошла уже тысяча лѣтъ! Потому что,
если монахъ былъ одинокъ въ чужомъ поколѣніи,
которое обитало среди гробницъ его сродниковъ
и знаемыхъ, то насколько болѣе одинокимъ былъ
онъ, современники котораго еще не родились!

Въ такія минуты заброшенности Бигумъ спо-
собенъ былъ поддаться малодушному желанію
упасть въ толпу обыкновенныхъ людей и дѣлить
ихъ неизменное счастье, быть гражданиномъ ихъ
большой земли, гражданиномъ ихъ маленькаго
неба.

Но скоро становился онъ опять самимъ собою.

Второй гость въ домъ фрѣкенъ Эделе Люне,—
двадцатилѣтняя сестра Люне, жила много
лѣтъ въ Копенгагенѣ, сначала со своею матерью,

которая, овдовѣвши, переселилась въ столицу,— а послѣ смерти матери у ея богатаго дяди, статскаго совѣтника Неергагора. Статскій совѣтникъ велъ свой домъ на широкую ногу и стоялъ на высотѣ требованій избраннаго общества, такъ что Эделе жила въ вихрѣ баловъ и праздниковъ.

Вездѣ она была восхитительна, и зависть, вѣрная тѣнь восхищенія, также повсюду преслѣдовала ее. Такъ много разговоровъ возбуждала она о себѣ, какъ только можно ихъ возбудить, не совершивъ ничего худого, когда мужчины разговаривали о первыхъ городскихъ красавицахъ, то называли многіе ту или другую, которая будто-бы красивѣе Эделе Люне, но во всякомъ случаѣ не было и рѣчи о томъ, чтобы исключить ее изъ числа первыхъ трехъ красавицъ.

Очень молодые люди, конечно, не ухаживали за нею; они нѣсколько робѣли передъ нею и чувствовали себя въ ея обществѣ вдвое глупѣе, чѣмъ они были, потому что она выслушивала ихъ съ довольно таки уничтожающимъ выраженіемъ снисходительности, зло подчеркнутой снисходительности, которая достаточно ясно говорила, что она все это уже знаетъ наизусть. Все, что они тогда говорили, всѣ ихъ усилія поднять себя въ глазахъ Эделе и въ своихъ собственныхъ, всѣ ихъ старанія показаться равнодушными, ихъ дикіе парадоксы, или, когда ихъ отчаяніе достигало

высшаго пункта, безстыдныя объясненія, — всѣ эти попытки, которыя въ юношески плохо мотивированной послѣдовательности смѣняли одна другую, встрѣчали только тусклую улыбку, фатальную улыбку припоминанія, которая заставляла несчастливца краснѣть и доставляла ему такое ощущение, будто онъ уже сто-одинадцатая муха въ той же безжалостной паутинѣ.

Кромѣ того въ ея красотѣ не было ни той нѣжности, ни той страстности, которыя такъ обольстительны для молодыхъ сердецъ. Для мужественныхъ же сердецъ и для спокойныхъ головъ была въ ней странная и притягательная сила.

Она была высокая, Ея густые, тяжелые волосы были свѣтлы, съ матовымъ, рыжеватымъ оттѣнкомъ, какой бываетъ у зрѣлой пшеницы, глубоко на затылкѣ они переходили въ двѣ узкія полоски которыя были свѣтлѣе остальныхъ и густо вились. На высококомъ, рѣзко-очерченномъ лбу неопредѣленно, безъ линій, обозначались свѣтлыя брови. Большіе, свѣтло-сѣрые, ясные глаза не оттѣнялись бровями, и тонкія рѣдкія рѣсницы не бросали на нихъ измѣнчивой игры тѣней. Они имѣли какое-то неопредѣленное, незаконченное выраженіе, глядѣли всегда открыто и покойно, совсѣмъ лишены были этихъ богато-нюансированныхъ взглядовъ въ сторону, этихъ невѣрныхъ, бѣглыхъ взглядовъ, — они казались неестественно

бдительными, упрямыми, непроницаемыми. Вся мимическая игра сосредоточивалась въ нижней части лица, въ крыльяхъ носа, въ устахъ и въ подбородкѣ. Глаза только смотрѣли.

Въ особенности полонъ былъ выраженія ротъ съ его углубленными углами, его рѣзкими очертаніями и восхитительно изогнутыми губами. Только въ положеніи нижней губы было нѣчто жесткое, что при улыбкѣ иногда почти исчезало, но иногда производило впечатлѣніе большой жесткости.

При строгихъ формахъ рукъ и плечъ, въ чрезмѣрно развитыхъ линіяхъ ея спины и пышности груди было нѣчто вызывающее, нѣчто пылко-тропическое, и это еще болѣе усиливалось ослѣпительною бѣлизною ея лица и болѣзненною, кровавою красотою ея губъ, такъ что общее впечатлѣніе которое она производила, было чувственное и возбуждающее.

Въ общемъ, въ ея высокой, стройной фигурѣ было очень много стильности, которую она съ рѣшительнымъ и сознательнымъ искусствомъ умѣла подчеркнуть своими бальными туалетами. Они давали яркое доказательство ея пониманія красоты,—здѣсь это было самопониманіе—хотя все это граничило съ дурнымъ вкусомъ.

Но и въ этомъ находили только еще одну прелесть.

Ничто не могло быть безупречнѣе ея поведенія. Въ томъ, что она говорила, и въ томъ, что она позволяла себѣ говорить, она держалась въ границахъ строжайшаго цѣломудрїя. И ея кокетство состояло въ томъ, что она нисколько не казалась кокеткою, что она была неизлѣчимо слѣпа къ тому впечатлѣнію, которое производила, и не дѣлала никакого различїя между своими поклонниками. Но именно потому грезились имъ пылкіе сны о томъ ликѣ, который кроется за этою личиною, потому вѣрили они, что подъ снѣгомъ таится огонь. Ни одинъ изъ нихъ не былъ бы удивленъ, если бы узналъ, что у нея есть тайный любовникъ, но и ни одинъ изъ нихъ не рискнулъ бы угадывать его имя.

Такъ относились къ Эделе Люне.

Причина, по которой она оставила столицу и прїѣхала въ Лѣнборгоръ, была та, что ея здоровье было разстроено утомительною свѣтскою жизнью, этою тысяча и одною ночью баловъ и маскарадовъ. Къ концу зимы обозначились признаки разстройства легкихъ, и потому докторъ назначилъ ей деревенскій воздухъ, покой и молоко, исключительно то, что въ ея теперешнемъ мѣстопребываніи находились въ изобилїи.

Но она нашла тамъ также и несносную скуку и не пробыла тамъ еще одной недѣли, какъ уже

овладѣла ею изнурительная тоска по Копенгагену. Письмо за письмомъ посылала она съ просьбами, чтобы положили конецъ ея изгнанію, и даже давала понять, что тоска приноситъ ей больше вреда, чѣмъ воздухъ—пользы. Однако, врачъ внушилъ статскому совѣтнику такую мнительность, что тотъ считалъ своимъ долгомъ быть глухимъ, какъ бы трогательны ни были ея жалобы.

Ей такъ мучительно доставало собственно не развлеченій, а того, что она не могла удовлетворить потребности слышать звонъ своей жизни въ шумномъ воздухѣ многолюднаго города;—а здѣсь въ деревнѣ царила тишина въ мысляхъ, въ словахъ, въ глазахъ, во всемъ, такъ что постоянно приходилось прислушиваться къ себѣ самой съ тою неизбежною ясностью, съ которою въ безсонную ночь слушаютъ тиканье часовъ. И при этомъ знать, что тѣ, которые тамъ живутъ, живутъ такъ, какъ и прежде,—это было все равно, что уже чувствовать себя умершею и слышать въ ночной тишинѣ, какъ звуки бальной музыки умираютъ въ воздухѣ надъ ея могилою.

Ни съ кѣмъ здѣсь она не могла разговаривать, потому что никто не понималъ ея словъ въ болѣе тонкомъ значеніи, которое составляетъ жизнь слова; ее, конечно, понимали, потому что вѣдь это же была датская рѣчь, но понимали съ тѣмъ же безвкуснымъ приближеніемъ, съ кото-

рымъ понимаютъ чужой непривычный языкъ. Здѣшніе люди и не догадывались, на что или на кого намекаетъ то или другое усиленное удареніе фразы; они и не воображали, что вотъ это маленькое слово составляетъ цитату, или что вотъ то другое, употребленное именно такъ-то, есть новый вариантъ излюбленной остроты. Сами они говорили съ добросовѣстною сухостью, такъ что сквозь ихъ фразы осязали скелеть грамматики, и придавали словамъ ихъ прямой, буквальный смыслъ, точно брали ихъ прямо со столбцовъ словаря. А ужъ ихъ манера произносить слово „Копенгагенъ!“ То съ таинственнымъ оттѣнкомъ, точно это было мѣсто, гдѣ ѣдятъ маленькихъ дѣтей,—то съ такимъ выраженіемъ чего-то очень далекаго, какъ будто это городъ внутри Африки,—или такимъ торжественнымъ тономъ, въ которомъ слышался трепетъ всемірной исторіи, совсѣмъ такъ, какъ они говорили бы о Ниневіи или о Карфагенѣ. Пасторъ говорилъ о столицѣ съ такимъ полнымъ воспоминаніемъ восхищеніемъ, какъ будто онъ называлъ имя своей первой возлюбленной. Никто изъ нихъ не могъ говорить о Копенгагенѣ просто какъ о городѣ, который лежитъ между западнымъ портомъ и таможеню.

И такъ было со всѣмъ, что они говорили; и со всѣмъ, что они дѣлали, было то же.

Ничего не было въ Лѣнборгорѣ, что ей могло

понравиться: эти часы для ѣды, которые опредѣлялись по солнцу,—этотъ запахъ лавендулы въ ларяхъ и шкапахъ,—эти спартанскіе стулья, вся эта провинціальная мебель, которая тѣснилась къ стѣнамъ, какъ бы одержимая страхомъ передъ людьми.

Даже воздухъ былъ ей противень; нельзя было сходить погулять безъ того, чтобы не принести домой въ своихъ волосахъ и въ платьѣ крѣпкаго запаха луговой травы и полевыхъ цвѣтовъ, какъ еслибъ человѣкъ былъ запертъ въ каретномъ сараѣ.

И потомъ — называться тетею, тетею Эделе. Какъ это звучало!

Однако къ этому со временемъ она привыкла; но въ началѣ отношенія между нею и Нильсомъ были по этой причинѣ довольно холодныя.

Нильса это мало печалило.

Но случилось въ одно воскресенье въ началѣ августа, что Люне и его жена отправились съ визитомъ, а Нильсъ и Эделе остались дома одни. Утромъ Эделе попросила Нильса нарвать ей букетъ васильковъ, но онъ забылъ объ этомъ, и вспомнилъ только потомъ, послѣ обѣда, когда бродилъ по полямъ съ Фритіофомъ. Онъ нарвалъ цвѣтовъ и побѣжалъ съ ними домой.

Тишина въ домѣ внушила ему увѣренность, что тетя спитъ, и онъ осторожно пробирался по комнатамъ. На порогѣ залы онъ пріостановился

и собирался тихонько войти въ двери къ Эделе. Комната была полна солнечнымъ свѣтомъ. Большая, цвѣтущая нерія наполняла воздухъ своимъ сладкимъ, миндальнымъ запахомъ. Только и слышались порою съ цвѣточнаго стола еле внятные всплески, когда золотыя рыбки шевелились въ своемъ стеклянномъ акваріумѣ.

Нильсъ тихо шель черезъ комнату, балансируя руками и слегка прикусивъ кончикъ языка.

Осторожно взялся онъ за дверную ручку, которая, накалясь въ солнечныхъ лучахъ, обжигала его руку, и медленно, стараясь не шумѣть, повернулъ ее, при чемъ лобъ у него былъ наморщенъ и глаза невольно щурились.

Онъ пріоткрылъ дверь, просунулся въ ея отверстіе, и положилъ букетъ на стулъ около двери. Тамъ было темно, словно были опущены шторы и воздухъ казался влажнымъ отъ благоуханія, отъ запаха розоваго масла.

Въ своемъ согнутомъ положеніи онъ не видѣлъ ничего другого, кромѣ свѣтлаго соломеннаго ковра на полу, деревянной обшивки подъ окномъ и лакированной ножки столика; но когда онъ выпрямился, чтобы уходить, онъ увидѣлъ тетю.

Въ фантастическомъ одѣяніи цыганской дѣвушки, она лежала на свѣтлозеленомъ атласѣ длинной кушетки. Она лежала на спинѣ, съ поднятымъ кверху подбородкомъ и съ вытянутой шейю; ея

длинные, распущенные волосы ниспадали через спинку ея ложа на полъ. Искусственный цвѣтокъ граната на кожаномъ башмакѣ цвѣта бронзы казался островкомъ въ матово-зеленомъ потокѣ.

Красокъ въ ея нарядѣ было много, но всѣ онѣ были блеклыя. Зашнурованный корсетъ изъ лишенной блеска толстой матеріи, которая отливала темносиними, матово-красными, сѣрыми и оранжевыми огнями, обхватывалъ бѣлую шелковую сорочку съ очень широкими рукавами, которые доходили до локтя. Шелкъ имѣлъ розоватый оттѣнокъ, и кое-гдѣ въ него вплетены были золотисто-красныя нити. Ея юбка безъ обшивки свободно облекала ее и косыми складками свисала съ кушетки до земли. Ниже колѣнъ, ноги были голыя, онѣ лежали одна на другой и внизу были перевиты ожерельемъ изъ матовыхъ коралловъ. На полу лежалъ раскрытый вѣеръ, рисунокъ котораго представлялъ раскинутую колесомъ колоду картъ, а дальше лежала пара зеленовато-коричневыхъ шелковыхъ чулокъ, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно скомканъ, а другой распластался во всю длину, такъ что видна была его красная вставка.

Въ ту же самую минуту, какъ Нильсъ увидѣлъ тетю, замѣтила и она его. Она сдѣлала невольное движеніе подняться; но преодолѣла это желаніе, и осталась лежать, какъ прежде, только немного

повернула голову и смотрѣла съ вопросительной улыбкой на мальчика.

— Вотъ они,—сказаль онъ и подошелъ къ ней съ цвѣтами.

Она протянула къ нимъ руку, бѣглымъ взглядомъ окинула ихъ, сравнивая ихъ краски съ красками ея одежды, и уронила ихъ, устало шепча:

— Не годятся!

Отстраняющимъ движеніемъ руки она запретила Нильсу поднять ихъ снова.

— Дай мнѣ вотъ это,—сказала она, и показала на красный флаконъ, который стоялъ у ея ногъ на скомканномъ носовомъ платкѣ.

Нильсъ подошелъ къ концу кушетки. Онъ багрово покраснѣлъ, и, когда наклонился надъ ея матово-бѣлыми, словно выточенными, ногами и длинными, узкими стопами, нѣжными и стройными, какъ кисти рукъ, у него закружилась голова. Въ то же мгновіе кончикъ ея ноги вдругъ дрогнулъ,—и Нильсъ былъ близокъ къ обмороку.

— Гдѣ ты нарваль васильки?—спросила Эделе.

Нильсъ кое-какъ справился съ собою и повернулся къ ней.

— Я нарваль ихъ въ пасторовой ржи,—сказаль онъ голосомъ, звучности котораго онъ самъ подивился.

Не поднимая глазъ, протянулъ онъ ей флаконъ.

Эделе замѣтила его возбужденность и съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Вдругъ она покраснѣла, поднялась, опираясь на руку и спрятала ноги подъ юбкой.

— Иди, иди, иди, иди,—говорила она полусердито, полу-смущенно и съ каждымъ словомъ брызгала на Нильса розовую эссенцію.

Нильсъ вышелъ.

Когда онъ скрылся за дверью, она спустила ноги съ кушетки и съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

Скорою, невѣрною походкою бѣжалъ Нильсъ по комнатамъ, въ свою каморку. Онъ былъ совершенно смущенъ, чувствовалъ удивительную слабость въ колѣняхъ и спазмы въ горлѣ. Онъ кинулся на кушетку и закрылъ глаза, но не могъ успокоиться. Непонятная тревога одолевала его, грудь его дышала тяжело, словно сжатая тоскою, и свѣтъ беспокоилъ его, несмотря на сомкнутыя вѣки.

Мало-по-малу это состояніе принимало другую форму; казалось, что какое-то теплое, удушливое дыханіе вѣяло надъ нимъ и дѣлало его безпомощно слабымъ. У него было такое ощущеніе, какъ во снѣ: насъ зоветъ что-то, и мы такъ охотно пошли бы, но не можемъ шевельнуть ногою, и мы распяляемся въ своемъ безсиліи, изнемогая отъ желанія уйти, и зовущій го-

лось, не знающій нашей скованности, доводитъ насъ до безумія. И Нильсъ вздыхалъ нетерпѣливо, какъ больной, и растерянно обводилъ комнату глазами. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такимъ несчастнымъ, такимъ одинокимъ, такимъ отвергнутымъ и покинутымъ.

Потомъ сѣлъ онъ на окошко, на солнцѣ, и горько плакалъ.

Съ этого дня Нильсъ чувствовалъ себя спокойно счастливымъ отъ близости Эделе. Уже была она для него не такимъ же земнымъ созданіемъ, какъ и всѣ другія, но нѣкимъ дивно-возвышеннымъ существомъ, приобщившимся божеству въ таинствѣ необычайной красоты,—и было сердечно-радостное счастье въ томъ, чтобы смотрѣть на нее, чтобы въ мечтаніяхъ сердца становиться передъ нею на колѣни, склоняться передъ нею въ покорномъ самоуничиженіи. Порою стремленіе къ обожанію было такъ велико, что хотѣлось проявить его въ какомъ-нибудь внѣшнемъ знакѣ подчиненія, и тогда подстерегалъ онъ благопріятную минуту, пробирался въ комнату Эделе, и осыпалъ несчетными поцѣлуями маленькій коверъ у ея постели, на который ступали ея босыя ноги, ея башмаки, или иную какую-нибудь реликвію, на которую обращалась его страсть.

Какъ великое счастье разсматривалъ онъ то обстоятельство, что какъ разъ въ это время его

праздничная одежда была обращена въ будничную; потому что въ запахъ, которымъ она пропиталась отъ той розовой эссенціи, онъ видѣлъ могущественный талисманъ, какъ волшебное зеркало, показывавшій ему Эделе такую, какую онъ увидѣлъ ее на зеленомъ ложѣ, одѣтою въ маскарадный нарядъ. Въ томъ разсказѣ, который онъ рассказывалъ Фритіофу, теперь уже постоянно появлялся этотъ образъ, и бѣдному Фритіофу отнынѣ уже всегда приходилось встрѣчаться съ босоногими принцессами; пробирался ли онъ черезъ чашу первобытнаго лѣса, онъ окликали его изъ своего гамака, сплетеннаго изъ лянъ; искалъ ли онъ убѣжища отъ урагана въ горной пещерѣ, онъ подымались передъ нимъ со своего мягкаго мшистаго ложа и привѣтствовали его; когда онъ, почернѣлый отъ порохового дыма и обрызганный кровью, разбивалъ могучимъ ударомъ меча дверь каюты на пиратскомъ кораблѣ, и тамъ онъ находилъ ихъ, покоящихся на диванѣ у капитана. Эти босыя принцессы надоѣли Фритіофу очень, онъ никакъ не могъ понять, почему онъ вдругъ стали такъ необходимы для ихъ милыхъ героевъ.

Какъ бы высоко въ небѣ ни ставилъ сынъ земли свой тронъ, какая бы на его челѣ ни лежала тіара исключительности, отмѣчающая геніевъ,—онъ никогда не можетъ быть въ безопас-

ности отъ того, что въ одинъ прекрасный день и его, какъ нѣкогда царя Навуходносора, охватить странная охота стать на четвереньки и ѣсть траву на лугу вмѣстѣ съ неразумными животными.

Такъ было и съ Бигумомъ, когда онъ, какъ всякій обыкновенный человѣкъ, влюбился въ Эделе. И не помогало ему то, что онъ переименовывалъ всемирную исторію, лишь бы оправдать эту свою любовь; не помогало ему то, что онъ называлъ Эделе своею Беатрисою, своею Лаурою, своею Викторією Колонна, потому что все то искусственное сіяніе величія, которымъ онъ окружалъ свою любовь, также быстро погасало передъ тою неумолимою истиною, что онъ влюбился только въ красоту Эделе; что онъ былъ очарованъ вовсе не свойствами ея ума и сердца, а только ея элегантностью, ея легкимъ свѣтскимъ тономъ, ея увѣренною походкою, и даже ея граціозною нестыдливостью. Во всѣхъ отношеніяхъ это была такая любовь, которая могла только наполнить его стыдливымъ недоумѣніемъ передъ непостоянствомъ дѣтей земли.

Но къ чему все это? Что могли сказать ему всѣ эти вѣчныя истины и преходящія лжи, спаявшіяся кольцо въ кольцо тѣснымъ панцыремъ, который онъ называлъ „своими убѣжденіями“, — что онъ могли противопоставить его любви? Онъ вѣдь были силою жизни, ея сущностью, ея осно-

вою, — могли же вѣдь онѣ показать свою силу! Будь онѣ слабѣе, онѣ должны были бы разорваться; но онѣ были сильнѣе... И все же онѣ были изорваны, расторгнуты, — жалкая ткань изъ гнилыхъ нитей!

Какая ей печаль о вѣчныхъ истинахъ! И возвышенная воззрѣнья, — какъ они ему помогутъ! Могъ ли онѣ подойти къ ней съ истинами, исторгнутыми изъ глубины безконечнаго? Все, чѣмъ онѣ обладалъ, не имѣло никакой цѣны! И если бы его душа блистала прелестью, въ тысячу разъ прекраснѣйшей, чѣмъ солнце, — какая польза была бы въ томъ, что онѣ укрылъ бы ее подъ скуднымъ войлокомъ Діогенова плаща? Форма! Форма! Дайте мнѣ тридцать сребренниковъ формы, и въ замѣнъ возьмите все мое содержаніе! Дайте мнѣ тѣло Алкидіада, плащъ Донъ - Жуана и званіе камеръ-юнкера!

Но ничего этого у него не было. И Эделе нисколько не симпатизировала этой неуклюжей философической натурѣ, которая разсматривала всѣ происшествія и всѣ проявленія жизни въ варварской наготѣ абстракцій, и потому во всѣ свои мнѣнія вносила, что-то неприятное, рѣзкое, безусловное, какъ грубое вторженіе барабана въ тихую концертную мелодію. Напряженность, съ которою его мысль непреклонно встрѣчала каждый малый вопросъ, какъ играющій желѣзными ги-

рями силачь, дѣлала его забавнымъ въ ея глазахъ. Ее раздражало, когда онъ, побуждаемый своею моралью, нескромно разоблачалъ легко выраженные намеки и называлъ своимъ настоящимъ именемъ все то, что она хотѣла обойти въ разговорѣ.

Бигумъ зналъ очень хорошо, какое невыгодное впечатлѣніе онъ производилъ, и какъ его любовь была совершенно безнадежна; но онъ это зналъ такъ, какъ зная что-нибудь надѣешься иногда, что это знаніе—ложно. Вѣдь бываютъ же и чудеса; и если бы чудесъ до сихъ поръ и не было, то вѣдь они *могутъ* произойти! Кто знаетъ? Можетъ быть, была ошибка! Можетъ быть, пониманіе, инстинктъ, разумъ съ его солнечно-свѣтлою ясностью, все-таки ввели въ заблужденіе! Можетъ быть, надо только питать въ себѣ безразсудную отвагу и гнаться за блуждающимъ огонькомъ надежды, который порхаетъ надъ чреватымъ тоскою смятеніемъ нашихъ страстей! Только тогда, когда услышишь, какъ на замокъ замкнется дверь послѣдняго рѣшенія, только тогда ледяно-холодные когти увѣренности вонзаются въ свою грудь, что бы медленно, медленно добраться въ сердцѣ до нервно-тонкой нити надежды, на которой виситъ міръ нашего счастья; потомъ нить порвется, и то, что она держала, упадетъ и будетъ растоптано,—и въ безбрежной пустотѣ пронесется рѣзкій вопль отчаянія.

Пока еще длится сомнѣніе, нѣтъ отчаянія...

Въ одинъ солнечный сентябрьскій день Эделе сидѣла на площадкѣ широкой, старомодной деревянной лѣстницы, пять-шесть ступенекъ которой вели изъ веранды въ садъ. Стекляная дверь за нею стояла настежь, и около нея пестрѣли красныя и зеленыя лозы дикаго винограда, которыя вились около стѣны. Эделе прислонилась головой къ спинкѣ стула, который былъ обложенъ большими черными папками, и обѣими руками держала гравюру. На матово-зеленомъ коврикѣ, покрывавшемъ площадку у лѣстницы, на ступенькахъ и на дубовомъ паркетномъ полу бесѣдки лежали раскрашенные листы, воспроизводившіе византійскую мозаику. У подножія лѣстницы лежала широкополая шляпа. Въ волосахъ у Эделе не было никакого другого украшенія, кромѣ цвѣтка изъ золотого филиграна, рисунокъ котораго соответствовалъ рисунку браслета, надѣтаго высоко на рукѣ. Ея бѣлое, со свѣтло-голубымъ, полосатое платье было обшито оборками изъ перевитой сѣрой и оранжевой синели и украшено розетками тѣхъ же цвѣтовъ. Свѣтлыя полуперчатки закрывали ея руки выше локтя. Онѣ были, какъ и ея башмаки изъ свѣтло-сѣраго шелка.

Черезъ нависшія вѣтки столѣтняго дуба пробивался лучами солнечный свѣтъ на лѣстницу, образуя въ прохладной, полуясной тѣни цѣлый

свѣтовой потокъ, который наполнялъ воздухъ золотою пылью, и бросалъ на ступени, на дверь и на стѣну солнечныя пятна, одно рядомъ съ другимъ, и казалось, что сквозь сквозныя тѣни все свѣтилось навстрѣчу солнцу своими собственными цвѣтами, — бѣлымъ отъ бѣлаго платья Эделе, пурпурно-краснымъ отъ ея пурпурныхъ устъ, и желтымъ, какъ янтарь, отъ янтарно-желтыхъ косъ ея. И вездѣ вокругъ были еще тысячи другихъ цвѣтовъ, — голубой золотой, бурый, свѣтлый зеркальный блескъ, и красный, и зеленый.

Эделе уронила эстампъ и безнадежно смотрѣла вверхъ, — и было нѣмое въ ея взорѣ воздыханіе, скорбящее о томъ, что вздыхать она устала. Потомъ она сѣла прямо съ такимъ движеніемъ, словно утаилась отъ внѣшняго міра и замкнулась въ себѣ самой.

Въ эту минуту вошелъ Бигумъ.

Эделе смотрѣла на него устало прищуренными глазами, совсѣмъ какъ ребенокъ, который улегся спокойно, и хочется ему спать, такъ что онъ не двигается, но еще и любопытно ему, и не хочетъ онъ закрыть глазъ совсѣмъ.

На Бигумѣ была его новая войлочная шляпа; онъ былъ совсѣмъ погруженъ въ себя и такъ оживленно жестикулировалъ, держа въ рукѣ свои томпаковые часы, что каждую минуту серебряная тонкая цѣпочка, на которой они висѣли, могла

оборваться. Потомъ внезапнымъ движеніемъ онъ небрежно сунулъ часы въ карманъ, нетерпѣливо тряхнулъ головою, сердито запахнулъ полы своего сюртука и пошелъ дальше, и все тѣло его содрагалось гнѣвными порывами. На его лицѣ обозначалась вся та мрачная, безнадежная ярость, которая кипитъ въ томъ, кто хочетъ убѣжать отъ своихъ собственныхъ томительныхъ мыслей и при этомъ знаетъ, что тщетно старается онъ отъ нихъ убѣжать.

Шляпа Эделе, которая лежала у подножія лѣстницы и выдѣлалась своею бѣлизною на темномъ пескѣ дорожки, вдругъ остановила его стремительный бѣгъ. Онъ поднялъ ее осторожно, обѣими руками, въ тотъ же самый мигъ увидѣлъ Эделе, и тщетно ища словъ, продолжалъ держать шляпу, не отдавая ее. Ни одной мысли не находилъ онъ въ своемъ мозгу, ни одно слово не приходило ему на языкъ, и съ глупымъ выраженіемъ изнемогающаго глубокомыслія смотрѣлъ онъ передъ собою.

— Это—шляпа, господинъ Бигумъ,—сказала Эделе, чтобы въ этомъ смущенномъ молчаніи не смутиться, наконецъ, и самой.

— Да,—сказалъ учитель такъ пылко, словно онъ былъ восхищенъ тѣмъ, что услышалъ отъ нея подтвержденіе мысли, которая какъ разъ пришла въ голову и ему.

Но въ ту же минуту онъ покраснѣлъ отъ не-
ловкости своего отвѣта.

— Она лежала здѣсь,—поспѣшилъ онъ при-
бавить,—здѣсь на землѣ, такъ,—да, такъ она
лежала.

И, почти счастливый тѣмъ облегченіемъ, ко-
торое ему доставляла эта возможность проявить
передъ нею жалкіе признаки жизни, онъ пока-
залъ со всею обстоятельностью смущеннаго че-
ловѣка, какъ лежала шляпа. И все еще стоялъ
со шляпой въ рукахъ.

— Можетъ быть, вы хотите оставить ее у
себя?—спросила Эделе.

Бигумъ не зналъ, что отвѣтить.

— Мнѣ кажется, что вы не хотите отдать ее
мнѣ?—пояснила она.

Бигумъ поднялся ступеньки на двѣ, и протя-
нулъ ей шляпу.

— Фрѣкенъ Люне,—сказалъ онъ,—повѣрьте...
вы можете не вѣрить, фрѣкенъ Люне... я прошу
васъ, дайте мнѣ сказать; то-есть... я же ничего
не говорю, но имѣйте ко мнѣ терпѣніе!—Я люблю
васъ, фрѣкенъ Люне, несказанно, несказанно; не-
выразимо люблю я васъ! О, если бы нашлись такія
слова, какими можно было выразить благоговѣйный
страхъ раба,—экстатическую улыбку мученика,—
безыменное томленіе изгнанника,—только такими
словами я могъ бы сказать вамъ, какъ я васъ люблю!

О, дайте мнѣ говорить, выслушайте меня, выслушайте меня, не гоните меня отъ себя! Не думайте, что я оскорблю васъ безумными надеждами; я знаю, какъ я ничтоженъ въ вашихъ глазахъ, какъ неуклюжъ и отвратителенъ! Да, отвратителенъ! Я не забываю, что я бѣденъ,—да, вы должны это услышать,—такъ бѣденъ, что я принужденъ оставить мою мать въ богадѣльнѣ,—принужденъ, говорю я, настолько я бѣденъ! Да, фрѣкенъ, я только покорный слуга на жалованіи господина вашего брата,—но все-таки существуетъ міръ, въ которомъ я—властелинъ, могущественный, гордый, богатый, говорю я, съ ореоломъ побѣдителя, благородный, облагороженный тѣмъ стремленіемъ, которое двинуло Прометея похитить съ неба божественный огонь. И въ этомъ мірѣ я—братъ вамъ, братъ всѣмъ тѣмъ великимъ героямъ духа, которыхъ носила и еще носить земля. Я понимаю ихъ, какъ понимаютъ только равныхъ себѣ; никакое ихъ пареніе не было такъ высоко, чтобы сила моихъ крыльевъ не могла вознести меня до нихъ. Понимаете ли вы меня? Вѣрите ли вы мнѣ? О, не вѣрьте мнѣ, это неправда, я—обыкновенный и ничтожный, какъ вы меня видите. Все это миновало,—потому что ужасное заблужденіе этой любви обезсилило мои крылья; очи моего духа утратили ихъ зоркость, мое сердце изсохло, моя душа истекла кровью, погружается

въ безкровное малодушіе! О, спасите меня отъ меня самого, фрѣкенъ Люне, не отворачивайтесь на смѣшливо! Поплачьте обо мнѣ! Плачьте,—это—Римъ, объятый пламенемъ!

Посрединѣ лѣстницы онъ упалъ на колѣни. Его лицо было блѣдно и мучительно искажено; зубы его были судорожно стиснуты; его глаза налились слезами, и весь онъ содрогался отъ сдерживаемыхъ рыданій, которыя сказывались только въ шумномъ дыханіи.

Эделе не поднялась со своего мѣста на площадкѣ.

— Успокойтесь!—сказала она голосомъ, въ которомъ звучало едва скрываемое состраданіе,— успокойтесь, не приходите въ такое отчаяніе, будьте же мужчиною. Послушайте, встаньте, походите въ саду и постарайтесь успокоиться.

— Вы совершенно не можете меня полюбить?—простоналъ Бигумъ почти неслышно,—о, это ужасно: ни одной искры не теплится въ моей душѣ, которой я не рѣшился бы унижить, погасить, умертвить, если бы этимъ я могъ достигнуть вашей любви. Да, если бы мнѣ обѣщали безуміе, и я въ видѣніяхъ моего безумія обладалъ бы вами, вами *обладалъ бы*,—то я сказалъ бы—смотри, вотъ мой мозгъ, возьми его немилосердною рукою въ свою дивную постройку, разрывай каждую въ отдѣльности всѣ тонкія

нити, которыми мое существо привязано къ сіяющей триумфальной колесницѣ человѣческаго духа; дай мнѣ погрузиться въ тину матеріи, чтобы колеса колесницы прокатились черезъ меня,— пусть другіе возносятся къ свѣту своими высокими путями. Вы меня понимаете? Постигаете ли вы, что, если бы наконецъ ваша любовь снизошла ко мнѣ, любовь, лишенная всего своего блеска, всего величія своей чистоты, любовь похищенная, да, униженная, запятнанная, карриатура любви, больной фантомъ,—я принялъ бы ее, колѣно-преклоненный, какъ святое причастіе. Но лучшее мое—напрасно, и худшее мое также тщетно! Я взываю къ солнцу, но оно мнѣ не свѣтитъ; къ небу, но оно мнѣ не отвѣчаетъ. — Отвѣчать! Что отвѣтить на мое страданіе? Нѣтъ, это не-сказанное томленіе, которое разрушаетъ глубо-чайшія основы моего бытія; это мученіе, которое оскорбляетъ васъ и возбуждаетъ въ васъ только холодное чувство сожалѣнія! Въ душѣ вы насмѣш-ливо улыбаются надъ немощною страстью бѣд-наго домашняго учителя!

— Вы несправедливы ко мнѣ, господинъ Би-гумъ,—сказала Эделе, и встала.—Бигумъ также всталъ;—я не смѣюсь. Вы меня спрашиваете, есть ли для васъ какая-нибудь надежда, и я отвѣчаю вамъ: нѣтъ, никакой надежды, и въ этомъ нѣтъ ничего такого, надъ чѣмъ бы можно смѣять-

ся. Но позвольте мнѣ сказать вамъ кое-что. Съ первой же минуты, какъ вы начали обо мнѣ думать, вы могли бы знать, какимъ будетъ мой отвѣтъ, и вы это знали, и все.. таки всѣ ваши мысли, всѣ ваши желанія направлены были къ той цѣли, о которой вы знали, что вы ее никогда не достигнете. Ваша любовь не оскорбляетъ меня, господинъ Бигумъ, но я осуждаю ее; вы поступили, какъ поступаютъ многіе. Мы закрываемъ глаза на дѣйствительную жизнь, мы не хотимъ слышать того *нѣтъ*, которое отвѣчаетъ нашему внутреннему желанію; мы хотимъ забыть о глубокой безднѣ, которая лежитъ между нашею страстью и тѣмъ предметомъ, на который она устремлена. Мы хотимъ осуществить нашу мечту. Но жизнь не считается съ мечтами; и ни малѣйшей преграды нельзя удалить мечтою; и наконецъ мы падаемъ, тоскуя, въ бездну, которая не измѣнилась, которая такова же, какою она всегда была; но мы сами перемѣнились, потому что тою мечтою мы взволновали всѣ наши мысли, наши стремленія и вознесли нашу тоску до сверхчеловѣческаго напряженія. Но бездна не становится уже, и все въ насъ мучительно рвется переступить ее. Но нѣтъ и нѣтъ, всегда нѣтъ. И подумать бы намъ было объ этомъ заблаговременно, но теперь уже поздно; мы несчастливы!

Она замолкла, словно разбуженная. Ея голосъ

былъ спокоенъ, вдумчивъ, словно она говорила сама съ собою; но теперь стала она недоступная, холодная, гордая.

— Я не могу вамъ помочь, господинъ Бигумъ,—для меня въ васъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ вы бы хотѣли быть. Если это дѣлаетъ васъ несчастнымъ, такъ вамъ придется быть несчастнымъ; вы страдаете,—страдайте! Должны же быть люди, которые страдаютъ. Кто дѣлаетъ какое-нибудь существо своимъ богомъ, властелиномъ своей судьбы, тотъ долженъ склониться передъ волей своего божества. Но никогда не бываетъ благо разумно создавать себѣ боговъ и отдавать свою душу во власть другого, потому что бываютъ боги, которые никогда не сойдутъ со своего пьедестала. Образумьтесь, господинъ Бигумъ, — ваше божество такое маленькое, такъ недостойно обожанія,—отвернитесь отъ него и постарайтесь быть счастливымъ съ одною изъ дочерей земли!

Съ блѣдною улыбкою пошла она черезъ террасу домой. Бигумъ, уничтоженный, смотрѣлъ ей во слѣдъ. Еще съ четверть часа ходилъ онъ передъ лѣстницей впередъ и назадъ; всѣ слова, которыя она сказала, еще звучали въ его ушахъ; казалось, что она еще недавно ушла, и еще медлила ея тѣнь, и казалось, что его мольбы еще могутъ достигнуть ея, что еще не все безнадежно прошло.

Но потомъ пришла горничная и собрала эстампы, взяла стулъ, соломенный коврикъ, папки, — все.

Пришлось и ему уходить.

Вверху въ мезанинѣ у открытаго окна сидѣлъ Нильсъ и пристально смотрѣлъ на учителя. Онъ подслушалъ весь разговоръ съ начала до конца, черты его лица выражали испугъ, и нервная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу. Въ первый разъ ощутилъ онъ страхъ передъ жизнью, въ первый разъ воспринялъ дѣйствительно, что, если ты приговоренъ жизнью къ страданію, то ея приговоръ не выдумка, не угроза; и повлекутъ тебя на дыбу и мучить потомъ станутъ, и не случится ни сказочнаго освобожденія въ послѣднюю минуту, ни внезапнаго пробужденія, какъ отъ дурнаго сна.

Вотъ что понялъ онъ, полный тоскливыхъ предчувствій...

Это была для Эделе нехорошая осень, и зима до такой степени истощила ея силы, что весна уже не застала ни жалкаго оцѣпенѣлаго зародыша жизни, который она бы могла обвѣять нѣгой и тепломъ; она застала увядающее существо, котораго не могли уже удержать здѣсь ни вешняя нѣга, ни солнечное тепло. Но сіяніе вешняго свѣта упало на ея кончину и своею благоухающею теплотою продлило угасающія силы

жизни, какъ румяная заря еще долго длить отсвѣты умершаго дня.

Въ маѣ приблизилась она къ смерти, въ день, полный солнечнаго сіянія, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда жаворонокъ не умолкаетъ, и рожь подымается такъ быстро, что это можно замѣтить на глазъ. Передъ ея окномъ стояли большія осыпанныя бѣлымъ цвѣтомъ вишни,—снѣжно-бѣлые букеты, снѣжно-бѣлыя гирлянды, куполы, своды и арки, волшебное зданіе изъ бѣлыхъ цвѣтовъ на фонѣ лазурнаго неба.

Она чувствовала себя въ этотъ день такую слабою, и такъ легко ей было въ этой слабости, такъ дивно—легко,—и она знала, что дѣлается съ нею, и позвала поутру Бигума, чтобы попрощаться съ нимъ.

Статскій совѣтникъ прибылъ изъ Копенгагена,—и все утро сидѣлъ этотъ красивый, сѣдовласый господинъ у ея постели и держалъ ея руки въ своихъ рукахъ. Онъ ничего не говорилъ и только время отъ времени шевелилъ рукою,—тогда Эделе тихо пожимала ее, смотрѣла на него, и онъ улыбался ей. И ея братъ все время оставался съ нею, давалъ ей лекарство и всячески старался ей помочь.

Она лежала такъ тихо, съ закрытыми глазами, и родныя картины жизни представлялись ей. Задумчиво склонившіеся буки, красная кирка въ

Лингби, и бѣлая вилла съ маленькою ложбинкою къ озеру, гдѣ стоялъ деревянный заборъ, всегда зеленый отъ сырости,—все это рисовалось передъ нею, ясно, потомъ тускнѣло и исчезало. Чередою шли другія картины. Вотъ протянулась Бредгаде, и солнце опускалось, и сумерки окутывали дома и потомъ дивный Копенгагенъ, какимъ онъ представляется, когда подъѣзжаешь къ нему утромъ съ поля. Онъ кажется такимъ фантастичнымъ въ своей дѣятельности и въ своемъ солнечномъ озареніи, съ окрашенными въ бѣлую краску оконными рамами и съ запахомъ фруктовъ на улицахъ; такими несбыточными кажутся рѣзко освѣщенные дома, и на нихъ почиваетъ такое спокойствіе, что, мнится, не смогутъ нарушить его ни уличные шумы, ни грохоты колесъ по мостовой...

Потомъ явилась теплая, полутемная комната осеннимъ вечеромъ, когда Эделе одѣлась ѣхать въ театръ, а другіе еще не были готовы: благоуханіе курительныхъ свѣчекъ,—огни камина, бросающіе свои отсвѣты на коверъ,—капли дождя, стучащія въ оконныя стекла, лошади, которыя стучатъ копытами у подъѣзда,—меланхолическіе взгласы уличнаго продавца раковинъ... и потомъ, послѣ всего этого, свѣтъ, музыка и блескъ театрального зала.

Въ такихъ видѣніяхъ прошелъ весь день.

Нильсъ и его мать были въ залѣ. Нильсъ стоялъ на колѣняхъ передъ диваномъ, спрятавъ лицо въ его коричневый бархатъ, сложивъ руки надъ головою. Онъ плакалъ громко и жалобно, и даже не пытался превозмочь горе, которое совсѣмъ одолѣло его. Фру Люне сидѣла около него. Передъ нею на столѣ лежалъ молитвенникъ, открытый на тѣхъ псалмахъ, которые читаются на похоронахъ. То прочитывала она нѣсколько стиховъ, то наклонялась къ своему сыну, говорила утѣшительныя слова и успокаивала его; но Нильсъ не хотѣлъ утѣшиться, и она не могла унять ни его плача, ни его необузданныхъ, отчаянныхъ моленій.

Люне показался въ дверяхъ комнаты больной. Онъ не сдѣлалъ никакого знака, онъ только посмотрѣлъ на Бартолину и Нильса, и они поднялись и пошли за Люне къ его сестрѣ. Онъ взялъ ихъ обоихъ за руки и подошелъ съ ними къ постели; Эделе увидѣла ихъ, поглядѣла на обоихъ, и губы ея дрогнули, словно она хотѣла сказать что-то. Люне отвелъ свою жену къ окошку и сѣлъ тамъ съ нею, межъ тѣмъ какъ Нильсъ спустился на колѣни въ ногахъ кровати.

Онъ тихо плакалъ, и молился простодушно и усердно подавленнымъ, страстнымъ шопотомъ, набожно сложивъ руки. Онъ говорилъ Богу, что не перестанетъ надѣяться.

— Я не оставлю Тебя, Боже мой, я не оставлю Тебя, пока Ты не скажешь „да“. Ты не смѣешь взять ее отъ насъ, потому что Ты знаешь, какъ сильно мы ее любимъ, Ты не смѣешь, Ты не смѣешь. О, я не могу сказать: Да будетъ воля Твоя, потому что Ты хочешь ее умертвить. Ахъ, оставь же ее жить! Я буду благодарить Тебя и повиноваться Тебѣ, я сдѣлаю все, о чемъ я буду знать, что Ты этого требуешь, я буду хорошимъ и никогда не нарушу Твоихъ заповѣдей, если только Ты оставишь ее въ живыхъ. Слушай, Господи! подними ее, подними ее, сдѣлай ее опять здоровою надолго. Я буду... я буду... о, что я могу Тебѣ обѣщать?—да, я буду благодарить Тебя, никогда, никогда Тебя не забуду; ахъ, но исполни же мою молитву! Ты же видишь, что она умираетъ, Ты же видишь, что она умираетъ,—будь милостивъ, отведи свою руку, сдѣлай это, Ты же вѣдь знаешь, что я не могу разстаться съ нею, о Боже, не могу! пусть она живетъ! Или Ты этого не хочешь? не хочешь? О, какъ это несправедливо!

За окномъ розовѣли бѣлые цвѣтки, какъ розы въ лучахъ заходящаго солнца. Арка надъ аркой строилось бѣло-розовое цвѣтеніе въ розовый городъ, въ благоуханный розовый хороводъ, и сквозь веселые своды сіяло вечернее голубое небо,

и на всѣхъ нависнувшихъ гирляндахъ отражались золотые лучи съ пурпурными краями.

Блѣдная и тихая лежала Эделе, держа въ своей рукѣ руку старика. Медленно, вздохъ за вздохомъ, исходило изъ нея дыханіе жизни; слабѣе и слабѣе поднималась грудь, и все тяжелѣе становилось дыханіе.

— Привѣтъ Копенгагену!—это были послѣднія слова, слабымъ сказанныя шопотомъ.

Но ея самага послѣдняго привѣта никто не услышалъ. Онъ не разъ носился слабымъ дыханіемъ надъ ея губами, привѣтъ ему, великому художнику, котораго она втайнѣ любила всѣми силами своей души, но для котораго она была ничѣмъ,—только именемъ,—только лишнею чуждою фигурою въ большой восхищенной имъ толпѣ.

Свѣтъ перешель въ голубыя сумерки, и руки слабо разжались. Тѣни росли,—тѣни вечера и смерти.

Статскій совѣтникъ склонился надъ ложемъ, положилъ руку на пульсъ Эделе, и тихо ждалъ,—и когда затихло послѣднее слабое біеніе крови, онъ поднялъ ея блѣдныя руки къ своимъ губамъ.

— Милая Эделе!

IV.

Бываютъ люди, которые спокойно берутъ свою скорбь и несутъ ее, сильныя натуры, которыя

испытываютъ свою крѣпость тяжестью своего бремени; тогда какъ болѣе слабые безвольно поддаются своему горю, какъ поддаются болѣзни; и скорбь охватываетъ ихъ, какъ болѣзнь, присасывается къ самому ихъ внутреннему существу, и ведетъ съ нимъ долгую борьбу, и наконецъ исчезаетъ совершенно при полномъ выздоровленіи.

Но бываютъ также люди, для которыхъ горе есть учиненное надъ ними насиліе, жестокость, которую никогда не научатся они переносить, какъ испытаніе или наказаніе или даже просто, какъ горестный рокъ. Для нихъ горе—тиранія, нѣчто лично-враждебное, и оно навсегда оставляетъ въ ихъ сердцахъ жало.

Рѣдко дѣти печалятся этимъ способомъ, но съ Нильсомъ это было такъ. Вотъ, съ чисто-сердечными мольбами предсталъ онъ предъ Богомъ, сталъ передъ нимъ лицомъ къ лицу, на колѣняхъ доползъ до ступеней трона; надежда въ немъ трепетала передъ страхомъ, но онъ твердо вѣровалъ во всемогущество молитвы, мужественно надѣялся, что будетъ услышанъ,—но пришлось ему подняться изъ праха и прочь итти съ посрамленною надеждою. Своею вѣрою не исторгъ онъ чудесъ отъ неба, не Богъ отвѣтилъ на его зовъ, смерть неуклонно ринулась на свою добычу, словно никакой не было защитительной силы въ молитвахъ.

Онъ сталъ такимъ тихимъ.

Его вѣра метнулась въ слѣпомъ порывѣ къ вратамъ неба, и теперь лежала съ разбитыми крыльями на могилѣ, гдѣ почивала Эделе. Потому что онъ вѣровалъ тою простою сказочною вѣрою, которая такъ часто свойственна дѣтямъ. Не въ Бога, составленнаго изъ тонко-оттѣненныхъ опредѣленій катехизиса вѣруютъ дѣти, — ихъ Богъ—могущественный Богъ ветхаго завѣта, который любилъ Адама и Еву, для котораго цѣлыя поколѣнія людей, цари, пророки, фараоны—только послушныя или непослушныя дѣти, тотъ суровый, патріархальный Богъ, который гнѣвается исполнинскою яростью и щедротами осыпаетъ съ исполнинскою щедростью, который, едва создавъ жизнь, уже опять насыплетъ смерть, который поить свою землю водами своихъ небесъ, который громами возвѣщаетъ свои заповѣди, столь тяжелыя для созданнаго имъ рода, и который въ дни императора Августа, въ состраданіи къ людямъ, обрекъ смерти своего сына, дабы ветхій законъ, подъ игомъ котораго томилось человѣчество, былъ разорванъ. Этотъ Богъ, который всегда отвѣчаетъ чудесами, и есть Тотъ, съ Кѣмъ говорятъ дѣти, когда они молятся. Потомъ придетъ, конечно, день, когда они поймутъ, что голосъ этого Бога послѣдній разъ былъ слышенъ въ землетрясеніи, которое потрясло Голгоу и разверзло могилы,

и что нынѣ, когда разорвана завѣса передъ тайнымъ святилищемъ, господствуетъ Богъ Иисусъ Христосъ, — и съ этого дня они молятся по иному.

Но Нильсъ еще не дошелъ до этого.

Онъ, конечно, слѣдилъ съ вѣрующимъ пониманіемъ за Иисусомъ въ его земномъ странствованіи; но то, что онъ всегда подчинялъ себя Богу Отцу, такъ безсильно погибъ, и такъ по-человѣчески страдалъ, — все это закрывало для Нильса его божественность. Нильсъ видѣлъ въ Немъ только того, кто творилъ волю Отца, только Сына Божьяго, не самого Бога, и потому молился онъ Богу Отцу, — и Богъ Отецъ оставилъ его въ его горькой бѣдѣ. Но, если Богъ отвратился отъ Нильса, то и онъ могъ отвратиться отъ Бога. Не преклонилъ Богъ уха къ Нильсу, — такъ не для Бога его уста; не нашлось у Бога милости, — такъ и у Нильса не найдется Ему молитвъ, — и упрявился Нильсъ, и не было въ его сердцѣ мѣста для Бога.

Съ того дня, когда Эделе была погребена, каждый разъ, когда проповѣдникъ упоминалъ имя Господне, Нильсъ презрительно топалъ ногою, — и когда онъ читалъ въ книгахъ или изъ устъ людей слышалъ Божье имя, его дѣтскій лобъ гнѣвно морщился. Когда онъ вечеромъ ложился спать, въ немъ пробуждалось удивительное ощу-

щеніе отвергнутого величія, когда онъ думаль, какъ теперь всѣ, дѣти и взрослые, молятся Господу Богу, и закрываютъ глаза съ его именемъ на устахъ, тогда какъ онъ одинъ не складываетъ благоговѣнно рукъ, онъ одинъ отказывается почитать Бога. Онъ отрекся отъ покровительства небесъ, не бодрствовалъ у его постели ангель, одинокій и беззащитный предавался онъ странно шепчущимъ потокамъ тьмы, и одиночество ширилось надъ нимъ, и все тѣснѣе кружило свои круги около его постели. Но онъ не молился. Тосковаль до слезъ,—но не зваль.

И такъ осталось это на всю его жизнь, потому что онъ упорно отказывался отъ тѣхъ способовъ пониманія, къ которымъ его пригвождали школьные уроки, и стремился со своими симпатіями всегда въ другую сторону.

Въ книгахъ, которыя давали ему читать, и въ томъ, чему его учили, Богъ, люди и идеи представлялись въ какомъ-то непрерывномъ побѣдномъ стремленіи. И ликуя участвовалъ онъ прежде въ этомъ ликованіи, восхищенный блаженнымъ ощущеніемъ быть сопричисленнымъ къ гордымъ легионамъ побѣдителей; потому что развѣ не всегда праведна побѣда, и развѣ побѣдоносный вождь не бываетъ всегда освободителемъ, покровителемъ, просвѣтителемъ?

Но теперь это ликованіе въ Нильсѣ умолкло.

Теперь онъ молчалъ, и думы его были думы побѣжденнаго, его сердце было разбитое сердце. Но онъ понялъ, что если побѣдоносное прекрасно, то это не значить, что побѣжденное дурно; и взявъ сторону послѣдняго, сказалъ себѣ, что оно лучше, почувствовалъ, что оно выше, и назвалъ побѣждающія силы насиліемъ. Насколько могъ, онъ сталъ богоборцемъ, но былъ похожъ на вассала, поднявшаго оружіе противъ своего законнаго господина, потому что еще вѣрилъ и не могъ преодолѣть своей вѣры.

Его учитель, г. Бигумъ, не былъ человѣкомъ, который могъ бы вернуть душѣ спокойствіе. Наоборотъ. Его философія была философіей настроенія; воодушевляясь самыми противоположными идеями, сегодня этой, а завтра той, онъ излагалъ своему питомцу всѣ догмы. Въ основѣ онъ былъ христіаниномъ, и, вѣроятно, если бы кто-нибудь заставилъ его назвать то незбылемое, что было въ его неопредѣленныхъ убѣжденіяхъ, онъ сказалъ бы, что это — вѣра и догматы евангелической лютеранской церкви, или, во всякомъ случаѣ, что-нибудь подобное; но, несмотря на это, онъ совершенно не былъ способенъ вести своихъ питомцевъ по строго ограниченной дорогѣ церковной вѣры и кричать имъ на каждомъ шагу, что при малѣйшемъ переходѣ за пограничные столбики они вступаютъ на путь лжи и тьмы

и предають свои души аду; оптому что меньше всего въ немъ было ортодоксальности и догматизма и стремленій къ буквѣ. Онъ былъ именно религіозенъ художественно, какъ бывають религіозны люди, такъ богато, какъ онъ, одаренные; они держаютъ водворяють нѣкоторую гармонію, допуская поэтическую вольность въ религіозномъ творествѣ, потому что впереди всего у нихъ своя личность и дороже всего имъ слышать шумъ полета собственнаго духа, въ какихъ бы сферахъ ни носился онъ.

Такіе люди не бывають вождями своихъ учениковъ; но въ ихъ преподаваніи есть полнота, разнообразіе и шаткая разносторонность, которая, если не запутываетъ ума, отлично развиваетъ въ ученикѣ самостоятельность и почти заставляетъ его создавать свое собственное мнѣніе; вѣдь дѣти никогда не успокаиваются на чемъ-нибудь неопредѣленномъ, туманномъ, живущій въ нихъ инстинктъ самосохраненія всегда требуетъ яснаго отвѣта: да или нѣтъ, за или противъ, чтобы они могли знать, какой дороги имъ держаться, и съ какой душой: любящей или ненавидящей.

Итакъ, онъ не имѣлъ того непоколебимаго авторитета, который могъ бы увести Нильса назадъ съ дороги его вѣчнаго скептицизма. И закусивъ удила, Нильсъ мчался то по той, то по другой тропѣ, не думая о томъ, куда онъ его

ведутъ, а лишь о томъ, чтобы быть подалше отъ его прежнихъ мыслей и чувствъ.

Было какое-то новое чувство силы въ томъ, чтобы такъ смотрѣть своими собственными глазами, и своимъ сердцемъ выбирать и все перерабатывать по своему; такъ много выявлялось въ его душѣ незамѣченныхъ доселѣ и очень важныхъ сторонъ, и все такъ удивительно собиралось въ одно разумное цѣлое. Это было время открытій, когда душа пьянѣла въ страхъ и робкомъ восхищеніи, съ невѣроятнымъ счастьемъ открывая себя. Впервые увидаль онъ ясно, что онъ не такой, какъ другіе, и духовная стыдливость пробудилась въ немъ и заставила его быть молчаливымъ и застѣнчивымъ. Онъ сталъ недоувѣрчивъ ко всему, что говорилось, и видѣлъ во всемъ намеки на самыя тайныя стороны своей души. Научась читать въ себѣ самомъ и думая, что всѣ другіе также могутъ читать въ немъ, онъ отошелъ отъ людей и сталъ уединеннымъ. Люди стали вдругъ такъ странно навязчивыми. У него появилось враждебное къ нимъ чувство, какъ къ существамъ другой породы, и въ своемъ одиночествѣ онъ сталъ испытывать ихъ и наблюдать и изрекать имъ окончательные приговоры. Прежде онъ зналъ названія: отецъ, мать, пасторъ, мельникъ, и все было ясно. Названіе совершенно заслоняло личность. Пасторъ былъ пасторъ; больше ничего нельзя было о

немъ сказать. Имя совершенно закрывало передъ нимъ личность. Но теперь онъ увидалъ, что пасторъ былъ маленькій, веселый человѣкъ, который дома велъ себя возможно тише и миролюбивѣе, чтобы не привлекать вниманія своей жены, а внѣ дома въ своихъ рѣчахъ былъ мятежнымъ и свободнымъ до изступленія, стараясь забыть о домашнемъ игѣ.

Вотъ что стало съ пасторомъ.

А г. Бигумъ?

Онъ видѣлъ его тамъ, въ саду, въ тотъ мигъ, когда онъ все готовъ былъ отвергнуть изъ-за любви къ Эделе, онъ слышалъ, какъ онъ отрекался отъ самого себя и отъ своей души — и вотъ теперь онъ непрестанно говоритъ объ олимпійскомъ спокойствіи философа въ противовѣсъ дикимъ вихрямъ и преходящимъ радугамъ жизни. Какое больное презрѣніе возбуждало все это въ мальчикѣ, и какъ росло и крѣпло и утончалось его сомнѣніе! Вѣдь онъ не зналъ, что то, что г. Бигумъ клеймилъ въ другихъ, называлось совсѣмъ по другому въ немъ самомъ и что олимпійское спокойствіе, рекомендуемое имъ въ житейскихъ тревоженіяхъ, было лишь презрительной улыбкой титана, полной воспоминаній о титаническихъ порывахъ и титаническихъ страстяхъ.

Черезъ полгода послѣ смерти Эделе, у одной изъ кузинъ Люне умеръ мужъ, владѣлецъ гончарной фабрики Рефструпъ. Его дѣла никогда не были въ блестящемъ состояніи, а за долгую болѣзнь пришли совсѣмъ въ упадокъ, и вдовѣ грозила нищета. Семеро дѣтей—столько она не могла прокормить. Оставивъ ей двухъ самыхъ маленькихъ и старшаго, уже работавшаго на фабрикѣ, родные остальныхъ взяли къ себѣ. Люне достался второй сынъ Эрикъ; ему было четырнадцать лѣтъ, и онъ учился въ городской гимназіи. Теперь онъ долженъ былъ брать уроки у г. Бигума вмѣстѣ съ Нильсомъ и сыномъ пастора Петерсена Фритіофомъ.

Онъ учился неохотно, потому что хотѣлъ быть скульпторомъ. Отецъ называлъ это глупостями, но Люне ничего не имѣлъ противъ этого, вѣря въ талантъ мальчика. Только, по его мнѣнію, сначала надо было выдержать экзаменъ на зрѣлость, чтобы имѣть какую-нибудь точку опоры, кромѣ того классическое образованіе подходитъ скульптору, если и не является для него необходимою. На этомъ пока и порѣшили, и Эрику пришлось удовлетвориться довольно значительной коллекціей гравюръ на мѣди и бронзы, находившейся въ Лѣнборгорѣ. Конечно, все это должно

было показаться великими произведеніями искусства тому, кто видѣлъ только старый хламъ въ соборной библіотекѣ, пожертвованный какимъ-то чудакомъ токаремъ, вѣроятно, не особеннымъ знатокомъ искусства, и вскорѣ Эрикъ сталъ усердно работать карандашомъ и рѣзцомъ. Больше всѣхъ нравился ему Гвидо Рени, чье имя въ то время было выше именъ Рафаэля и другихъ великихъ; ничто, можетъ быть, не въ силахъ лучше открыть молодости глаза на красоту искусства, чѣмъ сознаніе, что мой безмѣрный восторгъ оправдывается на другихъ. Андреа дель Сарто, Пармеджанино и Луини, которые позднѣе, когда Эрикъ позналъ себя и свой талантъ, имѣли для него такое значеніе, теперь оставляли его равнодушнымъ, въ то время какъ смѣлость Пинторетто, или горечь Сальватора Розы и Караваджо захватывали его. Вообще молодость не любитъ сладостнаго въ искусствѣ; самый утонченный миниатюристъ начинаетъ свой путь по слѣдамъ Буонаротти, самый спокойный лирикъ совершаетъ свое первое плаваніе на черныхъ парусахъ въ крови трагедіи.

Сначала занятія искусствомъ были для Эрика только игрой, нѣсколько лучшей, чѣмъ другія игры; удачно вылѣпивъ голову или выгравировавъ лошадь, онъ чувствовалъ не больше гордости, чѣмъ попавъ камнемъ въ флюгеръ церков-

ной колокольни или проплывъ безъ отдыха туда и обратно отъ Сендерхагена; онъ любилъ игры, гдѣ главное была ловкость, сила, выносливость, вѣрная рука и наметанный глазъ, не такія, въ какія играли Нильсъ и Фритіофъ, гдѣ больше всего работала фантазія и гдѣ дѣйствіе и счастливый исходъ были только воображаемыми. Но и они, вслѣдъ за Эрикомъ, скоро отказались отъ прежняго времяпрепровожденія. Романы были брошены, и исторія, которой не предвидѣлось конца, была нѣсколько насильственно закончена; во время послѣдняго тайнаго свиданія на сѣновалѣ, глубокая тишина воцарилась надъ ея преждевременной могилой, потому что имъ не хотѣлось рассказывать объ этомъ Эрику; послѣ первыхъ же дней знакомства они сообразили, что онъ будетъ смѣяться надъ ними и надъ ихъ исторіей, застыдить ихъ и унижить въ собственныхъ глазахъ. Онъ, дѣйствительно, могъ это сдѣлать, потому что былъ свободенъ отъ всего, что называется мечтательностью, восторженностью и фантазіями. А такъ какъ его ясный практическій, безукоризненно здоровый умъ ребенка всегда готовъ былъ беспощадно высмѣивать духовные недостатки, какъ обыкновенно дѣти высмѣиваютъ физическіе недостатки, то Нильсъ и Фритіофъ боялись его, раздражали ему, отъ многого отрекались и еще больше скрывали. Особенно Нильсъ готовъ былъ

давить въ себѣ все, что не соотвѣтствовало Эрику и со страстностью отступника онъ смѣялся и глумился надъ Фритіофомъ, который по своему медлительному и постоянному характеру не могъ такъ скоро забыть старое ради новаго. Такъ поступать заставляла Нильса главнымъ образомъ ревность: съ перваго же дня онъ полюбилъ Эрика, остававшагося нелюдимымъ, холоднымъ и слегка презрительнымъ, и едва позволявшаго любить себя.

Есть ли между всѣми соединяющими людей чувствами болѣе нѣжное, благородное и глубокое, чѣмъ страстная и робкая любовь мальчика къ мальчику? Любовь, которая никогда не высказывается, никогда не смѣетъ открыться ни въ ласкѣ, ни во взглядѣ, ни въ одномъ словѣ, созерцающая любовь, которая глубоко скорбитъ о слабостяхъ и ошибкахъ любимаго, любовь — тоска и восхищеніе и самозабвеніе, гордость и покорность, и спокойно дышащее счастье!

Эрикъ прожилъ немногимъ больше года въ Ленборгорѣ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Копенгагенъ Люне показалъ эскизы мальчика знаменитому скульптору. Скульпторъ Микельсенъ увидѣлъ въ нихъ талантъ и сказалъ, что занятіе наукой — лишняя трата времени, такъ какъ вовсе не нужно особеннаго классическаго образованія для того, чтобы пріискать греческое имя обнаженному человѣческому тѣлу. Было рѣшено сейчасъ же

послать Эрика въ Копенгагенъ, чтобы онъ посѣщалъ Академію и работалъ въ мастерской Микельсена.

Въ послѣдній вечеръ Нильсъ и Эрикъ сидѣли наверху въ своей комнатѣ. Нильсъ разсматривалъ иллюстраціи дешеваго журнала. Эрикъ углубился въ каталогъ Спенглера, описывающей картинную галерею замка Христиансборгъ. Какъ часто перелистывалъ онъ эту книгу, пытаясь по наивнымъ описаніямъ составить себѣ понятіе о картинахъ, почти больной отъ порыва дѣйствительно увидѣть эту красоту, дѣйствительно охватить глазами это богатство линій и красокъ и въ восхищеніи почувствовать все это своимъ; и какъ часто онъ закрывалъ эту книгу, утомленный разглядываньемъ несущагося, фантастическаго тумана, который блуждалъ, не принимая формъ, ничего не создавалъ, а только блуждалъ, бессмысленно измѣняясь, колыхался и уплывалъ, уплывалъ и колыхался.

Но сегодня все было по другому, сегодня у него была увѣренность, что скоро эти образы перестанутъ быть тѣнями, изъ міра мечтаній; онъ чувствовалъ себя уже обогащеннымъ всѣмъ тѣмъ, что обѣщала эта книга; картины принимали формы, чего никогда не было, сверкая молніями, какъ яркое солнце, когда оно прорывается сквозь туманъ, золотой отъ пляшущаго золота.

— Что ты тамъ смотришь? — спросилъ онъ Нильса.

Нильсъ показаль въ своей книгѣ Лассена, героя второго апрѣля.

— Какой уродъ! — сказалъ Эрикъ.

— Уродъ? Онъ былъ героемъ! — Ты и этого назовешь уродомъ?

Перелиставъ обратно, онъ показаль портретъ великаго поэта.

— Ужасно уродливъ, — подтвердилъ Эрикъ, скосивъ ротъ. — Развѣ это носъ? А губы, а глаза, а взъерошенные волоса, висящiе вокругъ головы?

Нильсъ увидѣлъ, что поэтъ былъ уродливъ, и замолчалъ. Ему никогда не приходило въ голову, что великое можетъ имѣть своей формой уродливое.

— Да, — сказалъ Эрикъ, закрывая своего Спенглера, — чтобы не забыть, я отдамъ тебѣ ключъ отъ кладовой.

Нильсъ сдѣлалъ грустное отрицательное движенiе, но Эрикъ надѣлъ ему на шею широкую черную ленту съ маленькимъ ключемъ отъ всякаго замка.

— Пойдемъ внизъ?

Они пошли. У садоваго забора нашли Фритiофа; онъ лежалъ и ѣлъ неспѣлый крыжовникъ; глаза у него были полны слезъ по случаю разлуки, къ тому же онъ обидѣлся, что они не пришли къ нему

раньше; обыкновенно онъ самъ приходилъ, но такому дню, какъ сегодняшній, по его мнѣнію, подобала нѣкоторая торжественность. Молча протянулъ онъ имъ горсть неспѣлыхъ ягодъ; но они за обѣдомъ ѣли любимое сладкое и потому были разборчивы.

— Кисло, — сказалъ Эрикъ, морщась.

— Вредная штука, — разсудительно прибавилъ Нильсъ и посмотрѣлъ свысока на ягоды. — Какъ ты можешь? Брось эту гадость! Идемъ внизъ, въ кладовую. И онъ подбородкомъ показаль на ленту съ ключемъ, такъ какъ руки были въ карманахъ.

Всѣ трое пошли внизъ.

Кладовой была старая зеленая каюта, когда-то купленная на береговомъ аукціонѣ. Она стояла у фіорда и служила складомъ матеріаловъ, когда строилась плотина; теперь она осталась безъ употребленія, и мальчики присвоили ее себѣ, чтобы хранить тамъ кораблики, луки, палки и прочія сокровища, особенно же запрещенныя, но такія необходимыя вещи, какъ порохъ, табакъ и спички.

Съ подобающей мрачной торжественностью Нильсъ открылъ дверь кладовой, они вошли и стали собирать свои вещи по темнымъ угламъ пустой каюты.

— Знаете, что! — сказалъ Эрикъ, показывая

головой на дальній уголъ, — свой я взорву на воздухъ.

— И наши тоже! — отвѣтилъ Нильсъ торжественно, сопровождая эти слова знакомъ клятвы.

— Нѣтъ, только не мой! — воскликнулъ Фритіофъ: — какъ мы будемъ плавать на парусахъ когда Эрикъ уѣдетъ?

— Это правда, — сказалъ Нильсъ и презрительно отошелъ отъ него.

Фритіофъ почувствовалъ себя не особенно пріятно, но когда всѣ вышли, отнесъ свое судно въ безопасное мѣсто.

На берегу они быстро положили въ кораблики порохъ, завернутый въ просмоленную паклю, приготовили фитили, поправили паруса, подожгли и отскочили назадъ.

Они бѣжали вдоль берега, дѣлая знаки корабельной командѣ и громко объясняя другъ другу случайные повороты и движенія кораблей, какъ результаты морского опыта ихъ храбрыхъ капитановъ.

Но корабли причалили къ берегу у мыса, прежде чѣмъ произошелъ ожидаемый взрывъ, и Фритіофу представился случай великодушно пожертвовать ватную подкладку своей фуражки на приготовленіе новыхъ и лучшихъ фитилей.

На полныхъ парусахъ полетѣли корабли къ берегамъ Зеландіи; тѣснымъ строемъ подвигались

тяжелые фрегаты англичанъ; а бѣлая пѣна кипѣла подѣ черными кораблями, и рѣзкій трескъ зарядовъ потрясалъ воздухъ. Ближе и ближе;— свѣтили синимъ и краснымъ свѣтомъ, сверкали золотомъ зажженные галліоны „Альбіона“ и „Побѣдителя“; сѣрая масса парусовъ скрывала горизонтъ; пороховой дымъ клубился бѣлыми облаками и неся, окутывая туманомъ сверкающія на солнцѣ волны; вотъ палуба корабля Эрика со слабымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ; огонь охватилъ паклю, красное пламя поднялось вверхъ, быстрые огни побѣжали по мачтамъ и по реямъ, медленно загорѣлись снасти, и длинныя молніи стали ударять въ холстъ парусовъ; загораясь, холстъ свертывался, съезживался и большими черными ключьями улеталъ въ даль надъ моремъ. Еще флагъ Даніи развѣвался на верху доходившей до облаковъ стройной гротмачты, но веревка уже сгорѣла, и онъ дико метался, словно готовясь къ битвѣ, нанося вокругъ себя удары красными крыльями,— но еще мигъ — и онъ былъ охваченъ пламенемъ, и корабль, черный отъ дыма, понесся безъ руля, мертвый и безвольный, игрушка вѣтра и волнъ.— Корабль Нильса не хотѣлъ такъ горѣть, хотя порохъ вспыхнулъ, и дымъ поднялся вверхъ, но больше ничего не было, а этого было мало.

— Ребята!— кричалъ Нильсъ съ мыса:— пускай ихъ ко дну! Готовъ пушки праваго борта! Въ

тотъ же моментъ онъ нагнулся и поднялъ камень.

— Пали! — и камень вылетѣлъ изъ его руки.

Эрикъ и Фритиофъ не лѣнчились помогать, и вскорѣ остовъ судна былъ разбитъ въ щепки; корабль Эрика также.

Остатки вытащили на берегъ: теперь надо было зажечь костеръ.

Изъ этихъ остатковъ, изъ сухихъ водорослей и увядшей травы вышла горящая и дымящая куча; на сильномъ жару весело захрустѣли и затрещали камешки и ракушки, оставшіяся въ водоросляхъ.

Долго сидѣли вокругъ костра и молчали.

Вдругъ Нильсъ всталъ, по прежнему мрачный, и принесъ изъ кладовой всѣ свои вещи, разломалъ ихъ на куски и бросилъ въ огонь. Тогда Эрикъ принесъ свои, и Фритиофъ принесъ кое-что. Теперь пламя жертвеннаго костра поднялось высоко, такъ что Эрикъ высказалъ соображеніе, что оно можетъ быть видно съ поля и сталъ гасить огонь мокрыми водорослями. Нильсъ, притихнувъ, стоялъ подлѣ и смотрѣлъ печально, какъ стлался дымъ вдоль берега, Фритиофъ держался въ сторонѣ и напѣвалъ себѣ героическую пѣсню, время отъ времени сопровождая ее, какъ бардъ, незамѣтнымъ бряцаніемъ по струнамъ воображаемой арфы.

Наконецъ костеръ погасъ, Эрикъ и Фритіофъ пошли домой, а Нильсъ остался, чтобы запереть кладовую. Сдѣлавъ это, онъ осторожно оглянулся на товарищѣй, и закинулъ ключъ съ лентой далеко въ фіордъ. Въ этотъ мигъ Эрикъ обернулся, но увидѣвъ, что упало въ воду, быстро повернулся и побѣжалъ съ Фритіофомъ на перегонку.

На другой день онъ уѣхалъ.

Первое время Эрика очень не хватало. Все словно остановилось для обоихъ оставшихся дома. Жизнь понемногу вкоренила въ нихъ убѣжденіе, что только втроемъ можно жить. Трое—это было общество, разнообразіе, движеніе; двое — одиночество и больше ничего. Что двое могутъ сдѣлать на свѣтѣ?

Развѣ можно вдвоемъ стрѣлять въ цѣль или играть въ мячъ? Правда, можно быть Пятницей и Робинзономъ Крузо, но кто же будетъ дикарями?

А воскресенья! Нильсу такъ надоѣла жизнь, что онъ принялся за географію и съ помощью большого атласа г. Бигума ушелъ далеко за предѣлы программы. Кромѣ того, сталъ читать Библию и вести дневникъ. А Фритіофъ въ своемъ полномъ одиночествѣ пытался найти унизительное утѣшеніе въ игрѣ съ сестрами.

Мало-по-малу прошлое стало замирать и тоска

слабѣть; она еще приходила въ тихіе вечера, когда заря бросала свой алый свѣтъ на стѣны осиротѣвшей комнаты, когда далекій монотонный крикъ кукушки внезапно умолкалъ, и тишина становилась отъ этого еще шире и больше; тогда томящая тоска прокрадывалась въ больную душу, но ужъ не мучила, а льнула нѣжно, и была почти сладостна, какъ утихающая боль.

Такъ же было и съ письмами. Сначала они содержали только безсвязныя жалобы, вопросы и пожеланія, потомъ стали длиннѣе, стали рассказывать объ окружающемъ и, наконецъ, достигли стилистичности и красоты и даже начали проявлять нѣкоторое удовольствіе автора, сознающаго свое умѣнье писать такъ, чтобы можно было читать между строчками.

При новомъ положеніи вещей подняло голову многое, исчезнувшее при Эрикѣ. Фантазія опять разбрасывала свои яркіе цвѣты въ тишинѣ и скукѣ бѣдной событіями жизни. Атмосфера мечтаній со своимъ изнурительнымъ и возбуждающимъ благоуханіемъ, въ которомъ скрытъ тонкій ядъ жаждущихъ осуществленія порывовъ, окутывала душу.

Такъ и растетъ теперь Нильсъ, и все оставляетъ слѣдъ на мягкой глинѣ, вырабатывая ей форму, все пріобрѣтаетъ значеніе, все, что существуетъ и что грезится, что онъ знаетъ

и что предчувствуетъ — все проводить легкія, но вѣрныя черты, которыя врѣзаются, углубляются, слабѣютъ и стираются.

VI.

„Студентъ Люне — фру Бойе; студентъ Петерсенъ — фру Бойе“.

Эрикъ знакомилъ ихъ въ мастерской Микельсена, высокою — двѣнадцать футовъ вышины — и свѣтломъ помѣщеніи, съ твердымъ глинянымъ поломъ, съ двумя широкими дверьми наружу въ одной стѣнѣ и съ двумя дверьми въ другой, ведущими въ заднія маленькія мастерскія. Пыль отъ глины, гипса и мрамора окрасила все въ сѣрый цвѣтъ, отъ нея паутина на потолкѣ стала толстой, какъ веревка, она нарисовала рѣки на большихъ оконныхъ стеклахъ, она лежала въ глазницахъ, на ртахъ и носакъ, на мускулахъ и волосахъ и на одеждахъ безчисленныхъ слѣпковъ, тянувшихся вдоль мастерской на длинныхъ полкахъ, словно фризь, изображающій разрушеніе Іерусалима, она напудрила лавровыя деревья, стоявшія у входа въ большихъ кадкахъ, такъ что они стали сѣрѣе сѣрыхъ оливъ.

Эрикъ въ блузѣ, съ бумажнымъ колпакомъ на темныхъ, вьющихся волосахъ стоялъ посреди

мастерской и лѣпилъ; у него теперь были усы, и онъ казался очень мужественнымъ въ сравненіи съ блѣдными, усталыми отъ экзаменовъ друзьями, которые въ своихъ слишкомъ новыхъ костюмахъ, черезчуръ коротко остриженные, съ фуражками, черезчуръ большими, имѣли такой провинціально-приличный видъ.

Недалеко отъ станка Эрика на низкомъ стулѣ съ высокой спинкой сидѣла фру Бойе, съ тоненькой книжечкой въ одной рукѣ и комкомъ глины въ другой, — маленькая, даже слишкомъ маленькая шатенка съ ясными карими глазами и бѣлымъ цвѣтомъ кожи, который въ тѣняхъ лица становился золотисто-матовымъ и такъ шелъ къ блестящимъ волосамъ, при освѣщеніи переходившимъ изъ темныхъ въ рыжеваторусые.

Она громко смѣялась, когда они вошли, какъ смѣются дѣти, легко, долго и весело, такъ радостно и беззаботно, и глаза ея смотрѣли по дѣтски откровенно, и открытая улыбка ребенка играла вокругъ ея слегка приоткрытаго рта, который еще болѣе казался дѣтскимъ оттого, что слишкомъ короткая верхняя губа почти никогда не закрывала бѣлыхъ, какъ молоко, зубовъ, — ротъ былъ всегда полуоткрытъ.

Но она не была ребенкомъ.

Было ей за тридцать?

Полный подбородокъ не говорилъ „нѣтъ“, такъ же какъ и зрѣлая алость нижней губы; она вся была полная и крѣпкая; ея богатыя формы плотно, какъ амазонка, обтягивало темно-синее платье. Вокругъ шеи и плечъ пышно лежалъ шелковый красный платокъ, концы котораго уходили въ узкій вырѣзь ея платья; въ волосахъ были гвоздики цвѣта платка.

— Я боюсь, что мы помѣшали пріятному чтенію,—сказалъ Фритіофъ, взглянувъ на тонкую книжку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы уже цѣлый часъ споримъ о томъ, что прочли,—отвѣтила фру Бойе и въ упоръ посмотрѣла широко раскрытыми глазами на Фритіофа. — Господинъ Рефструпъ ужасный идеалистъ во всемъ, что касается искусства; а я нахожу такой скучной всю эту исторію съ грубой дѣйствительностью, которая должна очиститься, переродиться, возсіять, и не знаю, что еще должно съ ней сдѣлаться, пока ничего отъ нея не останется; посмотрите пожалуйста вотъ на ту вакханку Микельсена, которую копируетъ лѣнтяй Траффелини; если бъ мнѣ пришлось описывать ее въ каталогъ... о, Господи!... № 77. Молодая neodѣтая дама задумчиво стоитъ на колѣняхъ и не знаетъ, что ей дѣлать съ кистью винограда. — Я бы посовѣтовала ей раздавить виноградъ, чтобы красный сокъ потекъ по ея груди. Что? Не такъ? Вѣдь я права?—

и съ дѣтской горячностью она схватила Фритіофа за руки и чуть не трясла ихъ.

— Да, — согласился Фритіофъ: — по моему тоже не хватаетъ чего-то — свѣжести, непосредственности.

— Естественности не хватаетъ! Ахъ, Боже мой! Отчего не можемъ мы быть естественными? О, я хорошо знаю, намъ не хватаетъ только смѣлости. Ни художники, ни поэты не смѣютъ сознать человѣка такимъ, какъ онъ есть. — Вотъ Шекспиръ посмѣлъ!

— А вы знаете, — сказала Эрикъ изъ-за своей глины, — съ Шекспиромъ я не могу справиться; по моему онъ переходитъ границы; носится, носится съ однимъ и тѣмъ же, пока, наконецъ, не перестанешь различать, куда все это ведетъ.

— Этого я не скажу, — возразилъ Фритіофъ неодобрительно и сейчасъ же прибавилъ съ улыбкой извиненія: — „въ неистовствѣ великаго англійскаго поэта я, дѣйствительно, не могу признать разумной смѣлости художника“.

— Не могу признать! — Боже, какой вы смѣшной! — и она смѣялась, какъ только могла смѣяться, вставъ съ мѣста и ходя по мастерской. Потомъ неожиданно обернулась и протянувъ руку къ Фритіофу, воскликнула: — ну и Богъ съ вами! — и отъ смѣха пригнулась къ землѣ.

Фритіофъ готовъ былъ обидѣться, но уйти

обиженнымъ было такъ неудобно; къ тому же онъ чувствовалъ свою правоту, да и женщина была такая хорошенькая. Онъ остался и заговорилъ съ Эрикомъ, при чемъ имѣя въ виду фру Бойе, старался придать своему голосу оттѣнокъ снисходительности.

А она ходила въ сторонѣ по мастерской и задумчиво напѣвала про себя что-то, рассыпаясь короткой, веселой трелью или плавно уносясь въ торжественномъ речитативѣ.

На большомъ деревянномъ ящикѣ стояла голова молодого Августа; она смахнула пыль, взяла комокъ глины и придѣлала ему усы, эспаньолку, а въ уши продѣла кольца.

Пока она занималась этимъ, Нильсъ подошелъ ближе какъ будто чтобы рассмотреть слѣпки, стоявшіе на полкахъ. Она не оборачивалась, но, конечно, чувствовала, что онъ тутъ, потому что протянула руку и попросила дать ей шляпу Эрика.

Нильсъ далъ; она взяла и надѣла ее на голову Августу.

— Шекспиръ! — нѣжно сказала она и погладила по щекѣ превращеннаго:— „глупый старикъ! Онъ не зналъ, что творилъ! — Сидѣль, ковырялъ въ чернильницѣ, ни о чемъ не думая, и такимъ образомъ сочинилъ Гамлета, не правда ли?—Она сняла шляпу съ бюста и материнскимъ движеніемъ

провела рукой по лбу, какъ бы желая пригладить волосы.—А все-таки ты — счастливецъ, старикъ! Не какой-нибудь стихотворецъ. Вѣдь, правда, господинъ Люне, съ этимъ нужно согласиться, что Шекспиру везло какъ писателю?

— Да. Но у меня особое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, — отвѣтилъ Нильсъ, краснѣя и немного обиженно.

— Боже мой! И у васъ особое мнѣніе о Шекспирѣ! Что же вы о немъ думаете? Вы за насъ или противъ насъ? — Съ этими словами она, улыбаясь, стала рядомъ съ бюстомъ и обняла его за шею.

— Не знаю, будетъ ли мое мнѣніе, существованіе котораго васъ удивляетъ, такъ счастливо, что совпадетъ съ вашимъ, но, повидимому, я за васъ. Вотъ мое мнѣніе: онъ зналъ, что дѣлалъ; взвѣшивалъ то, что дѣлалъ; имѣлъ смѣлость дѣлать то, что онъ дѣлалъ. Много разъ бывалъ въ сомнѣніи — это можно прослѣдить — иногда рѣшался только наполовину и замѣнялъ другимъ то, что боялся оставить, какъ оно было...

И онъ продолжалъ такъ говорить.

Пока онъ говорилъ, фру Бойе становилась все безпокойнѣе, нервно смотрѣла то въ одну, то въ другую сторону, безпокойно играла пальцами, и лицо ея омрачалось сначала озабоченнымъ, а потомъ даже страдальческимъ выраженіемъ.

Она не могла больше сдерживаться.

— Не забудьте, что вы хотѣли сказать,— сказала она,— но прошу васъ, господинъ Люне, перестаньте дѣлать рукой это движеніе, будто вы хотите вырвать зубъ; пожалуйста, перестаньте! А теперь продолжайте, я готова слушать. Тѣмъ болѣе, что мы думаемъ одно и то же.

— Тогда мнѣ нечего больше говорить!

— Почему?

— Если мы думаемъ одно и то же!

— Да — если мы думаемъ одно и то же.

Никто изъ нихъ не имѣлъ въ виду ничего особеннаго, произнося послѣднія слова, но оба произнесли ихъ съ такимъ полнымъ смысла выраженіемъ, какъ будто въ нихъ таился цѣлый міръ нѣжности; они смотрѣли другъ на друга, многозначительно улыбаясь; только что свѣтившій разумъ погасалъ; и оба, досадуя каждый на свою недогадливость, задумывались надъ тѣмъ, что разумѣлъ другой подъ своими словами.

Медленно они присоединились къ остальнымъ, и фру Бойе опять сѣла на низкій стулъ.

Эрикъ и Фритіофъ утомили другъ друга разговоромъ и рады были обществу. Фритіофъ тотчасъ подошелъ къ фру Бойе и былъ очень любезенъ. Эрикъ въ качествѣ хозяина держался въ сторонѣ.

— Если бъ я былъ любопытенъ, — сказалъ Фритіофъ, — я спросилъ бы у васъ, что это была

за книга, о которой вы спорили съ Рефструпомъ когда мы вошли.

— Вы спрашиваете? — сказала фру Бойе.

— Спрашиваю.

— Ergo?

— Ergo, — отвѣтили Фритіофъ, смиренно склонивъ голову въ знакъ согласія.

Фру Бойе подняла книгу вверхъ и громко провозгласила: Хельге. Хельге Эленшлегера. — Какая пѣснь? — Вотъ: русалка посѣщаетъ короля Хельге. — Какіе стихи? — Тѣ, гдѣ Тангкьеръ легла рядомъ съ Хельге, и онъ, не будучи въ состояніи больше сдерживать любопытство, оборачивается.

... И смотритъ, весь взволнованный глубоко,
На руки спящей, бѣлыя такія.
Она прекраснѣй всѣхъ, кого земля рождала,
И отъ нея не можетъ оторваться око,
Ужъ темное ее не прячетъ покрывало,
И въ трепетѣ онъ на нее взираетъ.
Она покойна. И сверкаетъ,
Какъ въ жемчуга одѣтыя морскія.

И это все, что намъ удастся узнать о красотѣ русалки, а этого далеко недостаточно. Я хочу имѣть богатый, сверкающій образъ, хочу созерцать столь прекрасное, чтобъ у меня захватывало дыханіе. Я хочу увидѣть особенную русалочью красоту, а, скажите пожалуйста, что я могу представить по бѣлымъ рукамъ и прекрасному тѣлу

съ покрываломъ? — Боже мой! Она должна быть нагая, какъ волна, и дикая красота моря должна пронизывать ее. На ея кожѣ долженъ лежать фосфорическій блескъ лѣтнаго моря, въ ея волосахъ — черный ужасъ всклокоченной морской травы. Вѣдь такъ! — Вода тысячами красокъ должна сверкать и переливаться, загораться и исчезать въ ея глазахъ; въ ея блѣдной груди долженъ быть холодъ сладострастья, ея тѣло должно струиться какъ волны, ея поцѣлуй долженъ имѣть затягивающую силу водоворота, а ея объятія должны быть нѣжны, какъ пѣна волнъ.

Она разгорячилась своею рѣчью и, вся еще охваченная волненіемъ, стояла и смотрѣла большими вопрошающими дѣтскими глазами на своихъ юныхъ слушателей

Но они ничего не могли отвѣтить ей. Нильсъ покраснѣлъ какъ огонь, а Эрикъ совсѣмъ смутился. Фритіофъ былъ совершенно увлеченъ ею и смотрѣлъ на нее, не отрываясь, съ нескрываемымъ восхищеніемъ, и все-таки онъ меньше другихъ видѣлъ, какъ опьяняюще прекрасна была она, стоя такъ передъ ними, въ ризѣ словъ своихъ.

.

Прошло нѣсколько недѣль, и Нильсъ съ Фритіофомъ сдѣлались такими же частыми гостями фру Бойе, какъ и Эрикъ Рефструпъ. Они встрѣ-

чали у нея, кромѣ блѣдной ея племянницы, многихъ будущихъ поэтовъ, живописцевъ, актеровъ и архитекторовъ, которые были причастны искусству скорѣе своей молодостью, чѣмъ талантливостью, всѣ были полны надеждъ, смѣлости, жаждали борьбы и легко воодушевлялись. Между ними было нѣсколько тихихъ мечтателей, которые грустно говорили объ исчезнувшихъ идеалахъ исчезнувшихъ временъ, но больше было первыхъ, исполненныхъ того, что было тогда новымъ, опьяненныхъ теоріями, озаренныхъ утреннимъ свѣтомъ, дикихъ отъ силы новаго. Они были неистово новы, черезчуръ новы, и это скорѣй всего потому, что въ самой глубинѣ своей они таили странную, безсознательную тоску, которую надо было заглушить, тоску, которой не могло унять и новое, какъ бы всеобъемлюще, всемірно-велико и всемогуще оно ни было.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ юныхъ душахъ была буйная радость, вѣра въ свѣтъ разума и надежды, безграничныя, какъ море; воодушевленіе несло ихъ на орлиныхъ крыльяхъ, и неслабѣющее мужество наполняло сердца ихъ. Позднѣе жизнь износила все это и многое заставила умолкнуть; не мало разрушила разсудочность, а трусливое благоразуміе унесло остальное. Но что-жъ! Время, прожитое хорошо, не приноситъ зла, и въ дальнѣйшей жизни ничто не можетъ заглушить хотя

бы одинъ день, стереть хотя бы одинъ часъ когда-нибудь пережитой жизни.

Для Нильса въ эти дни міръ принялъ совершенно новый видъ. Слышать свои самыя сокровенныя и смутныя мысли изъ устъ столькихъ различныхъ людей; видѣть свой собственный причудливый міръ, который раньше какъ туманный ландшафтъ носился передъ нимъ въ расплывчатыхъ линияхъ съ неясной глубиной и въ робкихъ краскахъ, вдругъ видѣть его теперь безъ покрова, при дневномъ свѣтѣ, въ свѣтлыхъ, острыхъ цвѣтахъ, опредѣлившимся во всѣхъ подробностяхъ, изборожденнымъ дорогами, и толпы людей видѣть на этихъ дорогахъ — было что-то фантастическое въ томъ, что фантастическое стало дѣйствительностью.

Онъ ужъ не былъ больше, какъ въ дѣтствѣ, властелиномъ созданныхъ мечтами странъ, нѣтъ, онъ былъ просто одинъ изъ толпы, человѣкъ въ толпѣ, солдатъ идеи, піонеръ новаго. У него былъ въ рукѣ мечъ, и знамя передъ нимъ.

Какое чудное это было и богатое обѣщаніями время. Странно было слышать неясный, тайный шепотъ своей души звучащимъ въ воздухѣ дѣйствительности, какъ дикій крикъ призывающаго рога, какъ ударъ палицы о стѣны храма, какъ свистъ Давидовыхъ камней, летящихъ въ черепъ Голіафа, какъ трубный звукъ, возвѣщающій по-

бѣду. Онъ какъ бы слышалъ самого себя, на чужомъ языкѣ, съ чужою силой и чужою ясностью говорящимъ о своемъ, сокрытомъ въ глубинѣ души.

Не только съ устъ единомышленниковъ звучало новое евангеліе свободы и совершенства: нѣтъ, и старые люди съ извѣстными именами обращались къ новому, пышнѣе чѣмъ молодежь говоря о немъ и торжественнѣй воспринимая его; съ ними были авторитеты прошлыхъ вѣковъ, на ихъ сторонѣ была исторія, всемірная исторія, исторія человѣческаго духа, одиссея мысли. Въ молодости эти люди волновались такъ же, какъ и теперешняя молодежь, охваченные тѣмъ же воодушевленіемъ; но услышавъ въ отвѣтъ на свой призывъ то, что слышно на призывъ въ пустынь — что они одни — они умолкли. Но молодые запомнили не ихъ молчаніе, а ихъ призывъ и увѣнчали ихъ лавровыми вѣнками и терновыми вѣнцами, счастливые возможностью свободно восторгаться. А тѣ, кѣмъ восторгались, не отвергали поздней благодарности, но съ наивной вѣрой воздѣвали на себя вѣнцы, видя въ себѣ великихъ творцовъ жизни, и продолжали воспѣвать то, что быть можетъ было наименѣе героично въ ихъ прошломъ, и снова горячо кричало о своихъ старыхъ убѣжденіяхъ, не охлажденныхъ неудачами.

.

Родные Нильса Люне въ Копенгагенѣ, особенно же семья стараго статскаго совѣтника, не были довольны тѣмъ обществомъ, которое избралъ себѣ молодой студентъ. Не столько ихъ беспокоили новыя идеи, сколько то, что нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей полагали, что идеямъ много способствуютъ длинные волосы, высокіе сапоги и вообще небрежность; и хотя Нильсъ въ этомъ отношеніи не былъ большимъ фанатикомъ, но все-таки его роднымъ было непріятно встрѣчаться съ нимъ, и еще непріятнѣе было то, что ихъ знакомые встрѣчали его въ сопровожденіи такихъ юношей. Но все это было пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ часто бывалъ у фру Бойе, и ходилъ съ нею и ея блѣдной племянницей въ театръ.

О фру Бойе нельзя было сказать что-либо дурное въ опредѣленномъ смыслѣ.

Но о ней говорили.

Во многихъ отношеніяхъ.

Она была урожденная Коннерогъ, а родъ Коннероговъ былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ и благородныхъ во всемъ городѣ. Но порвала съ родными. Говорили — изъ-за развратника брата, сосланнаго въ колоніи. Знали — что разрывъ былъ полный. Шептали — что старикъ Коннерогъ проклялъ ее, послѣ чего съ нимъ и былъ сильнѣйшій припадокъ астмы.

Все это случилось послѣ того, какъ она овдовѣла.

Бойе, ея мужъ, былъ аптекаръ, *assessor farmaciae* и кавалеръ ордена Данеброга. Онъ умеръ шестидесяти лѣтъ, накопивъ полторы тонны золота. Повидимому, они жили согласно. Первые три года старѣющій мужъ былъ въ нее влюбленъ; потомъ каждый сталъ жить самъ для себя: онъ—своимъ садомъ и заботами о сохраненіи своей репутаціи въ мужскомъ обществѣ, она—театромъ, романсами и нѣмецкой поэзіей.

Потомъ онъ умеръ.

Когда окончился трауръ, вдова уѣхала въ Италію и пробыла тамъ нѣсколько лѣтъ, больше всего въ Римѣ. Совершенная неправда, что она курила опиумъ въ какомъ-то французскомъ клубѣ или что она, какъ Паулина Боргезе, сдѣлала себѣ свою статую; и русскій князекъ, застрѣлившійся въ Неаполѣ, застрѣлился вовсе не изъ-за нея.

Но правда, что нѣмецкіе художники не уставали задавать ей серенады и что она въ одно прекрасное утро, одѣвшись дѣвушкой изъ Альбано, сѣла на лѣстницѣ церкви на *Via Sistina* и нанялась позировать пріѣзжему художнику объ руку съ маленькимъ смуглымъ мальчикомъ и съ кувшиномъ на головѣ. По крайней мѣрѣ такая картина висѣла у нея.

Возвращаясь изъ Италіи, она встрѣтилась со своимъ соотечественникомъ, извѣстнымъ талантливымъ критикомъ, которому скорѣе надо было быть поэтомъ. Говорили про него, что онъ слишкомъ скептикъ и черезчуръ остеръ умомъ, и упрекали въ безжалостно жестокихъ нападкахъ на своихъ ближнихъ, хотя онъ и считалъ эту жестокость справедливой, такъ какъ не щадилъ и себя самого. Но онъ былъ вовсе не такимъ, какимъ его представляли себѣ люди. Онъ не былъ ни настолько цѣльнымъ, ни настолько послѣдовательнымъ, какъ это казалось; хотя онъ и воевалъ съ идеалистическимъ направлениемъ того времени и всячески порицалъ его, но все-таки питалъ больше симпатіи ко всему мечтательному, къ голубому цвѣтку романтизма, чѣмъ къ тому земному, которое онъ защищалъ и исповѣдывалъ.

Противорѣча самому себѣ, онъ полюбилъ фру Бойе, но не говорилъ ей ничего: то не была молодая, открытая и полная надеждъ любовь. Онъ полюбилъ въ ней существо болѣе тонкой и болѣе счастливой породы, чѣмъ онъ самъ, и потому въ его любви была и ненависть и ожесточеніе инстинкта противъ того, что составляло ея породу.

Враждебнымъ и ревнивымъ взоромъ онъ наблюдалъ ея симпатіи и мнѣнія, ея вкусъ и міропониманіе, и всѣмъ своимъ оружіемъ -- тонкимъ

краснорѣчіемъ, неумолимой логичностью, грубой авторитетностью и сострадающей насмѣшкой— завоевалъ ее себѣ и подчинилъ своимъ взглядамъ. Но когда дѣйствительность побѣдила, и такой же, какъ и онъ, стала она, онъ увидалъ, что слишкомъ много завоевано, что онъ любилъ ее со всѣми ея иллюзіями и предразсудками, мечтами и заблужденіями, а не такой, какой она стала теперь.

Недовольный самимъ собой и ею и всѣмъ, что могъ онъ взять отъ родины, отправился онъ путешествовать — и не возвратился.

Естественно, изъ этой связи люди многое могли извлечь, что они и сдѣлали. Статская совѣтница заговорила объ этомъ съ Нильсомъ, какъ обыкновенно говорить застарѣлая добродѣтель о заблужденіяхъ молодости, но Нильсъ такъ принялъ ея слова, — что статская совѣтница и оскорбилась и испугалась: онъ громко заговорилъ о тиранніи общества, о свободѣ личности, о рабской честности толпы и благородствѣ страсти.

Съ этого дня онъ сталъ рѣдко бывать у своихъ заботливыхъ родственниковъ, но тѣмъ чаще стала видѣть его фру Бойе.

VII.

Быль весенній вечеръ, солнце освѣщало комнату краснымъ свѣтомъ, готовое закатиться. Крылья вѣтряной мельницы, стоявшей тамъ, на валу, бросали тѣни на окна и стѣны комнаты, набѣгая, исчезая, въ однообразной смѣнѣ свѣта и мрака: мигъ — тѣни, еще мигъ — свѣта.

Нильсъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ сквозь рыжіе вязы вала на пожаръ въ облакахъ. Передъ тѣмъ онъ былъ за городомъ, гдѣ распускались буки, зеленѣли поля ржи, и лужайки пестрѣли цвѣтами. Все было такъ свѣтло и воздушно, небо такое синее, Зундъ такой блестящій и дамы на прогулкѣ такъ удивительно-прекрасны. Съ пѣсней прошелъ онъ вдоль лѣсной дорожки, но понемногу въ пѣснѣ исчезли слова, потомъ замеръ ритмъ, и вотъ всѣ звуки умерли, и молчаніе сошло на него, какъ тихій сонъ. Онъ закрылъ глаза, все еще чувствуя, какъ свѣтъ всасывается въ него, струясь по всѣмъ нервамъ, въ то время какъ прохладный и пьянящій воздухъ съ каждымъ вздохомъ все сильнѣе гналъ горячую и бурную кровь по безсильно-дрожащимъ жиламъ; ему казалось, что все зарождающееся, растущее и зацвѣтающее въ весенней природѣ хочетъ слиться въ немъ въ одинъ единственный громогласный призывъ, онъ жаждалъ этого призыва, прислуши-

вался къ нему, и эта жажда ужъ начинала переходить въ неясную тоску.

Теперь, у окна, тоска проснулась въ немъ снова.

Ему хотѣлось вихря зыбкихъ грезъ, образовъ снѣжной нѣжности: — легкихъ красокъ, улетающихъ благоуханій и тихой музыки туго-натянутыхъ серебряныхъ струнъ;—и потомъ тишины—туда бы, въ самое сердце тишины, куда волны воздуха не доносятъ ни звука, гдѣ все стихаетъ въ аломъ пылѣ и вѣчномъ зноѣ огневыхъ благоуханій—до смерти стихаетъ—этого онъ не хотѣлъ, но это вытекало изъ всего другого, и онъ тонулъ, тонулъ, пока, вырвавшись, опять не возвращался къ самому себѣ.

Онъ наскучилъ себѣ, ему наскучили и голыя мысли и разсудочныя мечты. Жизнь не стихи! Нѣтъ, это не то—воображать свою жизнь вмѣсто того, чтобы жить. Какъ безсодержательна она и пуста, пуста, пуста! Всегда охотиться за самимъ собою, выслѣживать собственные слѣды—и все въ одномъ и томъ же кругу; бросаться — для виду—въ пучину жизни, чтобы тотчасъ же опять выуживать себя въ томъ или другомъ смѣшномъ нарядѣ! О если бы все это, — жизнь, любовь, страсть—могло налетѣть на него, чтобы не онъ владѣлъ жизнью, а жизнь имъ овладѣла!

Невольно, онъ сдѣлалъ отстраняющій жестъ

рукой. Онъ все-таки боялся этой властительницы, что зовутъ страстью. Этой бури, которая вихремъ развѣетъ все твердое, установившееся, выработанное въ человѣкѣ, какъ осенніе листья! Онъ не любилъ этого пылающаго пламени, пожирающаго себя своимъ же дымомъ,—нѣтъ—онъ хотѣлъ медленно горѣть.

И все-таки такъ жалка была эта жизнь въ половину силъ, въ тихой водѣ съ берегами на виду—о, если бы буря! Если бъ знать, когда! Онъ хотѣлъ плыть на всѣхъ парусахъ въ таинственное море жизни. Прощайте, вы, медленно текущіе дни, прощайте, короткія мгновенія счастья, и вы прощайте, томныя настроенія, которыя нуждаются въ поэтической отдѣлкѣ для того, чтобы засіять, и вы, безразличныя чувства, облеченныя въ горячія мечты и все-таки коченѣющія до смерти—я покидаю васъ! Я плыву къ берегу, гдѣ чувства, какъ дикій хмель, обвиваютъ все сердце—вотъ дремучій лѣсъ; на каждый увядающій побѣгъ двадцать цвѣтущихъ, на каждый цвѣтущій сто расцвѣтающихъ. О, если бы я былъ тамъ!

Онъ усталъ отъ тоски, онъ самъ себя надолѣлъ, ему нужно было общество. Но Эрика, конечно, нѣтъ дома, съ Фритіофомъ онъ видѣлся утромъ, а итти въ театръ слишкомъ поздно.

Все-таки онъ вышелъ изъ дому и сталъ угрюмо блуждать по улицамъ.

Можетъ быть, фру Бойе дома? Сегодня нѣтъ пріема, и уже довольно поздно.

Попытаться развѣ?

Фру Бойе была дома.

Она была одна дома. Она слишкомъ устала отъ весенняго воздуха, чтобы итти съ племянницей на званый обѣдъ, и предпочла лежать на диванѣ, пить крѣпкій чай и читать Гейне, но теперь стихи ей надоѣли и захотѣлось играть въ лото.

Они стали играть въ лото.

„Пятнадцать, двадцать, семьдесятъ семь“... длинный рядъ чиселъ, стукъ деревяшекъ въ мѣшкѣ, и раздражающее катанье шаровъ по полу въ квартирѣ надъ ними.

—Это скучно, — сказала фру Бойе, когда уже довольно долго не выходили ихъ номера.

—Конечно скучно, — отвѣтила она сама себѣ и недовольно покачала головой. Но во что же еще играть?

Она сложила руки передъ собой подъ деревяшками и посмотрѣла на Нильса безнадежнымъ вопросительнымъ взоромъ.

Нильсъ дѣйствительно не могъ ничего придумать.

—Только не музыки.

Она склонила лицо на руки, и коснулась пальцевъ губами, притрогиваясь къ косточкѣ за косточкой, весь рядъ туда и обратно.

— Самое несносное существованіе, какое только можетъ быть!—сказала она и подняла глаза.— Нѣтъ возможности испытать что-либо, хотя бы сколько-нибудь значительное, а ничтожными подачками жизни не стоитъ жить. Вы не чувствуете этого?

— Чувствую. Но сейчасъ не могу придумать ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру халифа въ Тысячѣ и одной ночи. Если вы къ вашему шелковому халату обернете голову бѣлымъ платкомъ, а я возьму вашу индійскую шаль, то мы отлично сойдемъ за двухъ купцовъ изъ Мессулы.

— И что мы будемъ дѣлать, несчастные купцы?

— Спустимся къ подъемному мосту, наймемъ лодку за двадцать червонцевъ и поплывемъ на парусахъ по темной рѣкѣ.

— Мимо ящиковъ съ пескомъ?

— Да. А на мачтахъ будутъ цвѣтные фонарики.

— Какъ я знаю весь этотъ ходъ мыслей! Это такъ похоже на мужчинъ, сейчасъ же заняться декорацией и позировкой и за внѣшностью забыть главное. Вы не замѣчали, что мы, женщины, гораздо меньше фантазируемъ, чѣмъ мужчины? Мы не можемъ предвосхищать наслажденія воображеніемъ или утѣхами фантазіи отгонять тоску. Что есть, то есть—фантазіи!—это такъ плачевно мало.

— Да, начиная старѣть, какъ я, иногда довольствуешься жалкой комедіей фантазіи. Но не нужно никогда бы это дѣлать, никогда!

Она удобнѣй сѣла на диванъ и полупежа, полусидя, оперлась подбородкомъ на руку, облокотясь на подушки дивана.

Ея взоръ мечтательно блуждалъ по комнатѣ, и она, казалось, забылась въ печальныхъ мысляхъ.

Нильсъ также молчалъ. Стало совсѣмъ тихо. Было слышно безостановочное прыганье канарейки съ одной жердочки на другую; тиканье столовыхъ часовъ становилось все слышнѣе и слышнѣе; вдругъ одна струна въ открытомъ роялѣ коротко дрогнула и зазвучала продолжительнымъ, тихо замирающимъ звукомъ вмѣстѣ со своеобразнымъ звучаньемъ тишины.

Она казалась такой молодой въ мягкомъ желтоватомъ свѣтѣ лампы, который освѣщаль ее съ головы до ногъ, и чарующее соотвѣтствіе было между прекрасной, сильно развитой шеей, солидною наколкой à la Шарлотта-Корде, и дѣтски-невинными глазами и открытымъ ртомъ съ бѣлыми, какъ молоко, зубами.

Нильсъ смотрѣлъ на нее, восхищенный.

— Какъ странно тосковать по самой себѣ,— сказала она медленно, отрываясь отъ мечтаній и взоромъ своимъ возвращаясь къ дѣйствительности.—Какъ часто, часто я тоскую по себѣ преж-

ней, когда я была молодой дѣвушкой; я люблю ту дѣвушку, какъ близкое мнѣ существо, съ которымъ я дѣлила все, и жизнь, и счастье, и которое я потеряла, не въ силахъ какъ-нибудь предотвратить утрату. Прекрасное то было время. Вы и не подозреваете, сколько чистоты и нѣжности въ жизни дѣвушки до первой любви. Быть можетъ, это выразимо только звуками. Представьте себѣ праздникъ, праздникъ въ замкѣ фей, гдѣ воздухъ блещетъ, какъ розовое серебро. Онъ весь въ цвѣтахъ, и цвѣты мѣняютъ свою окраску, медленно мѣняются другъ съ другомъ красками; все тамъ звучитъ, ликуя, но тихо-тихо; предчувствія, расцвѣтая, сіяютъ, какъ мистическое вино въ тонкомъ-тонкомъ хрусталѣ мечты; и все звучитъ и благоухаетъ; безчисленные ароматы наполняютъ замокъ; я готова плакать, когда объ этомъ думаю, когда я думаю о томъ, что эта жизнь не выдержала бы меня уже, если бы я какимъ-нибудь чудомъ могла снова вернуться къ ней,—я провалилась бы, какъ корова, дерзнувшая потанцевать на паутинѣ.

— Нѣтъ, ничуть!—сказалъ Нильсъ съ жаромъ, и его голосъ задрожалъ, какъ въ гнѣвѣ;—нѣтъ, вы могли бы гораздо тоньше и одухотвореннѣе любить, чѣмъ молодая дѣвушка.

— Одухотворенно! Какъ ненавижу я эту одухотворенную любовь! Только искусственные цвѣты

вырастаютъ на землѣ такой любви; да и они не
вырастаютъ, а ихъ берутъ изъ головы и пере-
носятъ въ сердце, потому что само оно не имѣетъ
цвѣтовъ. Какъ разъ этому-то я и завидую въ
молодой дѣвушкѣ, что въ ней нѣтъ ничего искус-
ственного, что ей не нужно приправы фантазіи
въ вино ея любви. Не думайте, что ей потому
дороже образы фантазіи, чѣмъ земля, по которой
она ходитъ, что ея любовь проникнута этими
образами, роскошными и неясными; нѣтъ, это
происходитъ только оттого, что всѣ ея чувства
и инстинкты, все ея существо тянется къ любви,
и ищетъ ее всюду, всюду, безъ устали. Отсюда
вовсе не слѣдуетъ, что дѣвушка наслаждается
фантазіей, нѣтъ, она такъ близка къ дѣйстви-
тельности, что даже въ своемъ невѣдѣніи дѣлается
невинно-циничною. Вы, напримѣръ, не подозрѣ-
ваете, какое опьяняющее наслажденіе для молодой
дѣвушки тайкомъ вдыхать запахъ сигары, остав-
шейся въ одеждѣ ея любимаго—вѣдь это въ ты-
сячу разъ ярче цѣлаго пожара фантазіи. Фанта-
зію я презираю. Всѣмъ сердцемъ жаждать сердца
другого и получить доступъ только въ холодную
переднюю фантазіи! Какъ часто это бываетъ!
Какъ часто мы должны мириться съ тѣмъ, что
тотъ, кто любить насъ, разукрашиваетъ насъ
своей фантазіей, окружаетъ нашу голову сіяніемъ,
привязываетъ намъ за плечами крылья, облачаетъ

въ звѣздную одежду и только въ этомъ маскарадномъ костюмѣ считаетъ насъ достойными своей любви, когда никто не можетъ въ немъ быть самимъ собой, мучаетъ насъ, бросаясь передъ нами въ прахъ, и обожаетъ насъ вмѣсто того, чтобы брать такими, какъ мы есть, и любить просто.

Нильсъ совершенно былъ смущенъ. Онъ поднялъ ея платокъ, упавшій на полъ, и пьянѣлъ, вдыхая его духи. Онъ совсѣмъ не ждалъ, чтобы она смотрѣла на него такъ нетерпѣливо-вопросительно, именно теперь, когда онъ отдался созерцанію ея руки; но все-таки онъ смогъ отвѣтить, что, по его мнѣнію, величайшимъ доказательствомъ любви мужчины служить именно его стремленіе обожествлять любимое, такъ какъ этимъ онъ желаетъ оградить свою несказанную любовь отъ самого себя.

— Вотъ въ этомъ-то и заключается все униженіе, — сказала фру Бойе: — мы вѣдь достаточно божественны такія, какъ мы есть.

Нильсъ предупредительно улыбнулся.

— Нѣтъ, вы не смѣйте улыбаться. Это вовсе не шутка. Напротивъ, это очень серьезно, вѣдь это обожествленіе деспотично въ самомъ корнѣ; насъ хотятъ втиснуть въ идеаль мужины. Искоренить въ насъ все, что несогласно съ его идеальными представленіями, вытравить; нельзя подавить, такъ заглушить, лишить возможности развиваться,

пренебречь, не обращать вниманія; а то, чего въ насъ нѣтъ, что намъ несвойственно, вызвать къ жизни, поднять на облака, приписать намъ, поставить краеугольнымъ камнемъ любви. Я называю это насиліемъ надъ природой нашей. Я называю это дрессировкой. Любовь мужчины дрессируетъ. И мы поддаемся, поддаются вмѣстѣ съ другими даже тѣ изъ насъ, кого никто не любитъ. Такія мы презрѣнныя и слабыя.

Она поднялась на диванѣ и взглянула на Нильса, какъ бы грозя чѣмъ-то.

— Если бъ я была прекрасна, опьяняюще прекрасна, прекраснѣе, чѣмъ всѣ жившія когда-либо женщины, чтобъ всѣхъ увидѣвшихъ меня охватывала неисцѣлимая любовь, словно околдовывая,—о, я заставила тогда бы силой красоты своей обожать не безкровный идеаль, а *меня*, какъ я хожу, стою, всю меня, все существо *мое* и всю природу *мою*.

Она теперь совсѣмъ поднялась. Нильсъ думалъ о томъ, что пора уходить; онъ стоялъ и не находилъ словъ для смѣлыхъ мыслей. Наконецъ, набрался храбрости, схватилъ ея руку и поцѣловалъ; но она сама протянула ему и другую руку; онъ могъ только вымолвить: „спокойной ночи“.

Нильсъ Люне полюбилъ фру Бойе и былъ счастливъ этимъ.

Когда онъ возвращался домой по тѣмъ же переулкамъ, по которымъ раньше вечеромъ ходилъ онъ, мрачный, ему казалось, что много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ проходилъ. Въ его походкѣ и движеніяхъ явилась нѣкоторая увѣренность и твердость; и когда онъ аккуратно застегивалъ свои перчатки, онъ чувствовалъ, что въ немъ произошла большая переменна, которая и заставляетъ его застегивать перчатки—аккуратно.

Мысли не дали бы ему заснуть, и онъ пошелъ на валь.

Онъ думалъ такъ удивительно спокойно—какъ ему казалось—и удивлялся этому спокойствію, но не совсѣмъ ему вѣриль; ему казалось, что въ самой глубинѣ его непрестанно кипѣло что-то, подымалось, бродило и несло впередъ, но гдѣ-то далеко-далеко. Онъ будто ждалъ чего-то издалека. Какой-то музыки, которая звуча, звеня, шумя, должна притти къ нему, приникнуть звонкимъ вихремъ и унести его—не зналъ онъ какъ, не зналъ куда—нахлынуть какъ потокъ, разбиться какъ прибой, а потомъ...

Но теперь все стихло—только этотъ трепетный напѣвъ вдали, все остальное было миръ и ясность.

Онъ любилъ. Онъ кричалъ себѣ, что любилъ. Много разъ. И въ звукахъ этихъ словъ такъ много

было достоинства, такъ много они значили. Они значили, что онъ уже не плѣнникъ фантазій дѣтства, не игрушка безцѣльныхъ стремленій и туманныхъ мечтаній; что онъ убѣждалъ изъ міра эльфовъ, который выросъ вмѣстѣ съ нимъ и вокругъ него, который держалъ его сотней рукъ и закрывалъ ему глаза сотней ладоней. Онъ вырвался изъ этихъ цѣпей и нашелъ самого себя; и хотя прежній міръ еще манилъ его нѣмымъ взоромъ и бѣлыми одеждами, протягивая къ нему руки, но сила его умерла—мечта, убитая дневнымъ свѣтомъ, туманъ, разсѣянный солнцемъ. Развѣ его молодая любовь не была дневнымъ свѣтомъ, солнцемъ, развѣ не была она всѣмъ міромъ! Развѣ онъ не облакался прежде съ гордостью въ пурпуръ, котораго никто не ткалъ, развѣ онъ не возсѣдалъ величаво на тронѣ, котораго никто не воздвигалъ? Теперь же онъ стоялъ высоко на горѣ и окидывалъ взоромъ широкія равнины земли, пѣвучій міръ, въ которомъ онъ еще не жилъ, въ которомъ его не знали и не ждали. Это была ликующая мысль, что еще ни разу его дыханіе не шелохнуло ни одного листочка во всей этой безконечной широтѣ и не всколыхнуло въ ней ни одной волны! Все это было впереди. Онъ зналъ, что можетъ это сдѣлать; онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ и чувствовалъ свои силы, какъ чувствуетъ ихъ тотъ, кто носить въ груди свои пѣсни еще неспѣтыми

Мягкій весенній воздухъ былъ полонъ ароматовъ; не насыщенъ ими, какъ лѣтняя ночь, но будто пронизанъ ими: прянымъ смолистымъ запахомъ молодыхъ тополей, свѣжимъ дыханьемъ позднихъ фіалокъ, сладкимъ миндальнымъ запахомъ черемухи—и все это то смѣшивалось, то раздѣлялось, подымалось въ одно мгновенье и быстро исчезало, или медленно таяло въ ночномъ воздухѣ. И какъ тѣни этихъ благоуханій, въ его умѣ проносились причудливые хоробы настроеній. И такъ какъ благоуханія окружали его шаловливо, приходили и уходили, какъ хотѣли, то напрасно душа хотѣла унести на зыбкихъ крыльяхъ одного настроенія—то не были птицы съ крыльями, которыя могли бы унести, а только прилетающія и улетающія перья, которыя гнали вѣтеръ передъ собой. Онъ старался представить себѣ, какъ она лежала на диванѣ и разговаривала съ нимъ; но это ему не удавалось; онъ видѣлъ, какъ она сидитъ въ дали аллеи, въ шляпѣ, за чтеніемъ, держа бѣлую страницу своими пальцами въ перчаткахъ и собираясь ее перевернуть; онъ видѣлъ, какъ она садится въ карету вечеромъ послѣ театра и киваетъ ему сквозь стекло; карета отъѣзжаетъ; онъ не отрываясь слѣдитъ за ней глазами; равнодушныя лица идутъ на встрѣчу, заговариваютъ съ нимъ; лица, которыхъ онъ не видалъ годами, идутъ по улицѣ, оборачиваются на

него, смотрятъ, но карета все еще ѣдетъ, онъ не можетъ оторваться отъ кареты и ничего кромѣ нея не видитъ... И только тогда, когда онъ отъ нетерпѣнія сталъ совсѣмъ нервнымъ, желанное видѣніе пришло: желтоватый свѣтъ, глаза, ротъ, рука у подбородка, такъ отчетливо и ясно, какъ будто онъ видѣлъ все это въ темнотѣ передъ собой. Какъ все-таки она была прекрасна, какъ обаятельна и какъ чиста! Онъ любилъ ее, и полный желаній, какъ нищій, молилъ ее отдать ему всю опьяняющую ея красоту. Сойди со своего трона внизъ ко мнѣ! Сдѣлайся рабой моей, сама возложи себѣ на шею цѣпи рабства; но не въ игрѣ только хочу я потянуть за эту цѣпь, пусть покорность вправду разольется по всему тѣлу твоему и глаза твои проникнетъ духъ рабства... Ахъ, если бы я могъ привлечь тебя къ себѣ какимъ-нибудь любовнымъ напиткомъ; нѣтъ, не надо любовнаго напитка, вѣдь онъ принудилъ бы тебя, а ты должна сама, безъ всякихъ принужденій, стать покорной; я одинъ хочу тебѣ быть господиномъ, я возьму твою волю—вотъ она лежитъ въ твоихъ смиренно простертыхъ рукахъ. Ты должна быть моей госпожей, а я твоимъ рабомъ, но рабская моя нога должна стоять на гордомъ затылкѣ госпожи. Не безумство—мой желанія, потому что если женская любовь не въ томъ, чтобы подчиниться, будучи сильной, то она въ

томъ, чтобы властвовать, будучи слабой—я знаю это.

Онъ чувствовалъ, что никогда то пышное, цвѣтущее и нѣжно чувственное, что было въ ней, не обовьетъ его этими ослѣпительными руками—руками Юноны—и никогда, никогда не отдастъ она, ослабѣвъ отъ любви, свой дышащій сладострастіемъ затылокъ во власть его поцѣлуевъ. Онъ могъ достигнуть того, что было въ ней дѣвческаго, уже достигнулъ, и она, роскошная и прекрасная, почувала—онъ зналъ это навѣрно—какъ умершая молодая красота таинственно поднялась въ живой могилѣ, чтобы обнять его тонкими дѣвичьими руками и робко прильнуть къ его губамъ боязливымъ дѣвичьимъ поцѣлуемъ. Но не того ждала его любовь. Онъ любилъ въ ней недостижимое, любилъ вотъ этотъ затылокъ, такой теплый и свѣжій на видъ, съ золотистымъ отблескомъ подъ темными волосами. Онъ застоялъ отъ страсти и, заломивъ руки, въ мучительномъ безсиліи обвилъ ими стволъ дерева и заплакалъ, приникая лицомъ къ твердой корѣ.

VIII.

Въ Нильсѣ Люне была какая-то обезсиливающая его разсудочность, порожденіе инстинктивнаго

отвращенія ко всякому риску и полусознаваемаго чувства недостатка личности; съ этой разсудочностью онъ находился въ постоянной борьбѣ, то ополчаясь на нее и кляня ее всякими словами, то облакаясь ею, какъ добродѣтелью, будто бы самой существенной для него и помогшей стать ему тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Но чѣмъ бы онъ ее ни считалъ и какъ бы къ ней ни относился, всегда онъ ненавидѣлъ ее, какъ нѣкоторую слабость, хотя и скрываемую ловко отъ другихъ, но явную для самого себя, несомнѣнно существующую въ минуты полного одиночества и унижительную; и какъ ему было не завидовать въ такія минуты безсознательному легкомыслію, которое легко даетъ обѣщанія и совершаетъ поступки, влекущіе за собой послѣдствія, непредвидимыя до самаго ихъ наступленія. Люди такого склада казались ему кентаврами,—всадникъ и конь, слитые вмѣстѣ, мысль бѣжать и бѣгъ которыхъ—одно и то же; а въ немъ всадникъ былъ отдѣленъ отъ коня, мысль была одно, а бѣгъ совсѣмъ другое.

Когда онъ представлялъ себѣ, какъ будетъ признаваться въ любви фру Бойе—онъ непремѣнно долженъ былъ все себѣ представить—то онъ совершенно отчетливо видѣлъ всю эту картину: и взятую имъ позу, и каждое свое движеніе, всего себя и спереди и сзади и сбоку, ясно

видѣль, какимъ онъ будетъ неувѣреннымъ, изъ-за своей лихорадки, ослабляющей его всегда, когда надо дѣйствовать, лишаящей его присутствія духа, благодаря чему онъ принималъ отвѣтъ, какъ ударъ подъ колѣнки, а не какъ принимаетъ его мячъ, легко отбрасываемый и также легко возвращающійся.

Онъ обдумывалъ, какъ онъ скажетъ это или напишетъ, но просто высказаться ему не приходило въ голову. Онъ ни разу не представилъ себѣ своего объясненія иначе, какъ въ самой иносказательной формѣ или въ видѣ полуискусственного потока страстныхъ словъ, которому онъ будто бы далъ себя увлечь. Но несмотря на все это, между ними мало-по-малу завязывались отношенія, странныя отношенія, созданныя молчаливою любовью мечтающаго юноши и желаніемъ женщины быть любимой, оставаясь романически-неприступной; эти отношенія нашли себѣ форму въ сказкѣ, сложившейся у нихъ—они сами не знали, какъ—въ тихой, блѣдной сказкѣ о прекрасной женщинѣ, любившей въ молодости своей кого-то Великаго духомъ, умершаго въ чужой и дальней сторонѣ забытымъ и покинутымъ; и много лѣтъ тосковала красавица, и никто не зналъ о ея тоскѣ, и только святое одиночество могло созерцать ея горе; и вотъ явился юноша, назвавшій Великаго своимъ учителемъ; онъ былъ преисполненъ имъ и горѣлъ

желаньемъ послужить учителю; и онъ полюбилъ печальную красавицу; а для нея какъ будто встали изъ могилы умершіе дни счастья, прошлое и будущее таинственно соединились въ сегодняшней уже сверкающей и расцвѣтающей мечтѣ; она полюбила юношу наполовину какъ его самого, наполовину какъ тѣнь другого, и половину отдала ему души своей; но тихимъ-тихимъ долженъ быть юноша, чтобъ не вспугнуть мечты, и твердо долженъ заглушать земную страсть, чтобъ не развѣять сладостной зари и не отдать опять красавицу ея печали.

Подъ защитой этой сказки связь ихъ крѣпла. Они говорили другъ другу ты и звали именами— Нильсъ и Тэма, когда были одни; присутствіе племянницы, насколько можно, было ограничено. Нильсъ стремился хоть гдѣ-нибудь прорвать плотину, но фру Бойе была настолько сильнѣе его, что легко укрощала его порывы, и скоро онъ опять бывалъ счастливъ одной любовной сказкой. Эта связь не переходила въ платоническую пошлость и не вела къ покою однообразныхъ отношений, создаваемыхъ привычкой. О покоѣ вообще не могло быть рѣчи. Надежды Нильса Луне были неутомимы; и такъ какъ всѣ попытки ихъ осуществленія нѣжно отклонялись, то въ скрытомъ видѣ онъ горѣли еще ярче. Кокетство фру Бойе, ея восхитительная наивность, нагое муже-

ство, съ которымъ она подходила къ самымъ труднымъ темамъ, питали ихъ постоянно. Къ тому жъ игра была не совсѣмъ въ ея рукахъ: иногда случалось такъ, что кровь ея въ минуту нѣги грезилла о томъ, чтобъ вознаградить эту наполовину укрощенную любовь, быть щедрой и отдать себя во власть любовныхъ чаръ, чтобъ можно было удивиться собственному счастью. И эти грезы не легко бывало гнать. Когда же въ такую минуту приходилъ Нильсъ, ее охватывало чувство грѣшности своей, смиренное сознание своей вины, и такая въ ней являлась плѣнительная стыдливость, что самый воздухъ тяжелѣлъ любовью.

Было еще одно, что сообщало ихъ отношеніямъ особенную силу: любовь Нильса Люне была достаточно мужественна для того, чтобъ рыцарски отказывать мечтамъ своимъ въ томъ, чего не давала чувствительность; и въ томъ иномъ мірѣ, гдѣ все было послушно его волѣ, фру Бойе воздавалось не меньше чести, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ эти отношенія хорошо охранялись съ обѣихъ сторонъ, и никакой имъ не грозило опасности. Они какъ будто были созданы для такой мечтательной и въ то же время жаждущей жизни натуры, каковъ былъ Нильсъ Люне, и если это была игра, то игра настоящая, дающая почву для развитія его страстной души.

Это и было нужно ему.

Нильсъ Люне долженъ былъ стать поэтомъ. Во внѣшнихъ условіяхъ его жизни было достаточно того, что могло бы его вести по этой дорогѣ и что могло бы обратить его силы въ эту сторону; но до сихъ поръ онъ почти не имѣлъ жизненнаго опыта, а только мечты; а отъ однихъ мечтаній поэтомъ стать нельзя; нѣтъ ничего однообразнѣе мечтаній; ихъ область кажется безграничной, безпрестанно измѣняющейся, а въ дѣйствительности мечты всегда идутъ нѣсколькими вѣрными дорогами и никогда не сходятъ съ нихъ. Люди могутъ быть различны, но не ихъ мечты. Никто никогда не познавалъ самого себя въ мечтахъ, потому что мечты ничего не знаютъ о томъ, какъ добывается желанное, какъ съ нимъ расстаются, когда оно уходитъ, какъ имъ живутъ, когда оно тутъ, какой дорогой идутъ къ нему и какъ оплакиваютъ его утрату.

Поэтому-то и Нильсъ Люне до сихъ поръ писалъ стихи только такіе, гдѣ говорилось, что весной распускаются почки и вздуваются воды, что море огромно, любовь—счастье, а смерть—несчастье. Дальше этого дѣло не шло: онъ только складывалъ стихи. Но теперь возникало что-то совсѣмъ другое. Теперь, когда онъ жаждалъ любви женщины, жаждалъ, чтобъ она полюбила его, Нильса Люне, изъ Лѣнборгора, 23 лѣтъ, его,

который держался нѣсколько согнувшись, имѣлъ красивыя руки и маленькія уши и былъ робокъ, его, а не идеализированнаго Николау съ гордой осанкой, увѣренными манерами и болѣе солиднаго; теперь онъ живо интересовался этимъ Нильсомъ, съ которымъ онъ обращался какъ съ невыскательнымъ пріателемъ. Слишкомъ долго былъ онъ занятъ заботами объ украшеніи себя тѣмъ, чего ему недоставало, разглядываніемъ того, что въ немъ было; но теперь онъ принялся со страстностью піонера возсоздавать себя самого по дѣтскимъ воспоминаніямъ, по дѣтскимъ впечатлѣніямъ, руководствуясь тѣмъ, что было въ немъ теперь живого; и съ радостнымъ изумленіемъ онъ видѣлъ, какъ все слагалось въ одно гармоническое цѣлое, и какъ рождалась совершенно другая личность, чѣмъ та, за которой онъ гонялся въ мечтахъ своихъ. Совершенно по другому сильная и энергичная. Въ ней не было ничего мертвенно-идеальнаго; удивительные, неподозрѣваемые оттѣнки безконечно измѣнчивой жизни отражались въ ней. Великій Боже! У него были силы, приложимыя къ жизни въ такомъ видѣ, какъ онѣ были; онъ былъ Аладиномъ; онъ ничего не добылъ прямо съ облаковъ, но все само упало ему на тюрбанъ.

И теперь началось счастливое время для Нильса, когда могучая центробѣжная сила раз-

витія вынесла впередъ все радостное, что было въ его природѣ, оставивъ за собою мертвое, время, когда все растеть, когда въ избыткѣ силы плечи упрутся въ горы, готовые ихъ сдвинуть, если будетъ нужно, когда смѣло строится вавилонская башня, которая должна была бы достигнуть неба, но которая рухнетъ, и на развалинахъ ея оставшаяся жизнь будетъ строить свои причудливыя башенки и вышки.

Все будто измѣнилось; его природа, способности, работа, одно за другимъ, цѣпляясь, какъ колеса машины; уже нельзя было остановить себя, отдаться искусству, потому что все отбрасывалось, какъ только созрѣвало; во-время работы онъ переросталъ ее; это были лишь ступени, ведущія его вверхъ къ цѣли, которая постоянно удалялась; дороги, оставшіяся сзади, забывались, когда на нихъ еще звучали его шаги.

Но по мѣрѣ того, какъ новыя силы и новыя мысли вели его къ большей зрѣлости и высотѣ, онъ все болѣе и болѣе удалялся отъ людей; друзья одинъ за другимъ терялись; онъ ужъ не имѣлъ къ нимъ прежняго интереса, и день-отодня ему становилось труднѣе дѣлать разницу между этими передовыми людьми и большинствомъ, противъ котораго они боролись. Для него все сливалось въ одну враждебную ему и скучную массу. Да и что это было, когда они писали,

призывая къ борьбѣ! Пессимистическія стихотворенія о томъ, что псы вѣрнѣй людей, или что каторжники часто честнѣе ходящихъ на свободѣ; краснорѣчивыя оды о превосходствѣ зеленого лѣса и рыжаго поля надъ пыльными городами; рассказы о мужицкихъ добродѣтеляхъ и о порокахъ богачей; о силѣ природы и блѣдной немочи цивилизаціи; комедіи о безразсудствѣ старости и высшемъ правѣ молодости. Какъ умѣренны они были въ своихъ произведеніяхъ! Но еще лучше они были въ разговорахъ—внутри четырехъ надежныхъ стѣнъ.

Нѣтъ, когда онъ будетъ готовъ, это будетъ музыка—съ трубами...

Со старыми друзьями тоже было не по прежнему. Особенно съ Фритіофомъ. Онъ именно былъ положительной натурой, съ хорошей головою для системъ и широкою спиною для догматовъ. Онъ много читалъ Гейберга, и принялъ его себѣ за евангеліе, не догадываясь, что систематики очень бываютъ умны, когда строятъ свои системы по своимъ дѣламъ, а не дѣла свои дѣлаютъ на основаніи системъ. Такъ ужъ всегда бываетъ, что молодые люди, попавъ подъ власть какой-нибудь авторитетной системы, легко становятся величайшими догматиками на почвѣ той достойной всякой похвалы любви, которую молодость питаетъ по большей части къ готовымъ положе-

ніямъ, ко всему установленному и абсолютному. И когда такимъ образомъ станешь обладателемъ всей истины, единственной настоящей истины, кажется непростительнымъ хранить ее для одного себя и предоставлять своимъ менѣе счастливымъ ближнимъ блуждать по собственнымъ ихъ ложнымъ путямъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ и поучать, съ любовною безжалостностью отсѣкать ихъ темные порывы, по дружески ихъ прижимать къ стѣнѣ, указывая имъ дорогу, которую они должны избрать, чтобы когда-нибудь, хоть поздно, могли они поблагодарить тебя, стоя искусно выравненной шеренгой, за всѣ твои труды, положенные на нихъ.

Дѣйствительно, Нильсъ часто говорилъ, что онъ ничто такъ не цѣнитъ, какъ критику, но еще выше онъ цѣнилъ восторгъ, и никакъ не могъ привыкнуть къ тому, чтобы Фритіофъ позволялъ себѣ критиковать его, тотъ Фритіофъ, на котораго онъ привыкъ смотрѣть какъ на своего раба, который былъ всегда въ восторгѣ носить ливрею его взглядовъ и убѣжденій. И вотъ онъ уходитъ изъ рабства и хочетъ выступать въ своемъ собственномъ маскарадномъ костюмѣ! Такое желаніе должно было быть убито, и Нильсъ пытался сначала съ преднамѣреннымъ добродушіемъ высмѣять Фритіофа; когда же это не удалось, онъ взялъ своимъ оружіемъ дерзкіе пара-

доксы, насмѣшливо отказываясь ихъ обсуждать, а просто выставляя ихъ во всемъ крикливомъ ихъ безстыдствѣ и отступая въ глумащемся молчаніи.

Такъ они разошлись другъ съ другомъ.

Съ Эрикомъ шло лучше. Въ ихъ мальчишеской дружбѣ всегда лежало что-то задерживающее, нѣкоторая душевная застѣнчивость, и поэтому они избѣжали того черезъ-чуръ близкаго знакомства, которое особенно опасно для дружбы. Въ праздничной залѣ ихъ душъ они вдохновляли другъ друга; въ жилыхъ комнатахъ доврчиво и близко говорили другъ съ другомъ; но никогда не бывали въ спальныхъ, ваннхъ и другихъ отдаленныхъ помѣщеніяхъ жилища ихъ душъ.

И теперь все было по старому; быть можетъ, сдержанность была еще больше, по крайней мѣрѣ, со стороны Нильса Люне, но дружба отъ этого нисколько не страдала; ея краеугольнымъ камнемъ оставалась восхищенность Нильса смѣлостью и силой жизни въ Эрикѣ, его готовностью набрасываться на жизнь и творить ее. Но Нильсъ не могъ скрывать отъ себя, что дружба ихъ была очень односторонняя не потому, чтобы Эрику не хватало истиннаго дружескаго чувства, или чтобы онъ не вѣрилъ въ Нильса. Напротивъ, нельзя было выше думать о Нильсѣ; Эрикъ настолько считалъ себя ниже Нильса по даровитости, что

о критикѣ не могло быть и рѣчи; но одновременно съ этимъ слѣпымъ признаніемъ онъ считалъ также недостижимо далекимъ отъ своихъ горизонтовъ то, надъ чѣмъ Нильсъ работалъ, и чѣмъ были заняты его мысли. Онъ былъ убѣжденъ, что Нильсъ преодолѣетъ все на избранномъ пути, но также былъ онъ убѣжденъ и въ томъ, что его ногамъ никогда не ходить по тому пути, и потому не ступалъ туда. Это было тяжело для Нильса, потому что, хотя идеаль Эрика былъ ему чуждъ, и то, чему Эрикъ искалъ выраженіе въ своемъ искусствѣ—то романтическое, или скорѣе, сентиментально-романтическое—не было ему по душѣ, все таки онъ могъ бы растить въ своей душѣ чувство къ Эрику, слѣдить за его развитіемъ, радоваться съ нимъ, когда онъ шелъ впередъ, и обнадеживать его, когда онъ останавливался.

Въ этомъ отношеніи ихъ дружба была односторонняя, и потому не было ничего удивительнаго въ томъ, что Нильсъ теперь, когда въ немъ встало столько новаго и такъ необходима стала чуткость въ пониманіи, открылъ глаза на недостаточность этой дружбы. Съ горечью онъ началъ видѣть нѣсколько яснѣе друга, котораго доселѣ судилъ такъ ласково, и грустное чувство одиночества подкрадывалось къ нему. Все, что взялъ онъ въ жизнь съ собой изъ прежнихъ

дней, отпадало отъ него и оставляло его плыть дальше забытымъ и одинокимъ. Дверь въ прошлое, къ тому, что было, закрылась, и онъ стоялъ уже за ней съ пустыми руками и одинъ; то, чего онъ хотѣлъ и къ чему летѣлъ, онъ долженъ самъ достигнуть: и дружбу новую, и новые восторги, и новую любовь, и память новую.

* * *

Въ продолженіе цѣлаго года фру Бойе была единственной спутницей жизни Нильса Люне, въ истинномъ смыслѣ этого слова. И вотъ пришло письмо отъ матери, что его отецъ опасно заболѣлъ, и онъ долженъ былъ возвратится въ Лёнборггоръ.

Когда онъ пріѣхалъ, его отецъ уже былъ мертвый.

Нильсу тяжело легло на сердце, почти какъ преступленіе, что въ послѣдніе годы онъ такъ мало стремился къ дому. Довольно часто бывалъ онъ тамъ мысленно, но всегда, какъ гость, съ пылью другой мѣстности на платьѣ и съ воспоминаніями о другомъ мѣстѣ на сердцѣ. Онъ не порывался туда въ невыразимой тоскѣ по родинѣ, будто къ сіяющей святынѣ его жизни, его не тянуло цѣловать родную землю, отдохнуть подъ ея кровомъ. Теперь онъ каялся въ своей невѣрности ей, и, разбитый горемъ, чувствовалъ

въ своемъ раскаяніи еще какую-то тайную вину, какъ будто эта смерть пришла изъ-за его невѣрности; онъ изумленно спрашивалъ себя, какъ могъ онъ жить спокойно вдали отъ родного дома, который поработилъ его теперь съ такой необыкновенной властностью. Каждымъ изгибомъ своего существа онъ крѣпко цѣплялся за него въ безконечномъ страстномъ стремленіи, какъ бы боясь не слиться съ нимъ такъ тѣсно, какъ хотѣлось; страдая отъ того, что тысячи воспоминаній, изъ cadaго угла, изъ cadaго куста, зовущіе его тысячами запаховъ, звуковъ, настроеній и самой тишиной, зовутъ его слишкомъ далекими голосами, не давая себя почувствовать во всей полнотѣ и остротѣ, которая ему была нужна, но лишь нашептывая въ душу шорохомъ листвы, спадающей на землю, и рокотаньемъ волнъ, шумящихъ и несущихся, несущихся...

Счастливы тотъ, кто, оплакивая смерть любимого человѣка, плачетъ надъ своей утратой, пустотой и одиночествомъ; насколько тяжелѣе горькія слезы, которыми приходится искупать скудость любви къ умершему, что видѣли исчезнушіе дни; ужъ ничего нельзя исправить изъ всего, что было сдѣлано дурного; и потому то все воспоминается: не только жесткія слова, заботливо отравленные отвѣты, нещадные нападки и слѣ-

пой гнѣвъ, но и ѣдкія мысли, не облеченныя въ слова, опрометчивыя сужденія, которыя приходили въ голову, нѣмое пожиманіе плечами и скрытыя улыбки, полныя насмѣшки и нетерпѣнія—все возвращаетъ теперь память, какъ ядовитыя стрѣлы, погружающія глубоко свои острія въ твою грудь, свои тупыя острія, потому что концы ихъ отломались и остались тамъ, въ томъ сердцѣ, которое уже не бьется больше. Оно уже не бьется больше! Ты ничего не можешь сдѣлать ему добраго. Теперь, у холодной могилы, въ твоемъ сердцѣ достаточно любви! Можешь ли ты подойти къ нему ближе? Сажай цвѣты, плети вѣнки—ты станешь отъ этого къ нему ближе?

Въ Лѣнборгорѣ такъ же плели вѣнки, и такъ же приходили воспоминанія о часахъ, когда любовь должна была смолкать передъ другими грубыми голосами; и такъ же хорошо могли растить раскаянье надъ строгими чертами вокругъ закрытыхъ устъ могилы.

Это было печальное и тяжелое время, но оно принесло то хорошее, что мать съ сыномъ сошлись ближе, чѣмъ были много-много лѣтъ. Они питали другъ къ другу большую любовь, но всегда были слишкомъ осторожны въ своихъ отношеніяхъ. Между ними была нѣкоторая сдержанность, вкоренившаяся съ того времени, когда Нильсъ выросъ настолько, что пересталъ сидѣть на ко-

лѣняхъ у матери; онъ боялся вспыльчивости и восторженности ея натуры, а ее отталкивали его робость и нерѣшительность; но теперь жизнь, одно даруя, другое отнимая, то воздымаясь, то испаряясь, такъ подготовила ихъ сердца, что они скоро совсѣмъ отдались другъ другу.

Едва прошло два мѣсяца послѣ похоронъ, какъ заболѣла фру Люне, и нѣкоторое время ея жизнь находилась въ опасности. Тревога этихъ недѣль отогнала на задній планъ прежнюю печаль, и когда фру Люне стала поправляться, ей, какъ и Нильсу, казалось, что цѣлые годы отдѣлили ихъ отъ свѣжей могилы; особенно для фру Люне время болѣзни было долгимъ, потому что она была убѣждена въ томъ, что умретъ; боялась этого, и даже теперь, когда докторъ сказалъ, что опасность миновала, еще не могла избавиться отъ этихъ тяжкихъ мыслей.

Дѣйствительно, это было печальное выздоровленіе. Силы возвращались по каплѣ, какъ бы нехотя; у нея не было пріятной усталости, а была безпокойная слабость, тягостное чувство безсилія, постоянное унылое требованіе силъ.

Но мало-по-малу и здѣсь произошла перемѣна; выздоровленіе пошло быстрѣе, силы вернулись, но мысль о томъ, что она скоро должна разстаться съ жизнью, тѣнью лежала на ней и держала ее въ безпокойномъ и печальномъ упадкѣ.

Однажды вечеромъ она сидѣла одна на верандѣ, выходящей въ садъ, и смотрѣла въ раскрытыя створчатыя двери.

Деревья прятали золото и зной заката, только въ одномъ единственномъ мѣстечкѣ открывалось огненно-красное пятно между стволами, и темно-золотые, искристые лучи солнца могли будить зеленыя краски, бросая бронзовый отблескъ на темную массу зелени.

Высоко надъ безпокойными верхушками деревьевъ мрачно мчались облака по дымно-красному небу, теряя на бѣгу лоскутки и узкія полосы отдѣлившихся облачекъ, которыя сіяющее солнце насыщало винно-краснымъ пыломъ.

Фру Люне сидѣла, прислушиваясь къ шуму вѣтра, тихо покачивая головой, въ тактъ неровной пѣснѣ вѣтра, которая, затихнувъ, подымалась еще сильнѣй и снова замирала. Ея глаза были далеко отсюда, много дальше облаковъ, на которыя она глядѣла. Блѣдная, съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства на слабо окрашенныхъ губахъ, она сидѣла въ своемъ вдовьемъ черномъ платьѣ; ея руки тоже были безпокойны: онѣ перебирали маленькую толстую книжку, лежавшую на колѣняхъ. Это была Элоиза Руссо. Вокругъ нея лежали и другія книги: Шиллеръ, Штаффельдъ, Эвальдъ, Новалисъ, и большія кипы гравюръ съ видами развалинъ, старыхъ церквей и горныхъ озеръ.

Отворилась дверь изъ заднихъ комнатъ, слышались чьи-то ищущіе шаги, и вошелъ Нильсъ. Онъ сдѣлалъ дальнюю прогулку вдоль фіорда. Свѣжій воздухъ окрасилъ его щеки, и казалось, что вѣтеръ еще вѣетъ въ его волосахъ.

Тамъ, на небѣ было теперь больше сѣро-синихъ красокъ, и отдѣльныя тяжелыя капли дождя стали ударять въ окно.

Нильсъ рассказывалъ, какъ высоко подымались волны, какъ много водорослей выбросили онѣ на берегъ, что онъ видѣлъ и кого встрѣтилъ, и, рассказывая, складывалъ книги, закрывалъ двери въ садъ и накрѣпко захлопнулъ окна. Потомъ онъ сѣлъ на скамеечку у ногъ матери, взялъ ея руки въ свои и прижался щекой къ ея колѣнамъ.

Въ саду теперь было совсѣмъ темно, и дождь порывисто колотилъ по стекламъ и карнизамъ.

„Помнишь ли ты еще“, сказалъ Нильсъ, послѣ того какъ они долго сидѣли молча, „можешь ли ты еще припомнить, какъ часто мы съ тобой сидѣли вотъ такъ въ сумерки, болтая о приключеніяхъ, а отецъ разговаривалъ въ конторѣ съ управляющимъ Іенсомъ, а юнгферъ Дуйзенъ стучала въ столовой чайной посудой? И когда потомъ вносили лампу, мы оба пробуждались отъ странныхъ сказокъ и возвращались въ свой уютъ; но я еще очень хорошо помню, какъ я

думалъ всегда, что сказка не исчезла, а только ушла туда къ холмамъ Рингчѣбинга и тамъ продолжается.

Онъ не видѣлъ грустной улыбки матери, онъ только чувствовалъ, какъ ея рука тихонько гладила его по головѣ.

„А помнишь ты еще“—сказала она—„сколько разъ ты мнѣ обѣщаль, что, когда вырастешь, уѣдешь на большомъ кораблѣ и всѣ великолѣпія земного шара привезешь домой?“

„О, помню, помню все! Я хотѣлъ привезти тебѣ гиацинтовъ, потому что ты такъ любила ихъ выращивать, и совсѣмъ такія пальмы, какъ тѣ, которыя погибли; и колонны изъ золота и мрамора. Въ твоихъ разсказахъ всегда было такъ много колоннъ. Ты помнишь?“

„Я ждала корабля—нѣтъ, будь покоенъ, мой мальчикъ, ты меня не понимаешь—не для себя, это былъ корабль твоего счастья... я надѣялась, что жизнь будетъ для тебя большой и богатой, и ты пойдешь звѣздными путями—слава... все—нѣтъ, не это; но что ты долженъ будешь бороться за что-то великое, я не знаю что, но я такъ устала отъ будничнаго счастья, будничныхъ цѣлей. Ты понимаешь меня?“

„Ты хотѣла, чтобъ я былъ сыномъ счастья, мама, чтобъ я не влачилъ вмѣстѣ со всѣми общее ярмо, а имѣлъ бы свое собственное небо

для блаженства и свое собственное судное мѣсто.—Не правда ли, на борту корабля должны были быть цвѣты, роскошные цвѣты, чтобъ ихъ разбрасывать по скудному свѣту; но корабль заставляетъ себя ждать, и Нильсъ съ матерью остаются бѣдными птицами, правда?”

„Я сдѣлала тебѣ больно, мальчикъ? Вѣдь это были только мечты. Оставь же это“.

Нильсъ долго молчалъ. Онъ стыдился сказать то, что хотѣлъ.

„Мама“, сказалъ онъ, „мы не такъ бѣдны, какъ ты думаешь.—Корабль-то *есть-таки* когда-нибудь придетъ... Если бы только ты этому захотѣла повѣрить, или въ меня повѣрила бы... Мама, я—поэтъ—вправду—всей душой своей. Не думай, что это дѣтскія мечты, или тщеславіе. Если бъ ты могла почувствовать, какъ я это говорю, съ какой благодарной гордостью, говорю всѣмъ, что есть лучшаго во мнѣ, съ какой смиренной радостью сознаю, что это *есть*,—совсѣмъ далекій отъ всего личнаго, отъ всякой самонадѣянности, ты повѣрила бы этому, я такъ искренне хочу, чтобъ ты могла повѣрить. Ахъ, мама, дорогая! Я *буду* бороться за то великое, и обѣщаю тебѣ, что не отступлю и навсегда останусь вѣрнымъ тому, что ношу въ себѣ; самое лучшее должно быть для меня только достаточно хорошимъ, не больше; никакихъ уступокъ, мама; какъ

только я почувствую, что не высшей пробы то, что я создалъ, какъ только я услышу, что оно дало трещину, сейчасъ же снова его въ тигель— всегда только лучшее, что я могу. Понимаешь ли ты, что я *долженъ* обѣщать это? Благодарность за все мое богатство заставляетъ меня дать это обѣщаніе, и ты должна принять его, и будетъ преступленіемъ противъ тебя и всего высшаго, если я когда-либо нарушу обѣщаніе, потому что именно тебѣ я долженъ быть благодаренъ, что душа моя летитъ такъ высоко; развѣ не твои мечты, не твои стремленія заставили расти мои способности, развѣ не твои симпатіи, не твой неустанный порывъ къ прекрасному посвятили меня тому, что должно стать дѣломъ моей жизни?”

Фру Люне плакала потихоньку. Она чувствовала, какъ блѣднѣла отъ блаженства.

Нѣжно она положила обѣ руки на голову сына, а онъ любовно привлекъ ихъ къ губамъ и поцѣловалъ.

„Ты сдѣлалъ меня такой счастливой, Нильсъ... жизнь моя не оказалась однимъ только тяжелымъ долгимъ вздохомъ; она вынесла тебя впередъ, какъ я въ глуби своей надѣялась и мечтала, о Господи, какъ часто я мечтала—и все же такъ много горечи примѣшивается къ радости моей, потому что, Нильсъ, мое лучшее желаніе, желаніе столькихъ лѣтъ, именно тогда должно испол-

ниться... только тогда оно приходит, когда мнѣ остается ужъ недолго жить“.

„Ты не должна такъ говорить, нѣтъ, не должна; все идетъ такъ хорошо; ты день ото дня станешь крѣпнуть, не правда ли, мамочка?“

„Я умираю такъ неохотно“, вздохнула мать про себя. „Знаешь ли ты, о чемъ я думала во всѣ эти бессонныя ночи, когда смерть, казалось мнѣ, была такъ страшно близко?.. что было мнѣ всего тяжелѣе? Что на свѣтѣ такъ много прекраснаго, великаго, а я должна уйти отъ этого, не видѣвъ этого. Я думала о тысячахъ и тысячахъ душъ, для которыхъ все это было радостью, которыхъ это вырастило; но для меня ничего этого не существовало, и когда теперь душа моя на слабыхъ крыльяхъ улетала прочь, она не уносила изъ всего великолѣпія ея родины даже золотого отблеска въ воспоминаніяхъ; она сидѣла только въ углу за печкой, прислушиваясь къ сказкамъ о чудесномъ на землѣ. Нильсъ, никто не можетъ понять, какое невыразимое несчастье лежать такъ въ душныхъ сумеркахъ комнаты больного и всѣ силы тратить на то, чтобъ въ своей возбужденной отъ лихорадки фантазіи создать волшебную красоту невѣдомыхъ странъ; я думала объ Альпійскихъ вершинахъ, покрытыхъ снѣгомъ, и темносинихъ озерахъ подъ ними, о свѣтлыхъ, сверкающихъ среди виноградниковъ

рѣкахъ, о широко лежащихъ горахъ, гдѣ развалины поднимаются изъ лѣсовъ, я видѣла высокія залы и мраморныя статуи боговъ—и никогда не могла достигнуть этого всего, считала все погибшимъ для себя навсегда и снова начинала все сначала, потому что безконечно тяжело прощаться съ тѣмъ, чего не испыталъ совсѣмъ... О, Боже, Нильсъ, всей душой стремиться къ этому и чувствовать, что все ближе приближаешься къ порогу иного міра, стоять на самомъ порогѣ и въ страстномъ нетерпѣніи смотрѣть назадъ, въ то время какъ тебя неудержимо тянетъ въ дверь, за которую ужъ никакое, никакое желаніе не проникаетъ!.. Нильсъ, въ мысляхъ своихъ возьми меня съ собой, сынъ мой, пусть буду я съ тобой, если когда-нибудь выпадетъ на твою долю что-нибудь изъ этихъ чудесъ, которыхъ никогда я не увижу, никогда!“

Она плакала.

Нильсъ старался ее утѣшить; онъ строилъ смѣлые планы о томъ, какъ они черезъ нѣкоторое время, когда она совсѣмъ поправится, поѣдутъ вмѣстѣ путешествовать; онъ хотѣлъ поѣхать въ городъ поговорить съ докторомъ о путешествіи и былъ убѣжденъ, что тотъ съ нимъ согласится, потому что ничего болѣе полезнаго нельзя и придумать: такъ сдѣлали такой-то и такой-то, и поправились отъ одной только пере-

мѣны мѣста; перемѣна значить такъ много. Онъ сталъ обсуждать маршрутъ со всѣми подробностями, говорилъ о томъ, какъ хорошо уложить онъ ея вещи, какъ вначалѣ они будутъ совершать только маленькія поѣздки, какой чудесный дневникъ они будутъ вести; какъ будутъ замѣчать вездѣ и самое незначительное; какъ они будутъ наслаждаться диковинками прекрасныхъ мѣстъ, и какія тяжкія въ первое время будутъ совершать преступленія противъ грамматики.

Онъ не переставалъ говорить объ этомъ и въ слѣдующіе дни, и мечталъ такъ же охотно, какъ и въ первый вечеръ; онъ былъ неутомимъ, и она также шла ему навстрѣчу и улыбалась его словамъ, какъ милымъ мечтаніямъ; но было ясно видно, какъ твердо она убѣждена въ томъ, что это путешествіе никогда не совершится.

Однако Нильсъ, поговоривъ съ докторомъ, ужъ дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, и она не мѣшала ему; онъ установилъ день отъѣзда и все другое, а она была увѣрена, что вдругъ случится что-нибудь, уничтожающее все. Но когда оставалось всего два дня до отъѣзда, и пріѣхалъ ея младшій братъ, чтобъ управлять имѣніемъ въ ея отсутствіе, она стала колебаться, и больше всѣхъ заторопилась съ отъѣздомъ, все еще боясь, что въ послѣднюю минуту всплыветъ какое-нибудь препятствіе.

И вотъ они уѣхали.

Первый день въ ней еще оставался страхъ, она была безпокойна и нервна, и только, когда благополучно пришелъ вечеръ, она стала чувствовать и понимать, что она дѣйствительно на дорогѣ ко всѣмъ этимъ чудесамъ, которыхъ такъ безгранично ей хотѣлось. Лихорадочная радость овладѣла ею теперь, и восторженное ожиданіе стало характернымъ для всѣхъ ея мыслей и словъ; она вся обратилась къ тому, что принесетъ ей завтра, день за днемъ.

И все пришло—все; но не охватило ее съ такой силой и съ такой проникновенностью, какъ она ждала. Она все представляла себѣ по другому, но и себя представляла другой. Въ ея мечтахъ все было будто на другомъ берегу моря, туманъ отдаленія таинственно закрывалъ всю беспорядочность подробностей, и образы, видимые въ общихъ чертахъ, соединялись въ одно законченное цѣлое; и тишина отдаленія усиливала торжественное настроеніе; было такъ легко все это воспринять прекраснымъ—но теперь, когда она была тамъ, въ самой серединѣ, когда передъ ней выступила каждая отдѣльная подробность и звучала громкимъ голосомъ дѣйствительности, когда прекрасное разъединилось, какъ лучъ, пропущенный сквозь призму,—теперь она не могла его воспринять въ цѣломъ, какъ тамъ, на своемъ

берегу, и съ глубокой горестью должна была сознаться, что чувствуетъ себя нищей среди такихъ богатствъ, не умѣя къ нимъ подойти.

Она стремилась впередъ, все впередъ, чтобы увидѣть, нѣтъ ли хоть одного мѣста, которое бы она могла принять за частицу того міра грезъ, который съ каждымъ ея шагомъ, сдѣланнымъ, чтобы приблизиться къ нему, терялъ свой прежній волшебный блескъ и представлялся ея изумленнымъ глазамъ въ обыкновенномъ освѣщеніи повседневныхъ солнца и луны. Но ея исканія не вознаграждались, и такъ какъ время года было уже позднее, они послѣшили въ Кларенсъ, гдѣ докторъ посовѣтовалъ имъ провести зиму, и куда ея усталую мечтающую душу манило слабое мерцаніе послѣдней надежды. Это вѣдь былъ Кларенсъ Руссо, райскій Кларенсъ Юліи!

Она осталась тамъ; но напрасно зима оказалась мягкой и щадила ее своимъ холоднымъ дыханіемъ—отъ хилости крови она не могла ее защитить; и когда весна въ своемъ торжествующемъ шествіи, со своими зачинающими и зацвѣтающими ласками прошла по долинѣ, благовѣствуя жизнь, ее она оставила увядающей посреди всей этой пышности возрожденія, такъ какъ даже весенняя власть свѣта, воздуха, земли и страсти не могла возродить въ ней достаточно для того силъ, чтобы ея кровь, пьянѣя отъ здоровья, радуясь весенней

мощью, могла звучать согласно съ весной; нѣтъ, она должна была тамъ увядать; потому что послѣдняя мечта, явившаяся ей, какъ утренняя заря, въ укромномъ уголкѣ ея родины, мечта о чудесахъ далекихъ странъ, не принесла желаннаго разсвѣта, краски ея поблекли при первомъ приближеніи, поблекли только для нея—она это чувствовала,—поблекли потому, что она пожелала красокъ, которыхъ нѣтъ у жизни, потребовала красоты, которая не зрѣетъ на землѣ. Но желаніе ея не потухло; безмолвно, но сильно горѣло оно въ ея сердцѣ, все разгораясь отъ скорби, пылающее и изнурительное.

Вокругъ нея справлялся весенній праздникъ, насыщенный красотой; о немъ гласили бѣлые подснежники, о немъ радовались пестрыя чашечки крокусовъ. Горные маленькіе ручьи стремглавъ неслись внизъ въ долину возвѣстить приходъ весны, и всѣ опаздывали: когда они вбѣгали въ зеленые берега, ужъ тамъ стояли первоцвѣты въ желтомъ и фіалки въ синемъ, кивая имъ: а мы ужъ знаемъ, знаемъ, знаемъ! Ивы вывѣсили желтыя сережки; папоротникъ и мягкій, какъ бархатъ, мохъ свѣшивали сверху зеленыя гирлянды на ограды виноградниковъ, а снизу ихъ укрывали коричневой, зеленой и пурпуровой каймой крапивы. Далеко и широко разстилала свой зеленый плащъ трава, и много, много въ ней мелькало

разноцвѣтныхъ цвѣтовъ; гіацинты, какъ звѣзды и какъ жемчуга, анемоны, львиные зѣвы и еще другіе, всѣ такъ по разному прекрасны. А надъ цвѣтами до земли висѣли носимые столѣтними стволами старыхъ вишенъ сіяющіе острова другихъ цвѣтовъ, и въ бѣлые ихъ берега свѣтъ ударялся пѣнясь, и бабочки, несущія вѣсти съ материка, пестрили ихъ синимъ и краснымъ.

Каждый день приносилъ новые цвѣты; онъ выгонялъ ихъ въ садахъ, на озерѣ, изъ земли пестрыми узорами, отягощаль ими вѣтви деревьевъ. Вдоль дорогъ цвѣты тянулись синими и бѣлыми рядами, желтыми полчищами они наполняли поля, но нигдѣ не росли они такъ густо, какъ вверху между горъ въ уютныхъ обитаемыхъ долинахъ, гдѣ стоитъ лиственница съ искрящимся свѣтомъ въ яркой зелени, потому что тамъ цвѣтутъ нарциссы ослѣпительными міриадами и наполняютъ окрестный воздухъ ошеломляющимъ запахомъ изъ своихъ бѣлыхъ чашечекъ.

Посреди всей этой красоты она жила съ неутомимою тоской по красотѣ на сердцѣ, и только иногда въ вечерній часъ, когда солнце заходило за отлогія савойскія высоты, и горы по ту сторону озера были какъ будто изъ коричневаго непрозрачнаго стекла, поглощающаго свѣтъ,—тогда природа могла чаровать ея душу; когда же золотой вечерній туманъ окутывалъ далекія вер-

шины Юры, и озеро, красное, какъ мѣдное зеркало, наполненное пламенемъ вечерней зари, казалось, сливается со сверкающимъ небомъ въ одно великое сіяющее море безконечности,—тогда, бывало, умолкала ея тоска, и душа ея какъ будто находила ту страну, къ которой такъ стремилась.

Чѣмъ дальше шла впередъ весна, тѣмъ слабѣе она становилась, и скоро перестала покидать постель; но теперь ужъ больше не боялась смерти и стремилась къ ней, надѣясь встрѣтиться по ту сторону могилы лицомъ къ лицу съ тѣми чудесами, душа съ душой съ той красотой, предчувствіемъ которыхъ здѣсь на землѣ была она такъ исполнена, и которыя неустаннымъ стремленіемъ всей долгой земной жизни были просвѣтлены, и вотъ теперь почти достигнуты; со сладкой грустью грезила она о томъ, какъ будетъ вспоминать о всемъ, что дала ей жизнь, тамъ, наверху, въ странѣ безсмертія, гдѣ будетъ вся красота земная, гдѣ вѣчно будетъ тотъ берегъ моря.

Такъ умерла она. Нильсъ похоронилъ ее на уютномъ кладбищѣ Кларенсъ, въ рудой землѣ котораго нашли успокоеніе дѣти столькихъ странъ, гдѣ сломанныя колонны и покрытыя флеромъ урны повторяютъ одни и тѣ же слова печали на столькихъ языкахъ.

Бѣлымъ свѣтомъ сіяютъ онѣ между темныхъ кипарисовъ, раннія розы осыпаютъ свои лепестки

на эти знаки памяти, и у подножья ихъ земля синѣеть отъ фіалокъ; но на каждомъ холмикѣ, на каждомъ камнѣ вѣется любимый цвѣтокъ Руссо, съ его блѣдной зеленью, синій, какъ синее небо.

IX.

Нильсъ поспѣшилъ на родину, онъ не могъ выносить одиночества среди чужихъ людей, но чѣмъ болѣе приближался онъ къ Копенгагену, тѣмъ чаще спрашивалъ себя, что ему собственно тамъ надо, и тѣмъ болѣе раскаивался, что не остался за границей. Кто у него былъ въ Копенгагенѣ? Не Фритіофъ; Эрикъ получилъ стипендію и уѣхалъ въ Италію, значить и не онъ; а фру Бойе? — это были странныя отношенія, къ фру Бойе. Теперь, когда онъ возвращался прямо отъ могилы матери, они казались ему не то что профанаціей или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но просто не согласовались съ общимъ тономъ его настроенія. Создавали дисгармонію. Будь это его невѣста, молодая расцвѣтающая дѣвушка, къ которой онъ теперь спѣшилъ бы, послѣ того какъ его душа долго отдана была сыновнимъ чувствамъ, онъ не противился бы своему стремленію. Напрасно онъ старался разубѣдить себя; въ то время какъ онъ обзывалъ свое измѣнившееся отношеніе

къ фру Бойе мѣщанствомъ и глупостью, слово „цыганщина“ почти безсознательно слагалось у него въ умѣ, какъ выраженіе досаднаго чувства, которое онъ не совсѣмъ понималъ, и когда онъ, въ первый разъ выйдя на улицу и обезпечивъ за собою старую свою комнату надъ валомъ, пошелъ къ статскому совѣтнику, а не къ фру Бойе, это было продолженіемъ того же настроенія.

На другой день онъ пошелъ туда, но не засталъ ея дома. Швейцаръ сказалъ ему, что она сняла дачу близъ источника Эмилиі; это очень удивило Нильса, такъ какъ онъ зналъ, что вилла ея отца была недалеко.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней онъ хотѣлъ выѣхать.

Но уже на другой день получилъ записку отъ фру Бойе, приглашавшую его на городскую квартиру. Блѣдная племянница видѣла его на улицѣ. Онъ придетъ три четверти перваго; онъ *долженъ* притти. Она скажетъ ему, зачѣмъ, *если онъ еще не знаетъ*. Или онъ уже знаетъ? Онъ не долженъ судить о ней ложно и быть безразсуднымъ. Вѣдь онъ ее хорошо знаетъ. Неужели же онъ пойметъ такъ, какъ понимаютъ плебейскія натуры? Поступитъ ли онъ такъ? Они вѣдь не такіе, какъ всѣ. Если бы только онъ захотѣлъ ее понять. Нильсъ — Нильсъ!

Эта записка повергла его въ величайшее не-

доумѣніе, и вдругъ ему вспомнилось и обезпокоило его, что статская совѣтница смотрѣла на него такъ насмѣшливо, такъ сострадательно улыбалась и была такъ странно молчалива. Что бы это могло значить.

Настроеніе, которое отдѣляло его отъ фру Бойе, исчезло, онъ не понималъ его больше, ему стало такъ страшно. Если бы только они писали другъ другу, какъ обыкновенные благоразумные люди. Почему собственно они этого не дѣлали? Удивительный онъ человѣкъ! Такъ всецѣло отдаваться тому, гдѣ въ данный моментъ находишься. И все забывать, что находится дальше. Не совсѣмъ забывать, но отодвигать далеко назадъ и позволять настоящему заслонять все прошлое. Словно горами. Нечего сказать—воображеніе!

Наконецъ-то. Фру Бойе сама открыла ему дверь, прежде чѣмъ онъ позвонилъ. Она ничего не говорила, только протянула ему руку для долгаго соболѣзнующаго пожатія; она узнала изъ газетъ объ его утратѣ. Нильсъ тоже ничего не говорилъ и такъ молча они шли черезъ первую комнату между двухъ рядовъ стульевъ, покрытыхъ полосатыми — бѣлое съ краснымъ — чехлами. Люстра была обернута бумагой и окна забѣлены. Въ ея комнатѣ все было по прежнему; только жалюзи у открытыхъ оконъ были спущены и однообразно стучали отъ легкой тяги воздуха объ

оконную раму. Отблескъ отъ сверкающаго на солнцѣ канала прокрадывался сквозь желтыя палочки и обрисовывалъ безпокойную волнистую линію на потолкѣ, которая дрожала, какъ на водѣ дрожали волны; все молчало и, тихо дыша, казалось, ожидало чего-то.

Фру Бойе не знала куда сѣсть; наконецъ, остановилась на качалкѣ, смахнула съ нея пыль носовымъ платкомъ и стала сзади, положивъ руки на спинку. Она была еще въ перчаткахъ и только одна рука выдвинулась изъ-за черной накидки, которая была на ней поверхъ шелковаго въ мелкую клѣтку платья. Широкая лента ея большой круглой шляпы á la Памела, свѣтлая солома которой закрывала на половину ея лицо, была тоже клѣтчатая. Она стояла и смотрѣла на полъ, порывисто раскачивая качалку.

Нильсъ сѣлъ на табуретъ у піанино, довольно далеко отъ нея, какъ будто ожидая услышать что-нибудь непріятное.

— Итакъ, ты знаешь это, Нильсъ?

— Нѣтъ, не знаю. Что?

Качалка остановилась. — Я обручена.

— Обручены? Но для чего — какъ?

— Ахъ, не говори мнѣ вы, не будь сейчасъ же безразсуднымъ. Она упрямо облокотилась на качалку.

— Ты можешь, кажется, понять, что мнѣ не

очень пріятно стоять здѣсь и быть обязанной объяснять тебѣ все это. Я хочу объяснить, и ты могъ бы мнѣ помочь въ этомъ.

— Но это вѣдь вопіющая бессмыслица. Обручена ты или нѣтъ?

— Я уже сказала тебѣ, что да,—отвѣтила она съ легкимъ нетерпѣніемъ и посмотрѣла на него.

— Въ такомъ случаѣ смѣю позволить себѣ принести вамъ поздравленіе, фру Бойе, и поблагодарить васъ отъ всей души за то время, когда мы знавали другъ друга. Онъ всталъ и на смѣшливо раскланивался.

— И ты можешь такъ разстаться со мной, совсѣмъ спокойно: я обручена, и все кончено; все, что между нами было, только старая глупая исторія, о которой мы не хотимъ больше и думать. Что прошло, то прошло? Безслѣдно? — Нильсъ, неужели должна молчать отнынѣ память всѣхъ милыхъ дней, и никогда ты больше не будешь думать обо мнѣ, и никогда уже тебѣ не будетъ нехватать меня? Ты никогда уже не будешь больше въ тихій вечеръ мечтать прежними мечтами и придавать имъ краски, которыя онѣ *могли бы* имѣть? Развѣ ты можешь не полюбить еще разъ мысленно все это и не дать всему созрѣть до конца, какъ это *могло бы* быть? Ты можешь? Можешь ты попруть ногами все и затоптать такъ, чтобы не осталось ничего? Нильсъ!

— Надѣюсь, да: вы же мнѣ доказали, что это возможно. Ахъ, это такая все безсмыслица, такая беспочвенная нелѣпность отъ начала до конца; для чего устраивали вы всю эту комедію? У меня нѣтъ ни малѣйшаго права упрекать васъ. Вы меня никогда не любили, и не увѣряли никогда, что любите; вы только позволяли мнѣ любить васъ, и теперь берете назадъ свое позволеніе; неужели же я долженъ продолжать все и теперь, когда вы принадлежите другому? Я не понимаю васъ. Неужели же *это* вы считали возможнымъ? Вѣдь мы не дѣти. Или вы боитесь, что я забуду васъ слишкомъ скоро? Успокойтесь. Такихъ, какъ вы, не вычеркиваютъ изъ своей жизни. Но берегитесь, такой любви, какъ моя, женщина не встрѣчаетъ дважды въ жизни, берегитесь, чтобы не быть несчастной вамъ изъ-за того, что вы оттолкнули меня. Я не хочу вамъ зла, нѣтъ, нѣтъ; пусть идутъ мимо васъ всякія бѣды и болѣзни, пусть вамъ достанется и счастье, и богатство, и положеніе въ обществѣ, въ полной мѣрѣ, въ самой полной; желаю вамъ, чтобы передъ вами былъ открытъ весь міръ, кромѣ одной маленькой двери, одной, единственной маленькой двери, какъ бы часто вы ни стучались въ нее — впрочемъ нѣтъ, желаю вамъ всего, всего, такъ широко и полно, какъ только сами вы могли бы себѣ желать.

Онъ говорилъ это медленно, почти грустно,

совсѣмъ не съ горечью, но съ какимъ-то страннымъ дрожаньемъ голоса, которое было ей незнакомо и волновало ее. Она поблѣднѣла и крѣпко оперлась на качалку. — Нильсъ, — сказала она, — не предрекай мнѣ ничего дурного, подумай о томъ, что тебя здѣсь не было, Нильсъ, а про свою любовь я не знала, насколько она дѣйствительно существуетъ; скорѣй казалось мнѣ, что она меня только занимает. Она звучала въ моей жизни, какъ нѣжный остроумный вымыселъ, она никогда не захватывала меня крѣпко своими руками, у нея были крылья, только крылья. Такъ я думала до сихъ поръ, такъ думала я тогда, когда сдѣлала это и сказала да. Такъ много здѣсь было затрудненій, столько обстоятельствъ пришлось принять во вниманіе... Все началось съ моего брата Гарденскьольда, которому, знаешь, пришлось уѣхать въ Индію; онъ здѣсь велъ нѣсколько буйную жизнь, но тамъ сталъ степеннымъ и разсудительнымъ, вступилъ съ кѣмъ-то въ компанію, заработалъ много денегъ и женился тоже на богатой вдовѣ, маленькой, миленькой игрушкѣ — могу тебя увѣрить; потомъ вернулся домой, отецъ съ нимъ помирился, потому что Хатте совсѣмъ, совсѣмъ перемѣнился, о, теперь онъ сталъ внушительнымъ до безконечности, сталъ такимъ чувствительнымъ ко всему, что скажутъ въ обществѣ: ограниченъ до отвратительнаго, — ахъ, естественно, онъ былъ

того мнѣнія, что у меня съ семьей должны возстановиться хорошія отношенія, сталъ проповѣдывать, просить и говорить объ этомъ всякій разъ, какъ приходилъ; отецъ же теперь старикъ, и потому я это сдѣлала, и теперь все снова такъ, какъ было раньше.

Она остановилась на минуту, стала снимать съ себя накидку, шляпу и перчатки и, отвернувшись немного въ этомъ занятіи отъ Нильса, продолжала говорить:

— И вотъ, у Хатте есть пріятель, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ; и всѣ думали, что я это должна сдѣлать, такъ этого желали, и видишь ли, я снова могла занять свое прежнее мѣсто въ обществѣ, даже еще лучшее, потому что онъ очень вліятельное лицо, а къ этому я такъ давно уже стремилась.—Ты этого не понимаешь? Этого ты никогда обо мнѣ не думалъ? Совсѣмъ наоборотъ. Когда я постоянно высмѣивала общество со всѣми его общепринятыми глупостями, съ его патентованной моралью, термометромъ добродѣтели и компасомъ женственности—о, помнишь ли ты еще, какъ мы бывали остроумны? Къ сожалѣнію, ты думаешь—это была неправда. Ничуть! Потому что, Нильсъ, могу сказать тебѣ, что мы, женщины, можемъ остаться безъ руля на нѣкоторое время, если кто-нибудь вошелъ въ нашу жизнь и открылъ намъ глаза на живущую внутри

насъ свободу, но долго мы этого не выдерживаемъ; у насъ уже въ крови есть страсть къ корректности, вплоть до самыхъ чопорныхъ вершинъ приличія. Мы не можемъ быть въ разладѣ съ тѣмъ, что стало общепринятымъ; въ глубинѣ сердца мы признаемъ его право судить насъ и преклоняемся передъ его сужденіемъ, и страдаемъ отъ него, какими бы отважными себя не выставляли. Намъ, женщинамъ, не идетъ быть исключеніемъ, Нильсъ, это дѣлаетъ насъ такими странными, быть можетъ, болѣе интересными, но вообще... Можешь ты это понять? Это достойно сожалѣнія, не правда-ли? Но ты поймешь, какое на меня произвела впечатлѣніе возможность снова вернуться къ прежней обстановкѣ, какъ много воспоминаній нахлынуло на меня—воспоминаній о моей матери, о ея мнѣніяхъ; я почувствовала себя снова у гавани, все было тихо и прилично, и мнѣ нужно было только связать себя съ этимъ, чтобъ всю остальную жизнь быть вполне счастливой. И потому я дала себя связать, Нильсъ.

Нильсъ не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ чувствовалъ себя настолько выше ея; ему стало ее жалко, что вотъ она стоитъ передъ нимъ такъ по-ребячески несчастная въ своемъ непониманіи самой себя. Сердце его смягчилось, и онъ не могъ найти ни одного жестокаго слова.

Онъ подошелъ къ ней.

Она повернула качалку и опустилась въ нее; она сидѣла тамъ такая слабая, какъ будто всѣмъ свѣтомъ покинутая, со свѣсившимися руками, съ поднятымъ къ верху лицомъ и опущенными глазами и смотрѣла черезъ полутемную комнату съ двумя рядами стульевъ въ темную переднюю.

Нильсъ положилъ руку на спинку кресла и, наклонившись, прошепталъ

— А меня ты совсѣмъ забыла?

Она какъ будто не слыхала ничего, и глазъ не подняла на него; потомъ едва замѣтно покачала головой и немного погодя, еще, почти незамѣтно.

Сначала вокругъ нихъ было совсѣмъ тихо; потомъ онъ услышалъ на лѣстницѣ у входа служанку, которая, напѣвая, чистила замки; стукъ дверной ручки грубо прервалъ тишину, и она показалась еще глубже, когда внезапно возвратилась. Все снова стало тихо, и былъ слышенъ только вялый, усыпляющій, но твердый въ тактъ, стукъ жалюзи.

Эта тишина не давала говорить, почти не давала думать, и она сидѣла такъ-же, какъ и раньше, устремивъ глаза въ темную переднюю. Онъ оставался наклоненный надъ ней и смотрѣлъ на вырѣзъ ея платья и бессознательно, очарованный нѣжной тишиной, сталъ ее качать тихо—тихо, тихо—тихо.

Медленно подняла она вѣки и взглянула на его мягко затѣненный профиль и снова отдалась тихому удовольствію. Было будто долгое объятіе, какъ будто она падала ему на руки, когда кресло наклонялось назадъ; а когда она снова наклонялась впередъ, такъ что ея ноги касались пола, было что-то отъ него въ легкомъ давленіи, которое встрѣчало ея ногу на полу. Онъ тоже чувствовалъ это; качаніе начинало его занимать; постепенно онъ раскачивалъ кресло все сильнѣе; какъ будто онъ былъ тѣмъ ближе къ обладанію ею, чѣмъ сильнѣе наклонялъ кресло назадъ, и какое-то ожиданіе таилось въ немъ въ послѣднюю секунду передъ тѣмъ, какъ кресло наклонялось впередъ; когда же онъ наклонялъ его впередъ, было особенное чувство освобожденія въ легкомъ ударѣ, съ которымъ ея безвольныя ноги касались пола, когда же онъ наклонялъ качалку еще болѣе впередъ и такъ нѣжно прижималъ ея ноги къ полу, что колѣнки должны были подыматься, ему казалось, что онъ *совсѣмъ* обладаетъ ею.

— Не будемъ мечтать,—сказалъ Нильсъ со вздохомъ и оставилъ ея кресло, какъ бы покоряясь неизбежному.

— А все-таки,—сказала она почти просительно и посмотрѣла на него невинно - большими упоенными грустью глазами.

И медленно поднялась.

— Нѣтъ, не надо мечтать,—сказаль Нильсъ нервно и взялъ ее рукой вокругъ талии.—Довольно было между нами мечтаній, развѣ ты этого не замѣтила? Развѣ никогда не касались мечты твоей щеки или твоихъ волосъ живымъ дыханіемъ? Возможно ли, чтобы ночь въ трепетѣ не испускала вздохъ за вздохомъ, которые, умирая, ложились на твои губы?

Онъ поцѣловаль ее, и она какъ будто стала менѣ юной подъ его поцѣлуемъ, менѣ юной, но еще болѣе прекрасной, жгуче-прекрасной, опьяняющей.

— Ты должна это знать,—сказаль онъ,—ты не знаешь, какъ я люблю тебя, какъ я страдалъ, какъ мнѣ тебя недоставало. Тэма, если бы тѣ комнаты надъ валомъ говорить могли!

Онъ цѣловаль ее еще, еще, а она стремительно обвила его шею руками, такъ что ея широкіе рукава поднялись высоко, выше сѣрой резинки, на которой они держались у плечей.

— Что могутъ сказать комнаты, Нильсъ?

— Онѣ могли сказать бы—Тэма, десять тысячъ разъ, и больше, онѣ могли бы этимъ именемъ молиться, безумѣть, вздыхать и плакать. Тэма, онѣ могли бы также угрожать.

— Онѣ могли бы угрожать?

Съ улицы въ открытыя окна вливался людской говоръ, мелкая людская мудрость, избитыя слова. Разлетались два нестройныхъ голоса, сплетаю-

щихъ, перебивающихъ другъ друга. Эта проза вся проникала къ нимъ, и было оттого еще восхитительнѣй стоять такъ, грудь оъ грудью въ туманѣ мягкаго, пониженнаго свѣта.

— Какъ я люблю тебя, ты, дорогая, дорогая,— въ моихъ рукахъ тебѣ такъ хорошо; тебѣ такъ хорошо, такъ хорошо—и волосы твои—я не могу говорить, и помню все... такъ хорошо... все помню, какъ плакалъ я, и былъ несчастенъ, и какъ мучительно тебя недоставало мнѣ; воспоминанія тѣ-снять меня, и рвутся изъ меня, хотять со мною быть счастливыми—ты понимаешь?—О, ты помнишь, Тэма, можешь ли ты вспомнить лунный свѣтъ въ минувшій годъ? Ты любишь ли его?—О, ты не знаешь, какъ онъ можетъ быть жестокъ. Такая лунная и свѣтлая такая ночь, въ холодномъ свѣтѣ цѣпенѣетъ воздухъ, и облака лежатъ такъ тихо—Тэма, и цвѣты и зелень излучаютъ такой густой ароматъ, что, кажется, они окружены пахучей сферой, и всѣ звуки такъ далеки и пропадаютъ такъ внезапно, не медля;—какъ жестока такая ночь, и какъ тоска стремительно растеть въ такую ночь, она звучить въ отвѣтъ всѣмъ тайникамъ души, и пьетъ ее, сосетъ своими жестокими губами; и ни одна надежда не свѣтаетъ, нѣтъ обѣщаній, дающихъ знакъ во всей этой холодной, цѣпенѣющей прозрачности. О, какъ я плакалъ, Тэма! Тэма, ты никогда не плакала всю

ночь? Вѣдь, это было бы несчастьемъ, если бы ты должна была заплакать; ты не *смѣешь* плакать, вокругъ тебя должны быть ночью розы, солнце днемъ—а ночью розы.

Она совсѣмъ тонула въ его рукахъ и, погрузивъ въ него свой взглядъ, шептала сладкіе слова любви, наполовину заглушаемая ея дыханіемъ, повторяла слова, его слова, какъ бы шептала ихъ своему сердцу.

На улицѣ голоса удалились и стали безпокойны. Потомъ вернулись, сопровождаемые стукомъ палки о троттуаръ, теперь они перешли на другую сторону, помедлили тамъ, и стали глохнуть, удаляясь, и замерли.

И тишина снова съ тяжкимъ вздохомъ вспыхнула вокругъ нихъ, раскрывая сердце. Слова изсякли между ними, и поцѣлуи тяжело сходили съ губъ, какъ нерѣшительные вопросы, не принося съ собою освобожденія и не давая наслажденія. Они не смѣли отвести глаза другъ отъ друга, и боялись вложить во взглядъ слова, заволакивали его туманомъ, прячась въ немъ и молча лелѣя тайную мечту.

Вдругъ его объятія затрепетали, это пробудило ее, она уперлась руками въ его грудь и вырвалась прочь.

— Уходи, Нильсъ, уходи, ты здѣсь не можешь быть, не смѣешь, ты слышишь это?

Онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ, но она, блѣдная и дикая, ринулась назадъ. Она дрожала съ головы до ногъ и стояла, вытянувъ руки, какъ бы не смѣя прикоснуться къ себѣ самой.

Нильсъ хотѣлъ стать на колѣни и взять ее за руку.

— Ты не долженъ меня касаться..—Отчаянье лежало въ ея взорѣ.—Почему ты не уходишь, если я прошу тебя объ этомъ? Нѣтъ, нѣтъ, ты не долженъ говорить, иди своей дорогой, развѣ ты не видишь, какъ я дрожу передъ тобой? Смотри же, смотри, смотри! О, это дурно съ твоей стороны быть такъ противъ меня. Вѣдь я тебя прошу!?

Ему нельзя было сказать хоть слово, она не хотѣла слушать. Она была совершенно внѣ себя; слезы текли изъ ея глазъ; ея лицо было почти искажено, и будто свѣтилось своей блѣдностью. Что могъ онъ сдѣлать?

— Ты не *хочешь* уходить? Развѣ ты не видишь, какъ ты унижаешь меня, оставаясь здѣсь? Какъ ты дурно поступаешь со мной, что я сдѣлала тебѣ, что ты можешь быть ко мнѣ такимъ недобрымъ! О, уходи! Или въ тебѣ совсѣмъ нѣтъ жалости?

Жалости? Онъ былъ холоденъ, какъ ледъ, отъ гнѣва. Это было безуміе. Ему не оставалось ничего другого, какъ уйти. Онъ пошелъ. Онъ не

оставилъ два ряда стульевъ стоять въ сторонѣ, пошелъ медленно, устремивъ на нихъ пристальный взглядъ, пошелъ межъ нихъ, словно изъ упрямства.

— Нильсъ Люне, ушелъ, — сказалъ онъ, услышавъ, какъ за нимъ щелкнулъ замокъ двери.

Задумчиво, со шляпою въ рукѣ сходилъ онъ внизъ по лѣстницѣ, на площадкѣ остановился и самъ съ собой жестикулировалъ: если бы только онъ хоть что-нибудь могъ понять во всемъ этомъ!

Откуда *это* и откуда опять *то*. Потомъ пошелъ дальше. Тамъ были открытыя окна. Ему хотѣлось рѣзкимъ крикомъ прервать эту отвратительную тишину тамъ наверху, или хоть кого-нибудь имѣть, съ кѣмъ бы онъ могъ здѣсь говорить, говорить часами—неумолимо—въ этой тишинѣ болтать, окунуть ее въ болтовню. Онъ не могъ ее выбросить изъ себя; онъ могъ ее видѣть, чувствовать на вкусъ, онъ шелъ въ ней.

Вдругъ онъ остановился и покраснѣлъ отъ горькаго стыда. Хотѣла Тэма сама себя ввести въ искушеніе?

Наверху Фру Бойе стояла и плакала. Она стояла передъ зеркаломъ, опершись обѣими руками на консоль и плакала, ея слезы падали внутрь большой розовато-красной раковины. Она смотрѣла на свое разстроенное лицо, какъ оно выглядѣло въ томъ мѣстѣ зеркала, которое запо-

тѣло отъ ея дыханія, и слѣдила за слезами, какъ онѣ выступали на глазахъ и катились внизъ. Какъ онѣ могли все еще течь! Она никогда такъ не плакала; впрочемъ, одинъ разъ въ Фраскати, когда ее понесли лошади.

Понемногу слезы стали итти скуднѣе, но нервная дрожь еще пробѣгала по ней порывами отъ головы до ногъ.

Солнца больше падало въ окошко; дрожащій отблескъ волнъ на потолкѣ тянулся вкось; сквозь жалюзи проникали цѣлые ряды параллельныхъ лучей, цѣлые пучки желтоватаго свѣта. Жара увеличивалась, и въ воздухѣ, насыщенномъ запахами горячаго дерева и нагрѣтой солнцемъ пыли, пробивались еще другіе запахи, подымавшіеся съ пестрыхъ цвѣтовъ на подушкахъ дивана, отъ шелка на спинкахъ стульевъ, отъ книгъ и свернутыхъ ковровъ, освобождаемые зноемъ забытые запахи, носящіеся въ воздухѣ, какъ летучіе призраки.

Понемногу дрожь оставила ее и оставила послѣ себя какое-то особенное головокруженіе, въ которомъ фантастическія полу-чувства, полу-ощущенія взвивались по слѣдамъ ея изумленныхъ мыслей. Она закрыла глаза, все еще продолжая стоять лицомъ къ зеркалу.

Странно! Какъ это пришло къ ней! Такъ страшно, до крику. Кричала ли она? Ей каза-

лось, что она еще слышитъ крикъ, и въ горлѣ ощущались слѣды утомленія, какъ послѣ долгаго полного страху призыва. Когда онъ ее схватилъ! Она дала себя схватить, и защищаясь уперлась руками въ грудь. Она защищалась,—но все-таки: теперь ей было, какъ если бы она летала по воздуху нагая, зардѣвшись отъ горя и стыда, полная стыда, ласкаемая всѣми вѣтрами.—Онъ не хотѣлъ уходить, но скоро было уже поздно; всѣ силы оставили ея, какъ мыльные пузыри, которые лопаются. Пузырь за пузыремъ, которые тѣснились на ея губахъ и неудержимо лопались; одна секунда, и было уже поздно! Непреодолимо ее влекло въ его объятія; какъ мыльный пузырь, дрожа, взлетаетъ вверхъ, такъ ея обнаженная душа тянулась къ нему, каждое желаніе открыто было его взглядамъ, каждая тайная мечта, сокровенный порывъ безъ покрововъ отдавались его жаднымъ взглядамъ.—Опять въ его объятія, медлительныя, сладко уносящія. Мраморная статуя посреди огня, которая отъ жара стала пламенно прозрачной и постепенно теряла свою темную сущность, пока не стала наконецъ сверкающей и свѣтлой.

Она медленно открыла глаза и посмотрѣла на свое изображеніе въ зеркалѣ со сдержанной улыбкой, какъ будто тамъ былъ кто-то, знающій о чемъ-то вмѣстѣ съ ней, и съ кѣмъ ей не хо-

тѣлось заходить слишкомъ далеко. Потомъ она пошла въ комнату рядомъ сложить накидку, шляпу и перчатки.

Головокруженіе какъ рукой сняло.

Слабость, которую она еще чувствовала въ колѣняхъ, была ей пріятна; чтобъ ощутить ее сильнѣй, она прошлась немного. Потихоньку, словно нечаянно, дала качалкѣ маленькій доврчивый толчекъ рукою.

Вправду, она любила сцены.

Однимъ взглядомъ попрощалась съ чѣмъ-то невидимымъ; потомъ подняла жалюзи,—теперь это была совсѣмъ другая комната.

Три недѣли спустя, Фру Бойе была обвинена, и теперь Нильсъ Люне былъ совсѣмъ одинъ съ самимъ собою.

Онъ не могъ прійти въ себя отъ негодованія, что она такъ недостойно бросилась въ лоно общества, надъ которымъ они такъ часто насмѣхались. Конечно, ей только пріоткрыли двери и кивнули, и она сейчасъ же подбѣжала. Но стоило ли бросать камень—развѣ самъ онъ не испыталъ притягивающей силы честнаго мѣщанства? Только за послѣднее свиданіе онъ ее осуждалъ, потому что это было легкомысленнымъ прости всей прежней жизни, послѣдней сумасбродной шалостью пе-

редь возвращеніемъ къ корректнѣйшему изъ корректнаго. Возможно ли! Такое безграничное самопрезрѣніе, такая циничная насмѣшка надъ собой, которая охватывала его и все, что они имѣли общаго въ воспоминаніяхъ и надеждахъ, воодушевленіи и святыхъ идеяхъ. Это приводило его въ бѣшенство и заставляло краснѣть. Но былъ ли онъ правъ? Потому что, съ другой стороны, она только честно сказала: вотъ это и это тянетъ меня въ другую сторону, тянетъ сильно, но я признаю твое право, больше чѣмъ ты самъ это требуешь, и вотъ я тутъ, если можешь меня взять, бери; не можешь—я уйду туда, гдѣ больше силы.—А если это было такъ, то развѣ не имѣла она потомъ права?.. Онъ не могъ ея взять...при всей рѣшимости, все могло зависѣть отъ какой-нибудь мелочи, отъ оттѣнка мысли, отъ настроенія.

Если бы только онъ зналъ то, что она по крайней мѣрѣ за секунду *должна* была знать. Ему такъ неохотно думалось о томъ, за что онъ не могъ не обвинять ее. Не изъ-за нея одной только—это всего менѣе, но изъ-за того, что это какъ будто пятнало его знамя. Конечно, только съ логической точки зрѣнія, но хотя бы и такъ.

Какъ бы она ни оставила его, одно было ясно, что теперь онъ былъ одинокъ; онъ ощущалъ это какъ утрату, но нѣсколько позднѣе это стало ему

облегченіемъ. Какъ сильно онъ ни былъ занятъ Фру Бойе, все же годъ въ Лѣнборгорѣ и за границей былъ для него невольнымъ отдыхомъ, и то, что онъ за этотъ годъ такъ разносторонне созналъ свои преимущества и свои недостатки, могло только увеличить его желаніе употребить свои силы на спокойную работу безъ помѣхи. Не творить—на это еще было время—но собраться съ силами; еще такъ много долженъ былъ онъ себѣ усвоить, такъ необозримо много, что онъ начиналъ измѣрять недовѣрчивыми глазами кратковременную жизнь. Онъ и прежде не расточалъ своего времени, но такъ легко сдѣлаться зависимымъ отъ отцовскаго книжнаго шкафа, и такъ просто продолжать работать на тѣхъ же путяхъ, которые другихъ вели къ цѣли, и потому въ обширномъ мірѣ книгъ онъ не искалъ земли, годной для разведенія своего винограда, но шель туда, куда вели его отцы; вѣрный авторитету, онъ закрывалъ глаза на многое, что могло лучше показать ему великую ночь Эдды и сагъ; онъ закрывалъ свои уши отъ многого, что звало его прислушаться къ мистическимъ голосамъ природы въ народныхъ пѣсняхъ. Теперь онъ понялъ наконецъ,—что не было никакой естественной необходимости въ томъ, чтобы быть древнимъ сѣверяниномъ или романтикомъ; что проще говорить самому о своихъ сомнѣніяхъ, чѣмъ вла-

гать ихъ въ уста Горму Локедиркеру; что разумнѣе находить звуки для тайнъ своего существованія, чѣмъ взывать къ монастырскимъ стѣнамъ средневѣковья и слышать въ отвѣтъ слабое эхо своего собственнаго голоса.

Онъ не закрывалъ глазъ и на новое время; но всегда больше былъ занятъ тѣмъ, что подслушивалъ, какъ новое неясно выражалось въ старомъ, чѣмъ прислушивался къ ясному и отчетливому голосу этого новаго въ немъ самомъ, и въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, потому что всегда на землѣ послѣ проповѣди новаго евангелія весь свѣтъ ревностно бросался на старыя пророчества.

Нильсъ съ одушевленіемъ бросился на новую работу. Онъ былъ охваченъ тѣмъ восторгомъ завоеванія, той жаждой причаститься могуществу науки, которые всякій служитель духа, какъ бы смиренно ни совершалъ онъ своего труда, все же испытывалъ когда-нибудь, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ скудныхъ часовъ. Кто изъ насъ, достигнувшій возможности заботиться о развитіи своего духа, кто изъ насъ не смотрѣлъ пристальнымъ, одушевленнымъ взоромъ на огромное море знанія и кого не тянуло къ свѣтлымъ водамъ его, чтобы съ легковѣрною заносчивостью юности, подобно ребенку сказки, вычерпать это море пустыми руками. Ты помнишь ли еще, что солнце

можетъ улыбаться лѣтомъ надъ прекрасною страной: передъ тобою были цвѣты, или облака, или ручьи; праздники жизни проходили мимо тебя; они не будили ни одной мечты въ твоей крови; даже родина была тебѣ далека; ты это еще помнишь? И помнишь ли ты, какъ все это, замкнутое и объединенное, вставало предъ тобой съ пожелтѣвшихъ страницъ книги въ видѣ произведенія искусства, сильнаго самимъ собой, и становилось твоимъ собственнымъ въ каждой своей частности, и твой духъ жилъ въ цѣломъ.

Когда колонны, мощно округленные, возносились стройно въ сознаніи своей силы, это былъ твой смѣлый подъемъ, это ты возносился гордо; и когда арка висѣла въ воздухѣ, камень за камнемъ собирая всю свою тяжесть и всѣмъ вѣсомъ увѣренно опускаясь на плечи колоннъ, это твоя мечта осуществлялась о невѣсомомъ пареніи, потому что увѣренность, съ которой арка опускалась, это былъ уже ты, ступающій своей ногой на свои владѣнія.

Да, такъ это было. Такъ растетъ наше существо вмѣстѣ съ ростомъ нашего знанія, выявляясь, въ немъ и сосредоточиваясь. Учиться такъ же хорошо, какъ жить. Не бойся потерять себя въ общеніи съ сильнѣйшимъ духомъ, чѣмъ ты. Не сиди и не высиживай боязливо свою индивидуальность, не запирайся отъ того, что сильно,

изъ боязни быть увлеченнымъ и потерять въ мощномъ потокѣ милыя тебѣ твои самыя глубокия особенности. Будь спокоенъ: индивидуальность, которая теряется, когда ей предоставлена возможность пышнаго развитія, была бы лишь вредомъ, лишь безсильнымъ росткомъ, который сохранялъ свои особенности, покуда боленъ былъ свѣтобоязнью. А ты долженъ жить тѣмъ, что есть въ тебѣ *здороваго*; только изъ здороваго вырастаетъ великое.

Рождественскій сочельникъ подошелъ совсѣмъ неожиданно для Нильса Люне.

Полгода онъ нигдѣ не бывалъ, только изрѣдка у статскаго совѣтника, и отъ него имѣлъ приглашеніе провести сочельникъ. Но послѣднее Рождество было въ Кларенсѣ, и потому ему хотѣлось остаться одному. Часа два спустя послѣ того, какъ стемнѣло, онъ вышелъ.

Было вѣтрено. Тонкій, еще не совсѣмъ утоптаный снѣжный покровъ лежалъ на улицахъ, дѣлая ихъ шире, а бѣлый снѣгъ на крышахъ и карнизахъ придавалъ домамъ праздничный, но одинокій видъ. Мигающіе отъ вѣтра уличные фонари разсѣянно бросали свой свѣтъ вдоль стѣнъ, такъ что тамъ и сямъ внезапно пробуждалась вывѣска отъ своихъ сновъ и начинала глазѣть

передъ собой своими крупными буквами и выпи-
санными нелѣпостями. И полуосвѣщенные окна
магазиновъ, убранство которыхъ въ хлопотахъ
дня пришло въ безпорядокъ, выглядѣли иначе,
чѣмъ прежде; что-то странное произошло съ ними,
будто они углубились въ себя.

Онъ свернулъ въ узкіе переулки, гдѣ празд-
никъ былъ, повидимому, въ полномъ разгарѣ,
потому что изъ подваловъ и жилищъ на уровнѣ
земли постоянно доносились звуки то скрипки,
но чаще гармоники, неумоимо выводящіе мотивы
простонародныхъ танцевъ, которые такъ просто-
душно исполнялись, что казались скорѣе выра-
женіемъ какой-то веселой плясовой работы, чѣмъ
подлиннаго праздничнаго настроенія. Но у него,
стоящаго на воздухѣ и благодаря своему одино-
честву настроеннаго полемически противъ всякой
общественности, это вызвало представленіе едва
передвигаемыхъ ногъ и чада. Ему гораздо болѣе
былъ симпатиченъ тотъ молодой рабочій, кото-
рый стоялъ передъ слабо освѣщеннымъ окошкомъ
лавочки со всякимъ хламомъ и разсуждалъ со
своими дѣтьми объ одномъ изъ многоцѣнныхъ
чудесъ, находящихся на выставкѣ, желая устано-
вить твердо, что будетъ выбрано для покупки,
прежде чѣмъ войти въ этотъ адъ искушенія. А
потомъ эти скромныя старыя дамы, одна изъ ко-
торыхъ попадалась ему навстрѣчу чуть-ли не

каждые сто шаговъ, всѣ въ удивительнѣйшихъ накидкахъ давно исчезнувшихъ временъ, всѣ съ мягкими, боящимися людей, движеніями старой шеи, какъ у недовѣрчивыхъ пугливыхъ птицъ, всѣ съ чѣмъ-то неувѣреннымъ и отшельничьимъ въ походкѣ, какъ будто онѣ день за днемъ сидѣли, позабытыя, въ глуши четвертыхъ этажей, и объ нихъ вспоминали лишь въ одинъ вечеръ за цѣлый годъ и брали ихъ съ собой. Ему было грустно думать объ этомъ, болѣзненное чувство шевелилось въ его сердцѣ, когда онъ представлялъ себѣ въ воображеніи медленно протекающую жизнь такой старой одинокой дѣвушки; въ его ушахъ мучительно звучало медленное, мѣрное тикъ-такъ, тикъ-такъ часовъ, наполняющихъ бессмысленно пустыми секундами чашу дня.

Онъ долженъ былъ понять, что можетъ вынести сегодняшній рождественскій ужинъ, и пошелъ назадъ той же дорогой, которой пришелъ; онъ испытывалъ полусознательный страхъ, что въ другихъ улицахъ забрезжетъ по новому одиночество, всплыветъ иная отчужденность, чѣмъ та, которая его встрѣтила здѣсь, и горечью запечатлѣла уста его.

Тамъ, на большихъ улицахъ онъ вздохнулъ свободнѣе, пошелъ быстрѣе, съ нѣкоторымъ упорствомъ въ походкѣ, порывая всякое общеніе съ тѣмъ, что осталось сзади, и думая, что это одиночество имъ выбрано самимъ.

Потомъ вошелъ въ одинъ изъ большихъ ресторановъ.

Ожидая ужина, сидѣлъ онъ и наблюдалъ изъ-за стараго приложения къ газетѣ входившихъ. Это были почти все молодые люди; одни изъ нихъ входили одиноко; другіе съ немного вызывающимъ видомъ, какъ бы желая запретить присутствующимъ принять ихъ за товарищей по несчастью; третьи шли сюда, не скрывая своей горести, что ихъ никуда не позвали въ такой вечеръ; но всѣ выказывали совершенно определенное стремленіе къ уединеннымъ угламъ и отдаленнымъ столикамъ. Много приходило по двое, и большею частью это было ясно, что это братья; Нильсъ никогда не видѣлъ столько братьевъ въ одномъ мѣстѣ; очень часто они совсѣмъ не были похожи другъ на друга одеждой и манерами, и ихъ руки еще яснѣй свидѣтельствовали о томъ, какъ различно бываетъ положеніе двухъ братьевъ въ жизни. Очень рѣдко при ихъ входѣ, или позднѣе, въ разговорѣ обнаруживалась дѣйствительная близость отношеній; одинъ чувствовалъ свое превосходство, другой былъ подобострастенъ; иногда одинъ бѣжалъ на встрѣчу, а другой уклонялся отъ нея; и тогда съ обѣихъ сторонъ воцарялась бдительная внимательность, или еще хуже, невысказываемое осужденіе намѣреніямъ, надеждамъ и поступкамъ

противной стороны. Для многихъ братьевъ, очевидно, долженъ былъ прійти такой великій вечеръ и въ связи съ нимъ чувство одиночества, чтобы они вспомнили о своей кровной близости и пришли вмѣстѣ.

Въ то время какъ Нильсъ размышлялъ надъ этимъ и дивился тому терпѣнью, съ которымъ эти люди ждали и опять стучали, громко звали кельнера, какъ будто молча согласившись насколько можно вытравить на этомъ помѣщеніи клеймо ресторана,—въ то время какъ онъ надъ этимъ размышлялъ,—среди входившихъ бросился ему въ глаза знакомый, и этотъ внезапный взглядъ знакомаго лица среди столькихъ незнакомыхъ, засталъ его врасплохъ настолько, что онъ принужденъ былъ встать и поздравить вошедшаго съ наступающимъ праздникомъ.

— Вы ждете кого-нибудь,—спросилъ вошедшій, оглянувшись кругомъ.

— Нѣтъ, solo.

— Тогда это отлично.

Вновь пришедшій былъ докторъ Јеррильдъ, молодой человекъ, съ которымъ Нильсъ раза два встрѣчался и разговаривалъ у статскаго совѣтника, и о которомъ онъ узналъ, не изъ его, конечно, словъ, а по нѣкоторымъ насмѣшливымъ намекамъ статской совѣтницы, что въ вопросахъ религіи онъ былъ крайне свободомыслящимъ; изъ

его же собственныхъ словъ онъ видѣлъ, что въ политикѣ, наоборотъ, Јеррильдъ былъ совсѣмъ другого образа мыслей. Такого рода люди прежде не встрѣчались у статскаго совѣтника, который самъ былъ настолько же вѣрный сынъ церкви, насколько либераль, а докторъ принадлежалъ, отчасти по своимъ взглядамъ отчасти благодаря вліянію своей покойной матери, къ тѣмъ многочисленнымъ въ то время кругамъ, въ которыхъ на новую свободу смотрѣли, отчасти, недоувѣрчивымъ, отчасти, враждебнымъ взглядомъ, и гдѣ въ религіозномъ отношеніи были настроены скорѣй рационалистически, чѣмъ атеистически, если не считать индифферентизма и мистицизма, что тоже встрѣчалось. Въ этихъ кругахъ, которые, впрочемъ, были самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, находили, что Голштинія должна быть не менѣе близка сердцу, чѣмъ Ютландія, не чувствовали никакого сродства со шведами и не принадлежали непременно къ молодой Даніи. Наконецъ, Мольера знали лучше, чѣмъ Хольберга, Баггезена лучше, чѣмъ Оленшлегера, и были нѣсколько слащавы въ своихъ художественныхъ вкусахъ.

Подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ имъ взглядовъ развивался Јеррильдъ.

Онъ смотрѣлъ на Нильса неувѣреннымъ взглядомъ, въ то время какъ тотъ дѣлился съ

нимъ своими наблюденіями надъ другими гостями и особенно останавливался на томъ, какъ они стыдились, что у нихъ нѣтъ ни своего дома, ни друзей, гдѣ бы они могли провести этотъ вечеръ.

— Да, мнѣ это понятно,—говорилъ онъ холодно и почти враждебно.—Въ рождественскій сочельникъ сюда идутъ не по доброй волѣ и, конечно, не могутъ не имѣть унижительнаго сознанія своей отчужденности, все равно происходящей отъ самого себя или отъ другихъ. Не хотите ли сказать мнѣ, почему вы здѣсь? Если не хотите, скажите только нѣтъ.

Нильсъ коротко отвѣтилъ, что прошлый сочельникъ онъ провелъ съ матерью, которая потомъ умерла.

— Извините меня,—сказалъ Джеррильдъ,—съ вашей стороны было такъ дружелюбно отвѣтить мнѣ; вы должны меня извинить, я такъ недоувѣрчивъ. Я хочу сказать вамъ, что, конечно, можно представить себѣ людей, которые приходятъ сюда юношески порѣзвиться въ сочельникъ, а я, знаете ли, здѣсь изъ уваженія къ сочельнику другихъ людей. Это первый сочельникъ, что я не провожу въ какой-нибудь любезной семьѣ, знакомой мнѣ еще по родному моему городу; такъ ужъ пришло мнѣ въ голову, что я стою имъ на дорогѣ, когда они поютъ свои рож-

дественскіе псалмы. Не потому, чтобы они стѣснялись—для этого они слишкомъ дѣловиты,—но мнѣ кажется, ихъ непріятно задѣваетъ, что тутъ же сидить кто-то, для кого эти пѣснопѣнія пустой звукъ и больше ничего.

Они поужинали почти молча, потомъ рѣшили пойти куда-нибудь въ другое мѣсто. Никому изъ нихъ не доставляло удовольствія видѣть сегодня золотыя рамы и красные диваны, которые они могли видѣть во всякій другой день года, и потому они пошли въ кафе, въ которомъ никогда не были.

Но тотчасъ же увидѣли, что здѣсь имъ не придется остаться.

Хозяинъ, кельнера и два ихъ пріятеля играли въ три листика съ двумя козырями; жена и дочери хозяина слѣдили за игрой и накрывали столъ, но не для нихъ. Одинъ изъ кельнеровъ принесъ имъ то, что они потребовали. Они поторопились выпить и ушли, замѣтивъ, что служатъ помѣхой, такъ какъ съ ихъ приходомъ всѣ сразу стали говорить тише, а хозяинъ, до сихъ поръ сидѣвшій въ одномъ жилетѣ, не утерпѣлъ и пошелъ надѣть сюртукъ.

— На сегодняшній вечеръ мы безъ пріюта,—сказалъ Нильсъ, когда они шли по улицѣ.

— Да, это въ порядкѣ вещей,—нѣсколько патетически отвѣтилъ Джеррильдъ.

Они стали говорить о христіанствѣ: тема носилась въ воздухѣ.

Нильсъ говорилъ противъ христіанства горячо, но довольно общими мѣстами.

Деррильду было скучно вступать въ пренія, которыя для него уже были устарѣлыми, и поэтому онъ неожиданно, безъ особенной связи съ предыдущимъ, сказалъ: — Берегитесь, г-нъ Люне; христіанство—это сила. Глупо агитировать противъ истины, царящей въ настоящее время, въ пользу ея преемницы.

— Глупо или нѣтъ, съ этимъ считаться не приходится.

— Не говорите такъ легкомысленно; въ мои намѣренія не входило сказать вамъ пошлость, что это глупо въ матеріальномъ отношеніи; это глупо въ идеѣ, и даже больше того. Берегитесь; если это только не совершенно необходимо для вашей индивидуальности, не привязывайтесь слишкомъ прочно къ этой мысли именно *теперь*. У васъ, какъ у поэта, столько другихъ интересовъ.

— Право, я не понимаю васъ; вѣдь не могу же я съ собою обращаться какъ съ шарманкой, и вынудъ мало популярную арію, замѣнить ее другой, которую насвистываетъ каждый.

— Не можете? Однако, есть люди, которые могутъ. Но вѣдь вы можете сказать: вотъ этого я не играю. Вообще въ этомъ направленіи можно

сдѣлать гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Человѣкъ связанъ ужь не *такъ* тѣсно. Если вы будете постоянно упражнять свою правую руку, то вызовете этимъ притокъ крови, который будетъ ее питать насчетъ другихъ членовъ, а ваши ноги, употребляемая только въ случаѣ крайней необходимости, сами собой сдѣлаются тоньше.

Вы понимаете смыслъ этой картины? Посмотрите же только, какъ лучшіе силы страны обратились исключительно на политическое освобожденіе. Посмотрите только, и пусть будетъ это вамъ наукой. Вѣрьте мнѣ, для человѣка обольстительное счастье заключается въ борьбѣ за идею, которая пробиваетъ себѣ дорогу, и полная деморализація въ томъ, чтобы принадлежать къ растерянному меньшинству, которое сама жизнь, развивающаяся въ извѣстномъ направленіи, шагъ за шагомъ, пунктъ за пунктомъ, признаетъ неправымъ. Иначе и быть не можетъ, потому что такъ горько и тяжело видѣть, какъ истина и справедливость, которая составляла твое глубочайшее убѣжденіе, подвергается издѣвательствамъ и побоямъ какого-нибудь жалкаго погонщика побѣдныхъ войскъ, слышать брань на нее и ничего не быть въ состояніи сдѣлать, а только любить ее еще вѣрнѣе, преклоняться передъ ней съ еще большимъ уваженіемъ въ сердцѣ и хранить ея

прекрасный образъ все такимъ же яснымъ и высокимъ, исполненнымъ безсмертнаго свѣта, сколько бы ни клубилось пыли вокругъ ея бѣлаго лба и какъ бы густо ни вздымался ядовитый чадъ вокругъ ея величія. Такъ горько и печально, что наша душа неминуемо терпитъ ущербъ, вѣдь такъ недалеко отсюда до того, чтобы утолить сердце ненавистью, вызвать холодныя тѣни презрѣнія, и, смертельно уставъ, предоставить міру итти своимъ порядкомъ. — Конечно, если имѣешь въ себѣ что-то, и вмѣсто того, чтобы выбирать легчайшее и изъ всѣхъ узловъ, затягивающихъ тебя со всѣмъ міромъ, всегда вытаскивать себя самого, — оставаться стойкимъ и, напрягая силы, выносить ударъ за ударомъ, не давая слабѣть своей надеждѣ до конца, прислушиваться къ неяснымъ звукамъ, возвѣщающимъ инныя времена; если можешь сохранять свою зоркость, чтобы высматривать слабый отдаленный свѣтъ, который, можетъ быть, когда-нибудь и засіяетъ, — да, если это ты въ себѣ имѣешь! Но не пытайтесь, Люне! Подумайте только, чѣмъ должна быть жизнь такого человѣка, если бы даже онъ самъ могъ этимъ удовлетвориться. Не имѣть возможности говорить безъ того, чтобы крики и насмѣшки не отравляли его рѣчи ядомъ. Всѣ свои слова видѣть извращенными, оскверненными, умышленно исковерканными, видѣть ихъ брошенными подъ ноги

и, поднявъ ихъ изъ грязи, находить весь свѣтъ глухимъ. И тогда начинать все снова, и съ такимъ же результатомъ, только съ другого мѣста. И въ концѣ концовъ, что можетъ быть и есть самое тяжелое, видѣть, что тебя презирають и ложно судять люди, которыхъ ты, несмотря на разницу въ убѣжденіяхъ, уважаешь. Такъ *должно* быть и иначе быть не можетъ. Оппозиція не должна думать, что ее принимаютъ за то, что она есть въ дѣйствительности и чѣмъ хочетъ быть; ее принимаютъ за то, что власть имѣющимъ *хочется* и нужно въ ней видѣть; не можетъ вѣдь власть, допускающая противъ слабѣйшаго и злоупотребленіе властью, быть двумя различными вещами? И никто не станетъ требовать, чтобы власть ослабляла сама себя изъ желанія бороться равнымъ оружіемъ. Поэтому-то борьба оппозиціи и бываетъ такой мучительной и изнуряющей. И думаете ли вы, что человѣкъ, чувствуя когти коршуна въ своемъ глѣзѣ, можетъ выносить борьбу безъ самаго упрямаго и самаго слѣпago одушевленія, т.-е. фанатизма? Фанатизмъ ради идеи, что никакого Бога *нѣтъ*!— а безъ фанатизма нѣтъ побѣды. Тише! Слушайте!

Они остановились подъ окномъ, гдѣ занавѣска была раздвинута и въ открытую форточку несло къ нимъ пѣніе женскихъ и дѣтскихъ голосовъ:

Дитя родилось въ Виелеемѣ,
Въ Виелеемѣ!
Радуйся нынѣ, Іерусалимъ,
Аллилуія, аллилуія!

Молча пошли они дальше. Звуки рояля неслись за ними слѣдомъ по улицѣ.

— Слышали вы? — сказалъ Жеррильдъ, — слышали вы, какое вдохновеніе звучало въ этой древней еврейской пѣснѣ побѣды? — и это два имени еврейскихъ городовъ! — Іерусалимъ, это уже не только символъ: весь городъ, Копенгагенъ, Данія; это были мы, христіанобивѣйшій народъ изъ народовъ.

— Нѣтъ Бога, и человѣкъ пророкъ его! — сказалъ Нильсъ съ горечью и въ то же время съ печалью.

— Да, неправда-ли! — глумился Жеррильдъ и продолжалъ: — атеизмъ это сама трезвость, и цѣль его въ концѣ концовъ только разрушеніе человѣческихъ иллюзій. Вѣра въ правящаго, карающаго Бога есть послѣдняя великая иллюзія человѣчества, и что же будетъ, когда оно и ее потеряетъ? Тогда оно станетъ разумнѣе; — но богаче ли, счастливѣе? Не думаю.

— Но все-таки, — воскликнулъ Нильсъ Люне, — развѣ вы не понимаете, что въ тотъ день, когда человѣчество будетъ въ состояніи свободно ликовать: „нѣтъ Бога“, какъ по мановенію волшеб-

ства, будутъ созданы новое небо и новая земля? Только тогда небо станетъ свободнымъ, безконечнымъ пространствомъ, а не угрожающей смирительной рубахой. Только тогда земля впервые станетъ нашей, а мы земными, когда тотъ свѣтъ съ его темнымъ блаженствомъ и изгнаніемъ лопнетъ, какъ пузырь. Земля вправду станетъ нашей родиной, отечествомъ душъ нашихъ, куда мы будемъ приходить не на короткій промежутокъ времени, какъ чужіе гости, а на все свое время. И какую интенсивность это придастъ земной жизни, когда все будетъ вмѣщаться въ ней, и ничего не будетъ по ту сторону ея. Огромный потокъ любви, летящій теперь къ Богу, въ котораго вѣрятъ, — когда опустѣетъ небо, изольется на землю, на всѣ прекрасныя человѣческія качества и силы, которыя въ насъ спятъ, и которыми мы украшаемъ божество, чтобы сдѣлать его достойнымъ своей любви. Доброта, справедливость, мудрость, да можно ли исчислить все? Развѣ вы не понимаете, насколько благороднѣе станутъ люди, когда они будутъ въ состояніи свободно жить свою жизнь и дожидаться смерти, не боясь ада и не надѣясь на царствіе небесное, а только самихъ себя боясь и на самихъ себя надѣясь? Какъ разовѣется совѣсть, и какое это будетъ торжество, когда не имѣющіе себѣ дѣла раскаяніе и смиреніе ничего не будутъ искупать, да и ни-

какихъ вообще искупленій не будетъ, только искажаемое зломъ опять будетъ становиться добрымъ при помощи добра.

— У васъ должно быть удивительная вѣра въ человѣчество; атеизмъ предъявляетъ къ нему гораздо большія требованія, чѣмъ христіанство.

— Естественно!

— Естественно; но откуда возьмете вы этихъ сильныхъ духомъ индивидуумовъ, которые необходимы вамъ для того, чтобы объединить ваше атеистическое человѣчество?

— Мало-по-малу атеизмъ самъ ихъ воспитываетъ; ни это поколѣніе, ни ближайшее, ни слѣдующее не будутъ еще въ состояніи принять атеизмъ, я это хорошо вижу; но въ каждомъ поколѣніи будутъ всегда отдѣльныя личности, которыя будутъ въ состояніи съ честью завоевать жизнь и смерть, опираясь на атеизмъ, и съ теченіемъ времени они образуютъ цѣлый рядъ духовныхъ предковъ, на которыхъ потомки будутъ съ гордостью ози-раться, воспитывая на созерцаніи ихъ свои силы. Въ началѣ окружающія условія будутъ очень трудны, лучшіе погибнутъ въ борьбѣ, а побѣдители принесутъ разорванныя знамена, потому что традиціи впитываются до глубины мозга, и потому что человѣкъ имѣетъ въ себѣ, кромѣ мозга, въ которомъ долженъ быть увѣренъ, еще и кровь и нервы, надежды и желанія и, можетъ быть, мечты.

Но это все равно, и будетъ время, когда немногіе станутъ многими.

— Вы вѣрите?—Я ищу названія; развѣ нельзя назвать это набожнымъ атеизмомъ?

— Истинный атеизмъ всегда... началъ Нильсъ, но Джеррильдъ быстро прервалъ его.

— Конечно! — сказалъ онъ,—конечно; дайте только намъ окончательно овладѣть одною дверью, однимъ только игольнымъ ухомъ для верблюдовъ всей земли!

X.

Къ началу лѣта Эрикъ Рефструпъ возвратился изъ Италіи послѣ двухлѣтняго отсутствія. Онъ уѣхалъ скульпторомъ, а вернулся живописцемъ. Ему уже удалось продать нѣсколько картинъ и получить заказы на другія.

Что онъ пришелъ къ этому не сразу, могло случиться благодаря той строгости рамокъ, съ которой онъ сосредоточивалъ свой талантъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ крупныхъ многообѣщающихъ талантовъ, которымъ лавры сами даются въ руки, путь которыхъ на землѣ подобенъ шествію Вакха: ликуя идетъ онъ и всюду сѣетъ золотыя сѣмена, а надъ нимъ витаетъ геній. Онъ былъ изъ тѣхъ, въ которыхъ затаена мечта, у

которыхъ святая тишина только въ одномъ изъ уголковъ души, гдѣ они и больше всего и меньше всего являются самими собой. И въ ихъ творчествѣ звучить всегда одинъ и тотъ же тоскливый напѣвъ, и каждое ихъ произведеніе несетъ одну и ту же печать сродства, какъ если бы всѣ они были картинами одной и той же страны, какого-нибудь укромнаго уголка въ горахъ. Таковъ былъ Эрикъ. Ныряя въ океанъ прекраснаго, онъ выносилъ на свѣтъ всегда одну и ту же жемчужину.

Его картины были невелики. На первомъ планѣ одинокая фигура, синеватая отъ своихъ собственныхъ тѣней, сзади страна, поросшая верескомъ, поля или лѣсъ, на горизонтѣ желтый свѣтъ заходящаго солнца. На одной изъ нихъ была молодая дѣвушка, гадавшая по итальянски. Она стояла на колѣняхъ на мѣстѣ, гдѣ бурная земля проглядывала изъ-за низкой травы; снявъ со своего ожерелья серебряные сердце, крестъ и якорь, она разбросала ихъ по землѣ. Наивно прикрывая глаза свои одной рукой, она другой рукою ищетъ, не зная, что ей выйдетъ: невыразимое ли счастье любви, горькая печаль, облегчаемая крестомъ, или надежда будничной судьбы. Она еще не рѣшается коснуться земли, рука робко протянута въ холодныхъ таинственныхъ тѣняхъ, щеки горятъ, а на устахъ лежитъ какъ будто молитва и печаль въ одно и то же время.

Въ воздухѣ все такъ торжественно, алый закатъ на краю неба, пылкій и дикій, вселяетъ тревогу, и все поле полно такой грустью. „Если бы я только знала:—счастье любви, невыразимое,—горькая печаль, облегчаемая крестомъ, или надежда будничной судьбы“?

Была еще другая картина, гдѣ она стоитъ и смотритъ въ темное поле, сложивъ руки и приклонясь къ нимъ щекой, такая милая въ своемъ наивномъ порывѣ, немного несчастная оттого, что злая жизнь ведетъ ее такую дорогой. Отчего не приходитъ Эротъ съ цѣлующимися розами, или онъ думаетъ, что она еще слишкомъ молода? Пусть бы онъ только посмотрѣлъ какъ бьется ея сердце, пусть бы онъ только дотронулся до него своей рукой—вѣдь тамъ скрывается цѣлый міръ, который она такъ хочетъ пробудить. Почему ничто не зоветъ ее? Цѣлый міръ лежитъ тамъ внутри, сокрытый, какъ въ почкѣ цвѣтокъ, во всей своей красотѣ и прелести, лежитъ лишь для самого себя, заключенный и стиснутый въ самомъ себѣ. И знаетъ, что есть то, о чемъ онъ не знаетъ. Вѣдь нисходитъ же что-то такъ жарко на древесныя почки, отъ чего все свѣтлѣетъ внутри до самой алѣющей темноты, гдѣ запахъ, предчувствуя самъ себя, лежитъ, дрожа отъ слезъ. Отчего жъ не сойдетъ на нее? Или никогда не суждено проявиться тому, что предчувствуется. Ни-

когда не воспользуется она своими богатствами, никогда не раскроется и не проснется, хоть и будутъ надъ ней лучи солнца! Ахъ, она совсѣмъ ужъ устала ждать Эрота! Ужъ дрожать ея губы отъ приближенія слезъ, безнадежно блуждаетъ въ пространствѣ ея взоръ, все больше и больше и все печальнѣе клонится ея маленькая головка, и тонкій профиль обращается туда, гдѣ легкій вѣтеръ несетъ красноватую пыль сквозь темно зеленые кусты дрока къ золотому небу.

Такъ рисоваль Эрикъ, и то, что онъ хотѣлъ сказать, находило постоянно выраженіе въ картинахъ, подобныхъ этой. Онъ воображалъ себѣ другія, стремился иногда вырваться изъ этого узкаго круга, въ который онъ себя заключилъ, но какъ только выходилъ изъ него, и пробовалъ себя на другомъ, сейчасъ же чувствовалъ, что онъ охладѣваетъ, становится раздражительнымъ и приходитъ въ дурное расположеніе духа. Когда онъ возвращался къ прежнему послѣ такихъ неудачныхъ выступленій, во время которыхъ онъ всетаки учился больше, чѣмъ самъ объ этомъ догадывался, онъ становился Эрикомъ Рефструпомъ еще въ большей степени, чѣмъ до сихъ поръ, еще смѣлѣе отдавался тому, что было ему свойственно, отдавался съ какой-то жгучей искренностью, полный набожности, запечатлѣвавшей каждый его маленькій поступокъ и проявлявшейся

сильнѣй всего тогда, когда онъ оставался самъ съ собой. Было такъ, какъ будто эти дивныя видѣнія, расцвѣтавшія передъ нимъ—младшія сестры стройныхъ женщинъ Пармеджіанино съ ихъ высокими шеями и длинными узкими руками принцессъ,—сидѣли съ нимъ за пиромъ и подавали ему кубокъ движеніемъ, полнымъ прелести и благородства, какъ будто онъ таинственными своими улыбками, какъ у Луини, неуловимо тонкими, исполненными сладости и тайны, держали его крѣпко во власти своихъ чистыхъ чаръ.

Но часто послѣ вѣрнаго служенія божеству, другія силы брали надъ нимъ верхъ; имъ вдругъ овладѣвалъ бѣшенный порывъ къ грубымъ утѣхамъ и грубымъ наслажденіямъ; онъ отдавался ему, объятый человѣческою жадной самоуничтоженія, которое, опалая сердце униженіемъ, ложью и грязью, требуетъ такой же траты силъ, какъ и другая человѣческая жажда—жажда стать выше самого себя и чище.

Въ такія мивуты все было для него недостаточно грубо и сильно; но порывъ проходилъ и еще долго не наступало равновѣсіе, потому что, собственно, оно не было ему присуще—онъ былъ слишкомъ здоровъ, слишкомъ мало отравленъ грезами; и бывало необходимо уклоненіе въ сторону, противоположную его преданности искусству, оно даже похоже было на мѣсть, какъ будто его

натура чувствовала ущербъ отъ выбора той идеальной цѣли жизни, преслѣдовать которую его заставили обстоятельства его жизни.

Но эта борьба на двѣ стороны не была, однако, настолько живой, чтобъ вырваться наружу или чтобъ вызвать у него потребность примиренія съ окружающимъ. Нѣтъ, онъ былъ все тотъ же простой и жизнерадостный, нѣсколько угловатый благодаря своей робости въ чувствахъ человѣкъ, какъ и раньше, съ разбойничьей привычкой за все хвататься. Но все же борьба въ немъ была, и въ часы спокойствія, звучала, какъ колоколь затонувшаго на дно морское города, и никогда еще онъ и Нильсъ не понимали другъ друга такъ хорошо, какъ теперь. Они это чувствовали оба и молча заключили другъ съ другомъ новую дружбу. Когда наступили праздники, и Нильсу необходимо было ѣхать въ Фьордбю къ теткѣ своей Розалии, вышедшей замужъ за консула Клауди, Эрикъ поѣхалъ съ нимъ.

* * *

Большая дорога, идущая богатыми окрестностями Фьордбю, подходитъ къ городу между двухъ громадныхъ терновыхъ плетней, которыми консулъ Клауди огородилъ свой огородъ и большой бережный садъ. Куда идетъ дорога дальше—оканчивается ли она у двора консула, такого же

большого, какъ и базарная площадь, или дѣлаетъ поворотъ, уводя между сараями и дровянымъ дворомъ консула прямо въ городъ—это вопросъ спорный, потому что нѣкоторые путники дѣлаютъ поворотъ и идутъ дальше, а нѣкоторые остаются здѣсь и считаютъ цѣль достигнутой, добравшись до просмоленныхъ воротъ, всегда раскрытыхъ настежь и всегда съ висящими на нихъ для просушки кожами.

Всѣ постройки этого участка были стары, за исключеніемъ высокаго амбара, шиферная крыша котораго, скучная и мертвая, была послѣдней новостью строительнаго искусства въ Фьордбю. Длинное и узкое лицевое строеніе, выглядѣвшее такъ, какъ будто три большихъ мансарды насѣли на него и заставили стать на колѣни, сходило въ темномъ углу съ конюшней и пивоварней, а въ свѣтломъ съ амбаромъ. Въ темномъ углу была дверь изъ лавки, которая вмѣстѣ съ конторой, избой для работниковъ и людской составляла отдѣльный маленькій темный мірокъ; смѣшанный запахъ дешеваго табаку, грязнаго пола, москательныхъ товаровъ, сушеной рыбы и сырого сукна дѣлалъ тамъ запахъ настолько густымъ, что почти ощущался его вкусъ. Но если вы проходили черезъ контору, пронизанную чадомъ отъ сургуча, въ корридоръ, составлявшій границу между дѣловой и семейной частями дома, ца-

рящій здѣсь запахъ новыхъ дамскихъ нарядовъ подготовлялъ васъ къ нѣжному благоуханію цвѣтовъ въ комнатахъ. Это не былъ запахъ букета или живыхъ комнатныхъ цвѣтовъ, это была какая-то особенная, странная, пробуждающая воспоминанія атмосфера, которая бываетъ во всякомъ домѣ и о которой никто не можетъ сказать, откуда она. Каждый домъ имѣетъ свой собственный запахъ, напоминающій о тысячѣ вещей, о старыхъ перчаткахъ, о новыхъ игральныхъ картахъ, или открытомъ роялѣ, и вездѣ этотъ запахъ другой; онъ можетъ быть заглушенъ духами или сигарами, но не можетъ быть совсѣмъ уничтоженъ и всегда пробивается, все тотъ же, неизмѣнный, какъ прежде. Здѣсь царилъ запахъ цвѣтовъ, но не левкоевъ или розъ или вообще какихъ-нибудь опредѣленныхъ существующихъ цвѣтовъ, нѣтъ, такой запахъ, какой бываетъ у фантастическихъ, матово-сафирныхъ цвѣтовъ, вьющихся по стариннымъ фарфоровымъ вазамъ. И какъ онъ шелъ къ этой большой и низкой комнатѣ съ ея наслѣдственной мебелью и старомоднымъ изяществомъ! Полъ ея былъ такъ бѣлъ, какъ только бывали бѣлы полы у прабабушекъ, стѣны—одноцвѣтныя съ легкимъ, свѣтлымъ рисункомъ, подъ карнизомъ гирлянды, посреди потолка розетка, двери были съ желобками и блестящими мѣдными ручками въ видѣ дельфиновъ.

Передъ окнами съ мелкими стеклами висѣли воздушныя гардины филейной работы, бѣлыя, какъ снѣгъ, ниспадающія складками, и кокетливо перевязанныя цвѣтными бантами, какъ пологъ брачной постели Каридона и Филисы; на подоконникахъ цвѣли въ зеленыхъ горшкахъ старомодныя цвѣты, синіе нарциссы, голубые колокольчики, мелколистные мирты, ярко-красныя вербены и пестряя, какъ бабочки, герани. Но особенно мебель давала всему отпечатокъ; этотъ столъ, который нельзя было сдвинуть съ мѣста, пожелтѣвшаго краснаго дерева; стулья, спинки которыхъ огибали васъ, какъ лубки; всевозможная мебель съ разными ящичками; великаны-комоды съ инкрустаціей свѣтло-желтаго дерева, изображающей сцены изъ мифологіи: Дафнэ, Арахнею и Нарцисса; или маленькое бюро на тоненькихъ выгнутыхъ ножкахъ, каждый ящичекъ котораго былъ украшенъ мозаикой изъ дендрита, изображающей уединенный четырехугольный домикъ съ близъ растущимъ деревцомъ; и все это времени еще задолго до Наполеона. Или еще зеркало, на стеклѣ котораго бѣлой и бронзовой краской были нарисованы лотосы, плавающіе поверхъ сверкающаго озера; и еще диванъ, не какой-нибудь диванчикъ на четырехъ ножкахъ съ мѣстомъ для двоихъ, нѣтъ, крѣпко сработанный, массивный и подымающійся съ самага пола диванъ, цѣлая тер-

раса, къ которой съ каждой стороны придѣланы шкафики вышиной по грудь, а надъ ними еще другой меньшаго размѣра высотой до человѣческаго роста, служащій подставкой драгоцѣнному древнему кувшину изъ эпохи дѣтства людей. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у консула такъ много старинныхъ вещей: до него еще отецъ и дѣдъ находили себѣ отдыхъ въ этихъ стѣнахъ, когда не было работы на дровяномъ дворѣ или въ конторѣ.

Дѣдъ, Берендтъ Берендтсенъ Клауди, подъ фирмою котораго и теперь велось дѣло, основался на этомъ участкѣ и главнымъ образомъ занимаясь торговлей разными продуктами; отецъ завелъ дровяной дворъ, прикупилъ земли, выстроилъ амбаръ и развелъ оба сада; нынѣ здравствующій Клауди сильно увлекся продажей зерна, построилъ складъ, и сумѣлъ соединить положеніе англійскаго и ганноверскаго вице-консула и агента Ллойда съ дѣятельностью купца; зерно и нѣмецкое море давали ему такъ много дѣла, что въ другихъ отрасляхъ своего хозяйства онъ ограничивался поверхностнымъ общимъ надзоромъ, поручивъ все своему несостоятельному двоюродному брату и старому упрямому старостѣ, который чуть не каждый день требовалъ расчета, доказывая, что какъ бы тамъ ни шла торговля, а поля должны быть обработаны и что, когда онъ

пашеть, лошадей для перевозки дровъ могутъ брать гдѣ угодно—какого черта онъ будетъ давать своихъ? Но такъ какъ все-таки человѣкъ онъ былъ дѣльный, ему позволяли все это.

Консулу Клауди было около пятидесяти, это былъ видный мужчина съ правильными, до неуклюжести сильными чертами лица, одинаково легко принимавшими какъ выраженіе энергіи и холодной пронизательности, такъ и жадности къ наслажденіямъ; онъ одинаково чувствовалъ себя въ своей стихіи и тогда, когда обдѣлывалъ дѣльце съ хитрымъ крестьяниномъ или входилъ въ соглашеніе съ цѣлой толпой упорныхъ кредиторовъ, и тогда, когда сидѣлъ за послѣдней бутылкой краснаго вина съ другими сѣдыми грѣховодниками, слушая болѣе чѣмъ двусмысленные анекдоты или рассказывая ихъ самъ со всею красочностью, чѣмъ онъ особенно и славился.

Однако, это еще не весь человѣкъ.

Образованіе, которое онъ получилъ, сдѣлало то, что онъ чувствовалъ себя на чуждой почвѣ вездѣ, кромѣ вопросовъ чисто практическаго свойства; но онъ не относился презрительно вслѣдствіе этого къ тому, чего не понималъ, и не дѣлалъ тайны изъ того, въ чемъ былъ свѣдущъ; еще рѣже случалось ему участвовать въ разговорахъ и требовать уваженія къ своимъ словамъ на томъ лишь основаніи, что онъ старый, практи-

чески опытный и вполне обеспеченный человекъ. Напротивъ, онъ могъ сидѣть и съ трогательнымъ благоговѣніемъ прислушиваться къ разговору младшихъ, только изрѣдка вставляя скромный вопросъ съ подобающими извиненіями, на который почти всегда отвѣтъ слѣдовалъ съ величайшей готовностью; тогда онъ благодарилъ за него со всей обязательностью, которую старшіе такъ хорошо умѣютъ вкладывать въ свою благодарность младшимъ.

Въ общемъ консулъ Клауди въ лучшія свои минуты имѣлъ что-то поразительно нѣжное; взглядъ ясныхъ коричневыхъ глазъ бывалъ полонъ страстнаго ожиданія, на крѣпкихъ губахъ блуждала грустная улыбка; въ голосѣ былъ отзвукъ воспоминаній и звучало что-то ищущее, — какъ будто онъ стремился къ міру, лучшему въ его глазахъ, чѣмъ этотъ міръ, въ который онъ, по мнѣнію своихъ знакомыхъ и друзей, погрузился съ головой.

Между этимъ лучшимъ міромъ и имъ посредницей была его жена. Она была одной изъ тѣхъ блѣдныхъ и нѣжныхъ, дѣвственныхъ натуръ, которыя не имѣютъ достаточно мужества, а можетъ быть, также и инстинкта всецѣло отдаваться любви, такъ отдаваться, чтобы въ глубочайшей глубинѣ души не оставалось ничего не отдавагося. Даже на одинъ мигъ ихъ не можетъ охватить

любовь настолько, чтобы слѣпая, обезумѣвшая, бросались онѣ подъ побѣдную колесницу своего бога. На это онѣ не способны; но онѣ готовы на все для того, кого любятъ; онѣ могутъ исполнять самыя тяжелыя обязанности и приносить тяжчайшія жертвы, не останавливаясь ни передъ какимъ униженіемъ. Таковы лучшія изъ нихъ.

Такихъ большихъ требованій жизнь не предъявляла къ фру Клауди, но и не совѣмъ безпечально было ея супружество. Всѣмъ было извѣстно, что прошлое консула Клауди было не безупречно, и что онѣ имѣлъ много незаконныхъ дѣтей какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Разумѣется это причиняло ей большія страданія, и не легко ей было смирить свое сердце, чтобы оно воздержалось отъ ревности, презрѣнія, гнѣва, стыда и ужаса, охватившаго ее, когда она почувствовала, что твердая почва, на которой она стояла, колеблется у нея подъ ногами. Она не только не произнесла ни одного слова упрека, но даже отталкивала всякое признаніе со стороны мужа, всякую просьбу о прощеніи и все, что было похоже на раскаяніе или обѣщанія. Она чувствовала, что если она дастъ себѣ дойти до словъ, то они увлекутъ ее за собой и оторвутъ отъ него. Молча она должна была сносить все, и этимъ молчаніемъ старалась сдѣлать себя соучастницей мужа, обвиняя себя въ самозащитѣ,

которая не давала ей выказать свою любовь въ достаточно сильной степени. Ей удалось такъ преувеличить свою мнимую вину, что она почувствовала неопредѣленную потребность въ прощеніи и съ теченіемъ времени зашла въ этомъ такъ далеко, что пошла молва о дѣтяхъ соблазненныхъ консуломъ Клауди дѣвушекъ, будто бы они кромѣ денегъ получаютъ еще тайную поддержку со стороны женщины, охраняющей ихъ отъ всякаго зла, берегущей и поддерживающей.

Такъ грѣхъ обратился въ добро, и грѣшникъ и святая помогли другъ другу стать лучше.

У Клауди было двое дѣтей: сынъ, служившій въ одной торговой конторѣ въ Гамбургѣ, и девятнадцатилѣтняя дочь, которую звали Фенниморой по имени героини одного изъ романовъ фонъ-Пальцовъ, писательницы, очень цѣнимой во времена дѣвчества фру Клауди.

Феннимора и консуль были на берегу, когда подошелъ пароходъ, привезшій въ Фьордбю Нильса и Эрика. Нильсъ былъ приятно изумленъ, найдя кузину такой прелестной, потому что до сихъ поръ онъ зналъ ее только по ужасному старому семейному дагеротипу, гдѣ она была въ группѣ со своимъ братомъ и родителями, и гдѣ всѣ имѣли чахоточный румянецъ на щекахъ и сильную позолоту на золотыхъ украшеніяхъ. И тутъ онъ увидѣлъ ее такой милой въ свѣтломъ

утреннемъ платьѣ, въ черныхъ перевязанныхъ крестъ накрестъ башмакахъ; она, ступивъ одной ногой на бревно береговой обкладки, улыбалась и, наклонившись, протягивала ему ручку своего зонтика въ знакъ прѣвѣтствія раньше, чѣмъ пароходъ присталъ, какъ слѣдуетъ. Какъ алы были ея губы, какъ бѣлы зубы, какъ тонко обрисовывался ея лобъ и виски подъ широкой шляпой въ тѣни, которую давали низко спущенныя, черныя уни-занныя стеклярусомъ кружева. Наконецъ мостки были спущены, и консулъ пошелъ впередъ вмѣстѣ съ Эрикомъ, которому онъ представился, когда еще между ними было шесть локтей воды; тутъ же онъ впуталъ его въ шуточный разговоръ о мученіяхъ морской болѣзни съ отцвѣтшей вдовой шляпочника, которая также была на пароходѣ, а теперь былъ занятъ тѣмъ, что вызывалъ его удивленіе высокими липами передъ домомъ управителя области и новой шхуной на верфи То-маса Расмуссена.

Нильсъ шелъ съ Фенниморой за ними. Она обратила его вниманіе на то, что въ побережномъ саду были развѣшаны флаги въ честь его и его друга; потомъ начали говорить о статскомъ совѣтникѣ изъ Копенгагена. Она была согласна, что статская совѣтница немного—совсѣмъ немного, они не хотѣли произнести этого слова, и Фенни-мора тонко улыбнулась, сдѣлавъ рукой кошачье

движеніе, и очевидно это было достаточно ясно, потому что оба засмѣялись, а потомъ снова стали серьезны. Дальше шли молча, оба очень занятые мыслью о томъ, какое они произвели впечатлѣніе другъ на друга.

Феннимора представляла себѣ Нильса болѣе значительнымъ, съ болѣе выразившейся сущностью; опредѣленнѣе, характернѣе, какъ слово, подчеркнутое черной чертой. Нильсъ, наоборотъ, нашелъ гораздо больше, чѣмъ ждалъ. Онъ нашелъ ее прелестной, почти обворожительной, несмотря на ея слишкомъ нарядное платье и манеры провинціальной барышни. Когда они вошли въ переднюю, и она, снимая шляпу, поправила свои волосы удивительно граціознымъ, лѣнливимъ и мягкимъ движеніемъ руки, онъ почувствовалъ себя благодарнымъ ей за это движеніе, какъ будто оно было лаской, и потомъ, какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни не могъ освободиться отъ этого загадочнаго чувства благодарности, которое по временамъ такъ странно возростало, что онъ начиналъ думать о томъ, какое великое счастье осмѣлиться поблагодарить ее на словахъ за то, что она такъ мила и сладостна.

Скоро Нильсъ и Эрикъ стали чувствовать себя въ гостепріимной семьѣ консула совсѣмъ какъ дома, и черезъ нѣсколько дней всецѣло отдались пріятному бездѣлью, что и есть настоящая жизнь

на каникулахъ и что съ такимъ трудомъ защищается отъ дружескихъ посягательствъ добрыхъ людей; они должны были напрягать всѣ свои дипломатическія способности, чтобы избавляться отъ всѣхъ этихъ душныхъ вечернихъ собраний, большихъ прогулокъ по морю, лѣтнихъ баловъ и любительскихъ спектаклей, которые постоянно угрожали ихъ спокойствію. Они желали бы, чтобы усадьба и садъ консула были расположены на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ, и пугались, увидѣвъ чужое пальто въ передней или незнакомый рабочій мѣшочекъ на столѣ въ комнатѣ, не менѣе, чѣмъ Робинзонъ, открывшій слѣды ногъ на пескѣ. Они предпочитали оставаться одни, потому что не прошло и половины первой недѣли, какъ они оба влюбились въ Феннимору. Еще не той зрѣлой любовью, которая хочетъ и должна знать свою судьбу, которая хочетъ обладать и быть увѣренной; этого еще не было; это были еще только утренніе сумерки первой любви, какъ дивная весна стоящей въ воздухѣ и обжигающей предчувствіемъ, ожиданіе и безпокойство и тихо стучащееся счастье. Душа такъ мягко и легко настроена и готова такъ отдаться. Лучъ преломился въ озерѣ, зашумѣли листья, какой-нибудь цвѣтокъ зацвѣлъ—все получаетъ какую-то особенную силу. Неясныя надежды, которымъ нѣтъ названія, внезапно прорываются и льютъ свѣтъ

солнца на все въ мірѣ, и также внезапно солнце ужъ заходитъ; тихое уныніе, упадокъ духа наплывутъ, какъ облако поверхъ сіянія, окрашивая сверканіе надежды въ сѣрый, какъ слѣдъ отъ корабля на морѣ, цвѣтъ.—Такъ безнадежно, до истощенья безнадежно, такъ мучительно сладко отдаваться ея жребію, сердце полно жалости къ самому себѣ, самоотреченіе, отражаемое тихими элегіями, переходящее во вздохъ, полупритворный... и вотъ внезапно опять зашелестѣли розы; міръ грезъ выходитъ изъ тумана съ золотомъ сіянья на нѣжныхъ буковыхъ деревьяхъ, въ благоуханьѣ лѣтнихъ сумерекъ подъ сводомъ листвы, вѣющей надъ дорогами, которыя невѣдомо куда уводятъ.

Однажды вечеромъ всѣ послѣ чая собрались въ комнатѣ. О садѣ, или вообще о томъ, чтобы выйти на воздухъ, не могло быть и рѣчи; дождь лилъ ручьями. Они были въ плѣну, но этимъ ничуть не огорчались; было что-то по зимнему уютное въ этомъ сидѣніи за четырьмя стѣнами; дождя какъ будто все необходимо требовало, и когда онъ такъ сильно лился, падая тяжелыми каплями, этотъ звукъ волшебнымъ вызывалъ смутныя картины пышныхъ зеленыхъ луговъ и освѣженной зелени деревьевъ, и то одинъ то другой произносилъ про себя—„какой дождь!“ и, смотря сквозь стекла, чувствовалъ удовлетвореніе, полусознательно довольный тѣмъ, что было на дворѣ.

Эрикъ взялъ мандолину, которую онъ привезъ съ собою изъ Италіи, и пѣлъ подь ея звуки о Неаполѣ и сверкающихъ звѣздахъ, а теперь за роялемъ сидѣла молодая дама, пришедшая къ чаю, и аккомпанируя сама себѣ, пѣла: „Тамъ далеко за горами“ и заставляла долго звучать всѣ окончанія на а, чтобы выходило совсѣмъ по шведски.

Нильсъ не особенно былъ музыкаленъ; онъ пришелъ въ меланхолическое настроеніе отъ музыки и погрузился въ размышленія, пока не запѣла Феннимора.

Это пробудило его.

Но непріятно; ея пѣніе наполняло его безпокойствомъ. Она переставала быть простой провинціальной дѣвочкой, когда отдавалась звуку своего голоса;—въ томъ, какъ она давала себя увлекать этимъ звукамъ и какъ она въ нихъ выливалась—свободно, не сдерживаясь,—да, онъ чувствовалъ, въ этомъ было что то почти нецѣломудренное; какъ будто она пѣла передъ нимъ нагая. Такъ горячо становилось на сердцѣ, въ вискахъ стучало, и онъ опускалъ глаза. Никто больше этого не видѣлъ? Нѣтъ, они ничего не видѣли. Она вышла за предѣлы самой себя, она была далеко отъ Фьордбю, отъ поэтичности Фьордбю и отъ чувствъ Фьордбю. Она унеслась въ другой смѣлый міръ, гдѣ страсть росла на вершинахъ

горь и отдавала свои алые цвѣты на произволь бурѣ.

Можетъ быть въ ея пѣнѣи было такъ много для него только потому, что онъ такъ мало понималъ въ музыкѣ? Онъ не могъ быть увѣреннымъ въ этомъ, но все-таки надѣялся на это, потому что она была ему милѣй такая, какъ бывала прежде. Когда она сидѣла вотъ тутъ со своей работой и говорила такимъ мягкимъ и спокойнымъ голосомъ, глядясь своими ясными и вѣрными глазами, все его существо летѣло къ ней навстрѣчу съ неодолимой силой спокойнаго и мощнаго порыва къ чему-то робкому. Ему хотѣлось склониться передъ ней, стать на колѣни и называть ее святой. Дивная сила влекла его постоянно къ ней, не только къ такой, какой она была теперь, но и къ ней прежней, какой она была въ дѣтствѣ, когда онъ ее еще не зналъ, и они были одни другъ безъ друга; въ разговорахъ онъ старался постоянно вызывать прошлое и заставлялъ ее рассказывать о своихъ маленькихъ страданіяхъ и заблужденіяхъ и маленькихъ особенностяхъ, которыми бываетъ полно каждое дѣтство. Онъ жилъ этими воспоминаніями, прикидалъ къ нимъ съ безпокойствомъ и ревнивою тоской, смутно чувствуя потребность воспринять ихъ, раздѣлить и слиться въ одно съ этой нѣжной тихоцвѣтной тѣнью жизни, расцвѣтшей въ такое богатство красокъ. И вотъ вдругъ

это пѣніе, такъ неожиданно пришедшее къ нему, какъ неожиданно при поворотѣ дороги открывается намъ широта горизонта, и тотъ милый уголокъ лѣса, который до сихъ поръ былъ для насъ цѣлымъ міромъ, становится лишь уголкомъ ландшафта, и тонкія его кудрявыя линіи мельчаютъ и начинаютъ казаться незначительными въ сравненіи съ величественными очертаніями горы и далями болотъ!—Ахъ, но вѣдь ландшафтъ этотъ былъ лишь маревомъ, фантазіей, порожденной пѣніемъ, потому что теперь она снова говорила, какъ прежде, и снова такъ восхитительно была сама собой. Изъ тысячи примѣровъ онъ зналъ, какое она тихое озеро, безъ бури и безъ волненій, какое она синее небо, усѣянное звѣздами.

Такъ онъ любилъ Феннимору, такой ее видѣлъ, такой она и была по отношенію къ нему. Не изъ сознательнаго притворства, потому что въ этомъ была и нѣкоторая доля правды; это выходило такъ естественно, потому что каждое его слово, мысль, мечта, желаніе, вся его преданность охватывали именно эту ея сторону. Это было такъ естественно, что она вполне приняла тотъ обликъ, котораго онъ отъ нея хотѣлъ. Да и какъ могла теперь она думать о томъ, чтобы всякій получалъ отъ нея вѣрное впечатлѣніе, теперь, когда всѣ ея мысли полны были лишь однимъ, однимъ Эрикомъ, предопредѣленнымъ ей господиномъ, котораго она

любила съ какой-то несвойственной ей безудержностью и пугающимъ ее обожаніемъ. Она думала, что любовь есть нѣжное устремленіе, а не изнурительное безпокойство, полное опасеній, униженій и сомнѣній. Иногда, когда она думала, что признаніе сорвется съ губъ Эрика, ей приходило въ голову, что обязанность ея закрыть ему ротъ рукою, предостеречь его отъ этихъ словъ, обвинить себя передъ нимъ, сказать, что она его обманываетъ, сказать, какъ мало она достойна его любви, какая она маленькая и суетная, какъ она ребячлива и мало возвышенна, какъ жалко низменна и что она такъ отвратительно буднична. Она чувствовала себя такой лживой подъ его восхищенными взглядами, такой разсчетливой, такъ старалась уйти съ его дороги; такой преступной, что была не въ силахъ молить Бога въ своей вечерней молитвѣ отворотить ея сердце отъ него и дать ему въ удѣлъ чистый свѣтъ, величіе и прелесть. Вѣдь она своей низменной любовью только бы унизила его.

Почти противъ воли любилъ ее Эрикъ. Его идеаль всегда былъ величественный и гордый, съ тихой грустью на блѣдныхъ чертахъ лица и чистымъ, какъ въ храмѣ, воздухомъ въ строгихъ складкахъ его одежды; но прелесть Фенниморы побѣдила его.

Онъ не могъ противостоять ея красотѣ. Во

всемъ ея существѣ лежала такая свѣжая, безсознательная чувственность; когда она шла, ея шаги шептали объ ея тѣлѣ, въ ея движеніяхъ была какая-то нагота, ея спокойствіе краснорѣчиво говорило объ ея мечтахъ; и противъ всего этого она ничего не могла сдѣлать, и даже если бъ и догадывалась объ этомъ, то все-таки ничего бы не могла утаить или заставить замолчать. Никто не видѣлъ этого лучше Эрика, и онъ отлично зналъ, какъ много значила ея чисто чувственная красота въ его склонности къ ней; и боролся противъ нея, такъ какъ въ его душѣ жили великія мечтанія о любви, мечтанія, лелѣемая имъ не только изъ за поэтичности или традицій, но лежавшія въ глубинахъ его сущности, какъ нѣчто истинное, ищущее себѣ выраженія въ его поступкахъ. Но гдѣ бы ни лежалъ ихъ корень, они должны были смириться.

Онъ еще не открылъ своей любви Фенниморѣ; но случайно пришелъ „Берендтъ Клауди“ и сталъ на рейдѣ. Онъ долженъ былъ выгрузиться выше въ фіордѣ, потому что онъ не шелъ въ гавань, но консулъ очень гордился своей шхуной и хотѣлъ ее показать гостямъ. Однажды вечеромъ отправились на лодкахъ пить чай на кораблѣ.

Погода была великолѣпная, полный штиль, и всѣмъ хотѣлось веселиться. Время прошло самымъ пріятнымъ образомъ, пили англійскій портеръ,

ѣли англійскій кексъ, огромный, какъ луна, и закусывали солеными макрелями, пойманными во время перехода черезъ Нѣмецкое море. Накачивали воду корабельнымъ насосомъ, пока вода не стала пѣниться, раскачивали компасъ, черпали воду большимъ жестянымъ ковшомъ изъ бака и слушали игру штурмана на восьмиугольной гармоніи.

Было темно, когда стали собираться домой.

Раздѣлились, чтобы грести—Эрикъ, Феннимора и нѣсколько старшихъ на корабельной шлюпкѣ, остальные въ яликѣ консула. Первая лодка должна была уплыть впередъ, сдѣлать нѣсколько маневровъ и грести назадъ, а вторая должна была прямо итти къ берегу. Такъ рѣшили, желая послушать, какъ будетъ звучать пѣніе въ такой тихій вечеръ и на водѣ. Поэтому Феннимора и Эрикъ сѣли вмѣстѣ на заднюю скамью первой лодки и взяли съ собою мандолину. Но пѣніе было совершенно забыто, потому что, какъ только весла, дотронулись до воды, обнаружилось необыкновенно сильное свѣченіе моря, что и заняло ихъ совершенно. Лодки тихо скользили впередъ, и темная поверхность бороздилась скользящими линіями и кругами мягкаго бѣлаго свѣта, освѣщавшаго только ту линію, по которой шла лодка, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ свѣченіе было особенно сильно, бросавшаго тонкій матовый отблескъ вокругъ себя, похожій на отблескъ

горящей свѣчи. Бѣлый свѣтъ сіялъ на веслахъ и скользилъ дрожащими кругами, становившимися все слабѣе, брызгалъ изъ-подъ весель блестящими каплями, падалъ фосфорическимъ дождемъ, потухавшимъ въ воздухъ, но зажигающимъ воду. Надъ фіордомъ стояла тишина, и мѣрные удары весель дробили ее на равные промежутки. Мягко лежали сѣрые сумерки на молчаливой глубинѣ, лодка и люди сливались въ одно темное цѣлое, изъ котораго слабый блескъ свѣтящейся воды освобождалъ спокойныя, коричневые лица матросовъ, оставляя на быстрыхъ веслахъ свѣтлую росу. Всѣ молчали: Феннимора опустила руку въ холодъ моря; и она и Эрикъ, обернувшись, слѣдили за фосфорической полоской, тянувшейся безшумно сзади лодки и ловившей ихъ мысли своими свѣтлыми сѣтями.

Съ берега требовали пѣнія; это пробудило ихъ, и они спѣли подъ аккомпаниментъ мандолины два итальянскихъ романса

И опять все стало тихо.

Наконецъ, они пристали къ маленькой пристани, выходившей въ фіордъ изъ побережнаго сада. Лодка консула пустая лежала возлѣ мостика, и все общество ушло уже домой. Тетка и остальные пошли вслѣдъ, и только Эрикъ съ Фенниморой остались стоять на берегу и смотрѣть на шлюпку, возвращающуюся къ кораблю. Вотъ щелкнула наверху щеколда калитки сада; удары весель до-

носились все слабѣе, волненіе воды у мостика стихало; вѣтеръ пролетѣлъ надъ темной зеленью, какъ полувздохъ, чуть-чуть приподнялъ листья и улетѣлъ, оставивъ ихъ однихъ.

Въ одинъ и тотъ же мигъ ихъ взоры отъ воды обратились другъ на друга. Онъ взялъ ее за руку и тихо, какъ бы спрашивая, потянулъ къ себѣ и поцѣловалъ, и прошепталъ: „Фенни-мора“. И ушли въ темный садъ.

— Ты знала это ужъ давно,— сказала онъ. И она—сказала: „да“. Потомъ пошли дальше и снова щелкнула щеколда у калитки.

Напившись кофе со всѣми, Эрикъ пришелъ въ свою комнату. Онъ спать не могъ.

Ему было мало воздуха, онъ растворилъ окно, легъ на диванъ и сталъ слушать.

Ему опять хотѣлось выйти.

Какъ все шумѣло въ этомъ домѣ! Онъ слышалъ, какъ ступалъ консулъ утренними туфлями, какъ фру Клауди открывала кухонную дверь, чтобы посмотрѣть, потушенъ ли огонь—и чего еще тамъ Нильсъ возился ночью со своимъ сундукомъ!

Такъ.—Мышь за деревянной обшивкой. Теперь идетъ кто-то на цыпочкахъ по чердаку. Даже двое.—Наконецъ-то! Онъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату для пріѣзжихъ и прислушался. Потомъ потихоньку растворилъ окно, сѣлъ верхомъ и выскочилъ на дворъ. Черезъ сарай съ каткомъ для

бѣля можно было проникнуть въ садъ. Если кто-нибудь его увидитъ, онъ скажетъ, что забылъ мандолину внизу у мостика и хочетъ спасти ее отъ росы. И для этого онъ понесъ ее съ собой на спинѣ.

Въ саду теперь было свѣтлѣе. Поднялся легкій вѣтерокъ, и слабый лунный свѣтъ прокладывалъ дрожащую, серебристую дорогу по водѣ отъ пристани до „Берендта Клауди“.

Онъ пошелъ по насыпи, защищавшей садъ и тянувшейся подъ острымъ угломъ до самаго конца мола, все время балансируя между огромными косыми камнями.

Немного запыхавшись, онъ пришелъ на самый конецъ мола и сѣлъ тамъ на скамейку.

Высоко надъ нимъ вертѣлся тихо красный фонарь маяка подъ визгъ и стонъ желѣза, и порой веревка флага била по шесту.

Луна, теперь болѣе яркая, но все еще не сильная, бросала осторожный сѣро-бѣлый свѣтъ на тихія суда въ гавани и на путаницу крышъ и бѣлыхъ съ темными глазами фронтоновъ города. А тамъ дальше, надо всѣмъ, спокойно и свѣтло стояла колокольня.

Эрикъ, мечтая, откинулъ голову назадъ, въ его сердцѣ поднялась волна радости и ликованія, и онъ почувствовалъ себя такимъ сильнымъ, такимъ богатымъ теплотою жизни. Ему казалось, что Феннимора слышитъ каждое движеніе его

любви, листикъ за листикомъ и цвѣтокъ за цвѣточкомъ, растущій изъ его счастья; онъ всталъ и, быстро пробѣжавъ рукою по струнамъ, запѣлъ побѣдоносно спящему городу:

„Не спать моя милая, нѣтъ.
Слушаетъ, слышитъ меня!
Не спать моя милая, нѣтъ:
Слушаетъ, слышитъ меня!“

И опять, сначала, повторялъ слова старой народной пѣсни—такъ полно было его сердце.

Понемногу успокоился; воспоминанія о тѣхъ часахъ истекшаго дня, когда онъ чувствовалъ себя покинутымъ, ничтожнымъ, слабымъ поднимались съ тихой напряженной болью, подобной той, которая вызываетъ изъ нашихъ глазъ первыя слезы; онъ опять сѣлъ на скамейку, и положивъ руку на струны мандолины, смотрѣлъ на широко простертую поверхность сине-сѣраго фьорда, по которой свѣтлый лунный мостъ уносилъ темнѣющій корабль сквозь бѣлизну тумана къ голубой, какъ облако, странѣ и къ нѣжному, меланхолическому ряду дальнихъ горъ.

Воспоминанія текли все тише, достигали свѣтлыхъ странъ, сіяли въ розахъ, утренней зари.

. моя милая!

пѣла душа его.

„Не спать моя милая, нѣтъ:
Слушаетъ, слышитъ меня!“

XI.

Прошло три года; Эрикъ и Феннимора обвиняны уже около двухъ лѣтъ и живутъ въ маленькой виллѣ въ Мариагерфјордѣ. Нильсъ не видалъ Фенниморы съ того лѣта въ Фьордбю. Онъ живетъ въ Копенгагенѣ и много бываетъ въ обществѣ, но не имѣетъ ни съ кѣмъ близкихъ отношеній, кромѣ доктора Јеррильда, который называетъ себя старикомъ, такъ какъ въ его темныхъ волосахъ начинаютъ показываться бѣлыя нити.

Неожиданная помолвка была тяжелымъ ударомъ для Нильса, нѣсколько оглушившимъ его; онъ сталъ болѣе язвительнымъ и менѣе доверчивымъ и уже не имѣлъ прежняго подъема духа, чтобы противустоять угрюмости Јеррильда. Онъ всегда занятъ своими этюдами, но они уже безцѣльны, и мысль о томъ, чтобы приготовить, наконецъ, себя къ выступленію, сохранила только невѣрную, колеблющуюся тѣнь жизни. Онъ много вращается среди людей, но не живетъ съ ними, они занимаютъ его, но онъ ни мало не заботится о томъ, интересуются ли имъ, и все слабѣе и слабѣе въ немъ—онъ видитъ это—та сила, которая должна была заставить его свершить свое, общее ли съ другими, или противъ всѣхъ. Онъ говоритъ, что можетъ еще ждать, хотя бы ему пришлось ждать до тѣхъ поръ, когда будетъ поздно.

Тому, кто вѣрить, нечего спѣшить; въ этомъ его оправданіе. Вѣдь онъ чувствуетъ въ себѣ достаточно вѣры, если посмотреть въ глубину свою, достаточно вѣры, чтобъ горы сдвинуть, и онъ не можетъ только рѣшиться и, наконецъ, взяться за себя. По временамъ въ немъ поднимается жажда творчества и страстное стремленіе освободить частицу самого себя въ работѣ, и тогда онъ весь цѣлыми днями бываетъ возбужденъ могучимъ радостнымъ порывомъ вылѣпить изъ глины своего Адама; но никогда не можетъ онъ придать ему сходство съ его первообразомъ, для продолжительнаго сосредоточиванія въ самомъ себѣ у него не хватаетъ выдержки. Пройдутъ цѣлыя недѣли прежде, чѣмъ онъ броситъ работу, но онъ ее броситъ, и спроситъ себя досадливо: къ чему же продолжать? что еще можетъ дать она ему? Онъ узналъ счастье зачатія, остается еще трудъ воспитанія, ухода, кормленія и вынашиванія—къ чему? для кого? говоритъ онъ себѣ, вѣдь я не пеликанъ. Но что бы онъ ни говорилъ, онъ все таки недоволенъ и чувствуетъ, что не удовлетворяетъ требованіямъ, имъ же самимъ поставленнымъ; не будетъ облегченія, если эти требованія снова отдать на судъ, подвергнувъ сомнѣнію ихъ обоснованность. Ему предстоитъ выборъ, и онъ долженъ выбрать; вѣдь всегда бываетъ такъ, что послѣ поры первой юности, раньше или позже,

смотря по природѣ челоуѣка, наступаетъ день, когда приходитъ искушеніе примириться и, сказавъ прости невозможному, удовлетвориться возможнымъ. И примиреніе стоитъ такъ много: сколько погибло идеальныхъ порывовъ юности, какъ опозорено вдохновеніе и какъ надежды смяты!— Идеалы, сверкающіе, прекрасные, не весь свой свѣтъ утратили, но не блуждаютъ уже среди насъ по землѣ, какъ въ первые дни юности; по широкой лѣстницѣ житейской мудрости, ступенька за ступенькой поднялись они опять на небо, откуда ихъ восхитила намъ наивная вѣра, и остались тамъ, сіяя—но издали, улыбаясь, но утомленно, въ божественномъ бездѣйствіи, и еиміамъ бездѣйственнаго поклоненія взлетаетъ изрѣдка къ престолу ихъ торжественнымъ облакомъ.

Нильсъ Люне усталъ; это вѣчное приготовленіе къ скачку, который такъ и не былъ сдѣланъ, утомил его, все для него утратило смыслъ и цѣну, все исказилось, перепуталось и измельчало; естественнѣй всего казалось закрыть себѣ глаза и уши и отдать себя занятіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ душнымъ міромъ, но погружающимъ на дно морское, гдѣ только мирные лѣса водорослей и причудливыя животныя.

Онъ былъ утомленъ. Разбитыя любовныя надежды—вотъ гдѣ былъ корень утомленія, откуда оно вѣрно и быстро разрослось и охватило все

его существо, всё способности и мысли. Теперь онъ былъ достаточно холоденъ и безстрастенъ, но въ первые дни послѣ того, какъ его сразилъ ударъ, его любовь росла неудержимо съ каждымъ днемъ, его душа въ тискахъ безумной страсти, какъ волна, все подымалась, подымалась, тоскующая безъ конца, обуреваемая желаніями, пока всё клѣтки мозга и всё нервы сердца не напрягались до послѣдней степени. Потомъ настало утомленіе, тупое и цѣлительное; нервы перестали ощущать боль, кровь охладѣла къ порывамъ, пульсъ ослабѣлъ для сильной дѣятельности. И даже больше: утомленіе внушило ему осторожность и эгоизмъ выздоравливающаго, охранило его отъ возврата страсти; когда онъ думаетъ теперь о дняхъ въ Фьордбю, онъ чувствуетъ себя въ безопасности, какъ человѣкъ, спасенный отъ болѣзни, и знающій, что онъ теперь на долго-долго огражденъ отъ мукъ сжигавшей его тѣло лихорадки.

И вотъ тогда, когда прошло уже два года со свадьбы Эрика и Фенниморы, въ одинъ лѣтній день онъ получилъ отъ Эрика письмо, написанное въ полу-хвастливомъ, въ полу-жалобномъ тонѣ. Эрикъ обвинялъ себя въ томъ, что теряетъ даромъ время, такъ какъ не имѣетъ больше никакихъ идей—самъ не знаетъ почему. Ихъ тамошніе знакомые, люди веселые и добрые, вовсе не жеманные и не глупые, но ужасные невѣжды во

всемъ, что касается искусства. Ему не съ кѣмъ говорить, какъ слѣдуетъ, онъ впалъ въ лѣность и вялость, которыхъ не можетъ преодолѣть: онъ не чувствуетъ больше въ себѣ, какъ бывало прежде, ни мыслей, ни настроеній: къ нему не приходитъ больше вдохновеніе, онъ боится, что прищелъ ему конецъ и ничего ужъ больше не создастъ онъ новаго. Но вѣдь это такъ не можетъ продолжаться, все вернется, слишкомъ онъ былъ богатъ, чтобы такъ легко могло все кончиться, онъ еще покажетъ, что такое искусство, всѣмъ тѣмъ, кто пишетъ свои картины, не задумываясь, какъ будто выучивъ все наизусть. Но пока онъ словно заколдованъ, и Нильсъ оказалъ бы ему дружескую услугу, если бы пріѣхалъ въ Маріагерфјордъ; ему будетъ тамъ такъ хорошо, какъ только позволить обстановка; не все ли равно ему провести лѣто тамъ или въ другомъ мѣстѣ. Феннимора шлетъ поклонъ и будетъ ему очень рада.

Это письмо такъ мало было похоже на Эрика, и навѣрно что-нибудь было неладно, если онъ могъ такъ жаловаться. Нильсъ сразу это замѣтилъ; онъ очень хорошо зналъ, какъ скуденъ былъ источникъ творческой силы Эрика — невидный ручеекъ, который при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ совершенно изсякнуть. Онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать, и что бы тамъ ни было, Эрикъ найдетъ въ немъ испытаннаго друга. Пускай

годы много узъ ослабили и много иллюзій разрушили—онъ сумѣетъ сохранить эту дружбу дѣтства. Онъ и раньше поддерживалъ Эрика, поддержитъ и теперь. Его охватило фанатическое чувство дружбы. Онъ ради Эрика откажется отъ всего: отъ будущности, славы, честолюбивыхъ мечтаній. Онъ отдастъ Эрику все таящееся въ немъ вдохновеніе, всю свою творческую силу, онъ исчезнетъ въ Эрикѣ; онъ готовъ отдать свою личность, свои идеи, себѣ онъ ничего не оставлялъ, онъ въ мечтахъ считалъ того великимъ, кто такъ внезапно ворвался въ его жизнь; себя онъ видѣлъ уничтоженнымъ, невѣдомымъ, нищимъ, обнищальнымъ душой; онъ мечталъ, что Эрикъ сумѣетъ всѣ тѣ идеи, которыя онъ дастъ ему, сдѣлать своими собственными, наложивъ на нихъ печать своего творчества. Эрикъ на высотѣ и во славу, а онъ—одинъ изъ многихъ, многихъ обыкновенныхъ людей, не больше, нѣтъ! онъ—нищій, не добровольно, а по необходимости, настоящей нищій, а не принцъ въ лохмотьяхъ... такъ были сладки эти горькія мечты.

Но мечты, только мечты, и онъ смѣялся надъ самимъ собою, думая, какъ часто люди пренебрегаютъ своими собственными дѣлами, всегда вкладывая слишкомъ много участія въ чужія; онъ думалъ также о томъ, что когда онъ увидитъ Эрика лицомъ къ лицу, Эрикъ откажется отъ своего

письма, скажетъ, что это была шутка, и онъ очутится въ смѣшномъ положеніи, если явится и объявитъ о своей готовности помочь ему вернуть талантъ. И все таки онъ поѣхалъ, въ глубинѣ души думая, что можетъ быть полезнымъ, и чувствуя, несмотря на все желаніе сомнѣваться, что въ немъ снова просыпается старая дѣтская дружба во всей ея наивности и сердечности вопреки долгимъ годамъ и всему, что они принесли съ собой.

Дача на Мариагерфјордѣ принадлежала престарѣлымъ супругамъ, которые для поправленія здоровья должны были нѣкоторое время жить на югѣ. Они сначала не думали сдавать виллы, такъ какъ, уѣзжая на югъ, предполагали вернуться черезъ полгода, и потому оставили всѣ вещи на мѣстѣ. Эрикъ нанялъ этотъ домъ съ полной обстановкой, и это условіе было соблюдено въ буквальномъ смыслѣ слова: онъ получилъ домъ со всѣми бездѣлушками, семейными портретами, и даже съ хламомъ, наполнявшимъ чуланъ, и старыми письмами въ ящикахъ письменнаго стола.

Эрикъ нашелъ эту дачу на обратномъ пути изъ Фьордбю послѣ обрученія; такъ какъ здѣсь имѣлось все, что имъ было нужно, и даже больше того, и такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ ему хотѣлось уѣхать въ Римъ, то онъ уговорилъ консула отложить покупку приданнаго, и они по-

ѣхали въ Мариагерфіордъ, какъ въ гостиницу, имѣя только нѣсколькими сундуками болѣе, чѣмъ обычные путешественники.

Домъ стоялъ лицомъ къ фіорду, меньше чѣмъ въ шести метрахъ отъ воды; на видъ онъ былъ самый обыкновенный; на верху балконъ, внизу веранда, сзади молодой садъ, деревья котораго были не толще тросточки; но это вознаграждалось тѣмъ, что прямо изъ сада можно было попасть въ роскошный буковый лѣсъ съ открытыми полянками вереска и далеко ведущими дорожками, тѣсными глинистыми холмами.

Таково было новое жилище Фенниморы, и нѣкоторое время оно свѣтилось отъ сіявшаго въ немъ счастья; они оба были молодые, здоровые, влюбленные и бодрые, и имъ не надо было думать о своемъ духовномъ и тѣлесномъ существованіи.

Но почва, на которой строятся воздушные замки любви, всегда содержитъ песокъ, все накопляющійся и понемногу ускользящій изъ-подъ стѣнъ; быть можетъ, медленно и незамѣтно, но онъ все сыплется и сыплется, песчинка за песчинкой... А любовь?—но и любовь вѣдь не твердыня, какъ бы ни хотѣлось вѣрить этому.

Она любила его всей душой, съ трепетнымъ пыломъ и робкой страстью; онъ былъ для нея больше, чѣмъ Богъ, много больше,—онъ былъ для

нея идолъ, которому она молилась, отдавая всю себя безъ мѣры.

Его любовь была такъ же сильна, какъ и ея, но его чувству недоставало той мужественной чуткой нѣжности, которая защищаетъ любящую женщину отъ самой себя и ограждаетъ ея достоинство. Чувство долга смутно предостерегало его, взывая къ нему тихимъ голосомъ, но не хотѣлъ его онъ слушать: такъ обольстительна была она въ своей слѣпой любви; ея роскошная, ничѣмъ не защищенная красота, ея покорная прелесть рабыни возбуждали и влекли его къ безграничной беспощадной страсти.

Развѣ въ какомъ-то древнемъ мифѣ Амуръ не закрываетъ глазъ Психеѣ, прежде чѣмъ въ сладкомъ опьяненіи умчатся съ ней въ пылающую ночь?

Бѣдная Феннимора! о, если бы она могла сгорѣть въ огнѣ своего собственного сердца, зажженного тѣмъ, кто долженъ бы ее защитить! Вѣдь онъ похожъ былъ на опьяненного властителя, который, поджигая факеломъ свою столицу, ликуетъ при видѣ пожара и пьянѣетъ все болѣе и болѣе отъ языковъ огня и отрезвляется лишь, увидавъ золу.

Бѣдная Феннимора! она не знала, что, если шумный гимнъ любви поется слишкомъ часто, то отъ него не остается ни мелодіи, ни словъ, а

одна лишь дикая и пошлая суета; она не знала, что опьяненіе, сегодня уносящее на высоту, беретъ свою силу у завтрашняго дня; когда мало-по-малу наступило меланхолическое отрезвленіе, она со страхомъ стала понимать, что они своей любовью довели себя до презрѣнія къ самимъ себѣ и другъ къ другу, до презрѣнія, сначала сладкаго, но съ каждымъ днемъ терявшаго свою сладость и, наконецъ, ставшаго терпкимъ и горькимъ. Они отдалялись другъ отъ друга, насколько это было возможно; онъ, чтобы мечтать о ложномъ идеалѣ надменнаго величія и холодной красоты; она, чтобы смотрѣть на блѣдный, тихій, теперь безконечно далекій, берегъ своей дѣвичьей жизни. Съ каждымъ днемъ ей становилось тяжелѣе, въ ея крови горѣлъ стыдъ, и отъ мучительнаго отвращенія къ самой себѣ, она во всемъ стала видѣть несчастье и безнадежность. Часто она цѣлыми часами сидѣла въ маленькой пустой комнатѣ, гдѣ стояли одни лишь сундуки, привезенные ею изъ родительскаго дома, сидѣла до тѣхъ поръ, пока солнце, уходя, не наполняло комнату красноватымъ свѣтомъ; она терзала себя мыслями, болѣе колючими, чѣмъ терновникъ, истязала себя словами, болѣе острыми, чѣмъ бичи, до тѣхъ поръ, пока боль и мука не доводили ее до помѣшательства; она находила усыпляющее утѣшеніе, унижая себя, какъ вещь, исполненную

мерзости и нечистоты, какъ свой собственный гниющій трупъ, слишкомъ жалкій, чтобы быть жилищемъ души. Любовница своего мужа — эта мысль всегда жила въ ея сердцѣ, съ этой мыслью она презрительно бросала свое я въ прахъ къ своимъ ногамъ, съ этой мыслью въ ней закрывалась всякая надежда на возрожденіе, и каменѣло всякое воспоминаніе о счастьѣ.

Мало-по-малу ея овладѣло черствое, жесткое равнодушіе; она перестала отчаяваться, какъ раньше перестала надѣяться; ея небеса обрушились, и у нея не было желанія построить новый сводъ въ мечтахъ; ей не хотѣлось святости: она стала, какъ весь міръ, не лучше и не хуже, она и міръ стоили другъ друга; къ Эрику она не питала ненависти; она не отстранялась боязливо отъ него; напротивъ, она принимала его поцѣлуи, потому что слишкомъ презирала себя, чтобы уклоняться отъ нихъ, вѣдь она была его женой, женой мужчины!

И для Эрика пробужденіе было горько, хотя съ прозаической дальновидностью мужчины онъ и говорилъ себѣ, что это неизбѣжно должно было случиться. А когда это случилось, когда любовь не вознаграждала больше за иныя лишенія, и когда сверкающее покрывало, въ которомъ она сошла къ нему на землю, развѣялось, то онъ почувствовалъ, какъ жизненныя силы въ немъ

ослабли, какъ его способности исчезли, и это раздражало и страшило его; онъ съ лихорадочнымъ жаромъ бросился къ искусству, желая удостовѣриться, не утратилъ ли онъ еще чего-нибудь, кромѣ счастья. Но онъ не получилъ того отвѣта, какого ждалъ; ему пришло въ голову нѣсколько идей, но неудачныхъ, съ которыми онъ ничего не могъ подѣлать, и отказаться отъ которыхъ не рѣшался. Изъ нихъ ничего не выходило, но онъ продолжали занимать его и мѣшали другимъ идеямъ выдвинуться впередъ и привлечь его вниманіе; онъ упалъ духомъ, чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ и предался празднымъ, безцѣльнымъ размышленіямъ, потому что работа казалась ему убійственно притупляющей, и потому что онъ думалъ, что нужно только обождать, и вдохновеніе снова осѣнитъ его.

Однако, время шло, а талантъ его оставался бесплоднымъ, а здѣсь на берегу фіорда, въ его кругу не было ничего, что могло бы побудить его къ творчеству; онъ не имѣлъ товарищей по искусству, побѣды которыхъ вызвали бъ его или на соревнованіе, или на противоположное творчество. Бездѣйствіе становилось невыносимымъ, имъ овладѣло горячее желаніе почувствовать самого себя, безразлично, какъ и посредствомъ чего; а такъ какъ ничего другого не представлялось, то онъ примкнулъ къ обществу пожилыхъ

и молодых помѣщиковъ, которые подъ предводительствомъ шестидесятилѣтняго помѣщика, — охотника, старались оживить однообразіе деревенской жизни такимъ безпутствомъ, какое только могла придумать ихъ убогая фантазія, сильно ограниченная односторонностью ихъ вкусовъ. Настоящее ядро всѣхъ развлеченій состояло въ картахъ и выпивкѣ, и оно оставалось однимъ и тѣмъ же, называлась ли окружавшая его оболочка охотой или поѣздкой на ярмарку. Такъ же мало разницы дѣлало и то, что время отъ времени мѣсто дѣйствія переносилось въ сосѣднее ярмарочное мѣстечко, гдѣ послѣ полудня готовились дѣйствительныя или мнимыя сдѣлки, такъ какъ всѣ дѣла оканчивались вечеромъ въ трактирѣ, хозяинъ котораго, обладавшій большою прозорливостью, направлялъ всѣхъ людей извѣстнаго качества въ отдѣльный номеръ. Если въ мѣстечкѣ случались странствующие актеры, то торговцы оставались въ сторонѣ, потому что актеры были гораздо общительнѣе, менѣе сдержаны за бутылкой и вообще охотнѣе подвергались тому, къ сожалѣнію, рѣдко удающемуся лѣченію, которое состоитъ въ томъ, чтобъ напиться до отрезвленія; а именно, опьянѣвъ отъ шампанскаго, отрезвляться можжевелевой водкой.

Главная часть этого кружка состояла изъ мелкихъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ всѣхъ

возрастовъ, но между ними находился также толстый молодой повѣса съ бѣлой шеей, владѣлецъ винокуреннаго завода, и домашній учитель, который уже двадцать лѣтъ не учительствовалъ, а вмѣстѣ съ своимъ чемоданомъ изъ тюленьей кожи, гостилъ у всѣхъ по очереди, разъѣзжая на сѣрой клячѣ, которую онъ, какъ говорили въ шутку, укралъ у живодера. Онъ былъ тихимъ пьяницей и очень хорошо игралъ на флейтѣ; говорили про него, что онъ знаетъ по-арабски. Помѣщикъ-охотникъ причислялъ къ своему штабу еще прокуратора, рассказывавшаго все новыя исторіи, и доктора, знавшаго лишь одну, а именно исторію осады Любека въ шестомъ году.

Этотъ кругъ охватывалъ широкое пространство, и рѣдко случалось, чтобы могли собраться всѣ; но если кто-нибудь слишкомъ долго не появлялся и сидѣлъ дома, то помѣщикъ отдавалъ приказъ всѣмъ союзникамъ, и всѣ отправлялись къ измѣннику подъ предлогомъ осмотра его воловъ; въ дѣйствительности же это означало, что дня на два, на три всѣ поселятся въ имѣньи несчастнаго, гдѣ все перевернуть вверхъ дномъ, устраивая попойки, карточную игру и другія сельскія увеселенія, смотря по времени года. Однажды, во время такого карательнаго набѣга, случилось, что у хозяина мало-по-малу вышли всѣ запасы кофе, рома и сахара, и, наконецъ, пришлось довольство-

ваться кофейнымъ пуншемъ, свареннымъ изъ цикорія, на патокъ съ горячей въ немъ водкой.

Въ общемъ это была скверная, грубая компанія, съ которой сошелся Эрикъ; но люди съ такой гигантской жизненной силой не могли отводить душу въ культурныхъ удовольствіяхъ, а ихъ неисчерпаемая веселость, ихъ широкое, медвѣжье радушіе дѣйствительно смягчали ихъ грубость. Если бы талантъ Эрика былъ сродни таланту Броувера или Остаде, то это отборное собраніе собутыльниковъ было бы для него золотымъ дномъ, но при настоящемъ положеніи вещей вся выгода для него, какъ и для другихъ, заключалась лишь въ томъ, что онъ отлично веселился. Даже черезчуръ; потому что вскорѣ эти необузданныя попойки сдѣлались для него потребностью и постепенно стали отнимать у него все время; если иногда онъ и упрекалъ себя въ праздности и обѣщалъ себѣ положить всему конецъ, то пустота и умственное безсиліе, которыя онъ каждый разъ ощущалъ, принимаясь за работу, снова наталкивали его на прежній образъ жизни.

Письмо Нильсу было написано въ такой день, когда продолжительная бездѣятельность показала ему истощеніемъ таланта, потому что ей не предвидѣлось конца; но, отославъ письмо, онъ,

тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ, и понадѣялся, что его жалобы войдутъ въ одно ухо Нильса, чтобы выйти изъ другого.

Но Нильсъ явился, олицетворяя собой рыцаря дружбы, и его встрѣтили полухолоднымъ, полусострадательнымъ привѣтствіемъ, которое странствующіе рыцари обыкновенно получаютъ отъ тѣхъ, ради которыхъ они вывели своего Росинанта изъ теплой конюшни. Но такъ какъ Нильсъ былъ остороженъ и выжидалъ, то Эрикъ вскорѣ растаялъ, и прежняя довѣрчивость между ними пробудилась къ новой жизни. Эрикъ чувствовалъ сильное желаніе высказываться, жаловаться, каяться, почти физическая сила побуждала его къ этому.

Однажды поздно вечеромъ, послѣ того, какъ всѣ разошлись — Феннимора уже отправилась спать, — они сидѣли въ темной гостиной за грогомъ. Только огоньки сигаръ показывали, гдѣ они сидѣли, и лишь время отъ времени, когда Нильсъ откидывался на спинку стула, его обращенный къ верху совершенно черный профиль вырисовывался на темномъ окнѣ.

Разговаривая о старыхъ временахъ въ Лёнборгорѣ, о своемъ дѣтствѣ, они довольно много выпили, въ особенности Эрикъ. Съ уходомъ Фенниморы наступило молчаніе, и ни одному изъ нихъ не хотѣлось его нарушать, мысли текли тихо, сладостно одна за другой; сонные, они при-

слушивались, какъ кровь, разгоряченная виномъ, звенѣла въ ушахъ.

— Какъ глупы были мы въ двадцать лѣтъ!— раздался, наконецъ, голосъ Эрика.— Богъ знаетъ, чего мы ждали, и какъ забрали въ голову, что такія вещи существуютъ? Мы употребляли тѣ же названія, которыми зовутся настоящія вещи, но то, что мы подразумѣвали, было совсѣмъ другое, чѣмъ выпавшее намъ на долю обыкновенное счастье. Въ жизни собственно нѣтъ ничего особеннаго, правда вѣдь?

— Не знаю, я принимаю ее такой, какъ она есть. Вообще мы даже не живемъ; большей частью мы только существуемъ. Еслибъ жизнь давалась намъ въ видѣ большого, аппетитнаго пирога, который можно было бы сразу съѣсть... но такъ по кусочкамъ—въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго.

— Скажи мнѣ, Нильсъ,—только съ тобой приходится говорить о подобныхъ вещахъ, но ты въ этомъ отношеніи какой-то странный. Скажи мнѣ— у тебя не пустой стаканъ?—Хорошо.—Думалъ ли ты когда-нибудь о смерти?

— Я? о да, а ты?

— Не только на похоронахъ, или во время болѣзни, но и просто, когда я сижу совсѣмъ спокойно, на меня это находитъ,—да, какое-то отчаяніе. Я сижу, предаваясь бесполезнымъ размышленіямъ, ничего не дѣлаю, и ничего не могу

дѣлать, и тогда я точно чувствую, какъ время уходитъ, часами, недѣлями, мѣсяцами! Пустыя, мчатся они мимо меня, а я не въ состояніи приковать ихъ къ мѣсту какой-нибудь работой. Не знаю, понимаешь ли ты меня, вѣдь это только мое ощущеніе, я хотѣлъ бы захватить время чѣмъ-нибудь, сдѣланнымъ мной. Видишь ли, время, которое нужно, чтобы написать картину, навсегда принадлежитъ мнѣ, оно принесло мнѣ кое-что, оно не потеряно, хотя и прошло. Я чувствую себя больнымъ, когда думаю о томъ, какъ неудержимо уходятъ дни.—А у меня ничего нѣтъ, и я ничего не могу достигнуть. Это мука; иногда на меня находятъ такая злость, что я начинаю ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, напѣвая что-то бессмысленное, чтобъ не расплакаться отъ раздраженія; и я близокъ къ помѣшательству, когда, остановившись, вспоминаю, что время снова ушло, что оно уходитъ, пока я думаю, что оно все уходитъ и уходитъ. Нѣтъ болѣе жалкаго состоянія, чѣмъ быть художникомъ; вотъ я стою здѣсь, здоровый и сильный; мои глаза видятъ, кровь моя горяча и богата; сердце бьется, у меня здоровый умъ, и я хочу работать, но не могу, я борюсь и хочу схватить невидимое, что нельзя схватить, чего никакая сила не можетъ дать мнѣ, даже если бъ я трудился, пока кровь не брызнетъ изъ-подъ моихъ ногтей. Что мнѣ дѣлать, чтобы пришло

вдохновеніе, явилась идея? Я могу взять себя въ руки, могу выйти, смотрѣть кругомъ и дѣлать такъ, какъ будто я ничего не ищу, но нѣтъ! Вѣчно ничего! Одно лишь сознаніе, что тамъ въ вѣчности стоитъ время среди жизни и притягиваетъ къ себѣ часы, которые скользятъ мимо, двѣнадцать свѣтлыхъ и двѣнадцать темныхъ, безъ остановки. Что мнѣ дѣлать, вѣдь должно же существовать средство, спасающее отъ такого состоянія; не можетъ быть, чтобъ я былъ первый, съ кѣмъ это случается,—что? Ты не знаешь?

— Путешествовать.

— Нѣтъ, не то; почему это пришло тебѣ въ голову? Ты вѣдь не думаешь, что для меня все кончено?

— Все кончено! Нѣтъ, но мнѣ кажется, что новыя впечатлѣнія...

— Новыя впечатлѣнія! Вотъ именно. Тебѣ приходилось слышать о людяхъ, богато одаренныхъ талантомъ во время ихъ ранней молодости, пока они бодры и полны надеждъ и плановъ; и потомъ, когда все это терялось, исчезалъ и талантъ—и уже больше не возвращался.

Онъ долго молчалъ.

— Эти люди путешествовали, Нильсъ, искали новыхъ впечатлѣній. Это была ихъ манія. Югъ, Востокъ—но все было напрасно, впечатлѣнія отскакивали отъ нихъ, какъ отъ зеркала. Я ви-

дѣлъ ихъ могилы въ Римѣ. Двѣ такія могилы, но ихъ много, много.—Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума.

— О живописцахъ я этого до сихъ поръ не слышалъ.

— О, да.—Какъ ты думаешь, что это такое? Разрывъ скрытаго нерва? Или вина лежитъ въ насъ самихъ? Какое-нибудь совершенное нами преступленіе, какая-нибудь ошибка, почему знать! Наша душа такъ слаба, и никто не знаетъ, гдѣ граница души въ человѣкѣ. Послушай!—его голосъ сталъ тихимъ и мягкимъ.—Иногда тоска меня влечетъ путешествовать, когда я чувствую свою пустоту; эта тоска у меня бываетъ такъ сильна, ты не можешь представить, но мнѣ кажется, что для путешествія у меня не хватитъ мужества, потому что, предположимъ, оно не поможетъ, и я окажусь принадлежащимъ къ числу тѣхъ, о которыхъ я только что говорилъ. Что тогда! Подумай, если бъ я очутился лицомъ къ лицу съ увѣренностью, что для меня все кончено, что я ничего больше не имѣю, ничего не могу сдѣлать, подумай: *не могу*; несчастное подобіе человѣка, проклятый калѣка, жалкій кастратъ! Что со мной будетъ послѣ такого паденія; какъ ты думаешь? И видишь ли: это не невозможно, моя первая молодость прошла, и отъ иллюзій и тому подобнаго, право, не много осталось. Ужасно, какъ много иллюзій утрачивается, а я вѣдь никогда не принадлежалъ къ

числу людей, которые съ радостью избавляются отъ нихъ; я никогда не былъ такимъ, какъ вы всѣ, собиравшіеся у фру Бойэ, вы такъ торопились вырвать другъ у друга перья, и чѣмъ меньше ихъ у васъ оставалось, тѣмъ больше вы гордились. Но, впрочемъ, это безразлично, когда-нибудь придется мѣнять перья.

Оба замолчали. Въ воздухѣ стояла горечь отъ сигарнаго дыма и отвратительный запахъ коньяка; безконечная тяжесть лежала на сердцѣ, имъ тяжело было дышать въ этомъ чаду.

И тутъ былъ Нильсъ, пріѣхавшій за шестьдесятъ миль, чтобы помочь; онъ сидѣлъ, и ему стыдно было своихъ холодныхъ чувствъ. Что же ему дѣлать, когда настала пора дѣйствовать? Говорить ему съ Эрикомъ въ тонѣ художника, словами, одѣтыми въ пурпуръ и ультрамаринъ, залитыми свѣтомъ и погруженными въ тѣнь! При отъѣздѣ у него въ головѣ были подобныя мечты. Какъ это было смѣшно! Помочь!—Пожалуй, можно отогнать отъ двери художника богиню съ пустыми руками, но вотъ и все; его такъ же нельзя заставить творить, какъ и поднять мизинецъ, когда онъ разбитъ параличемъ; даже имѣя въ сердцѣ доброту, состраданіе, готовность жертвовать собой и всякія другія великодушныя чувства.—Нужно заботиться лишь о себѣ, это здорово и полезно, но разумѣется легче быть чувствительнымъ чело-

въкомъ и въ мечтахъ уноситься въ голубое небо. Жаль только, что это совершенно непрактично и безрезультатно.—Заботиться о себѣ, и хорошо заботиться,—этимъ, конечно, не достигнешь блаженства, но зато ни передъ кѣмъ не надо будетъ опускать глазъ, ни передъ Богомъ, ни передъ людьми.

Нильсъ часто имѣлъ случай для грустныхъ размышлений о бесилии добраго сердца, потому что вся польза его пребыванія сводилась къ тому, что Эрикъ въ теченіе мѣсяца бывалъ дома чаще, чѣмъ обыкновенно. Между тѣмъ ему не хотѣлось въ самую жару возвращаться въ Копенгагенъ, но не хотѣлось также и гостить до безконечности. Поэтому онъ нашелъ себѣ помѣщеніе на другой сторонѣ фіорда, откуда до Меріанелунда было четверть часа ѣзды на лодкѣ, въ семьѣ, не принадлежавшей къ крестьянскому сословію. Вѣдь ему было совершенно безразлично, гдѣ жить—здѣсь или въ другомъ мѣстѣ; къ тому же онъ былъ уже знакомъ съ мѣстностью, и былъ изъ тѣхъ людей, которые сильно привязываются къ окружающей ихъ средѣ; наконецъ, тутъ были его другъ и его кузина Феннимора; причинъ достаточно, особенно для того, кого нигдѣ на цѣломъ свѣтѣ никто не ждетъ.

По дорогѣ сюда онъ вполнѣ обдумалъ, какими должны быть его отношенія къ Фенниморѣ; а

именно, ему хотѣлось показать, что онъ все совершенно забылъ, что онъ вообще не помнитъ, было ли что-нибудь между ними, что надо забывать; для этого требовалось прежде всего: не холодность, равнодушная сердечность, поверхностная предупредительность, вѣжливая симпатія.

Но все это оказалось лишнимъ.

Феннимора, которую онъ теперь встрѣтилъ, была совсѣмъ не та, какой онъ ее покинулъ. Она все еще была хороша, ея станъ былъ такъ же роскошенъ и прекрасенъ, какъ и раньше, и у нея были все тѣ же лѣнивыя, небрежныя движенія, которыя очаровывали его прежде, но около губъ ея лежало выраженіе печальной усталости отъ мыслей, какъ это бываетъ у людей, слишкомъ много думающихъ; а въ нѣжныхъ глазахъ ея виднѣлась вызывающая жалость, грустная и мучительная жестокость. Онъ совсѣмъ не могъ понять ея, но одно было совершенно ясно, что ея мысли заняты не имъ, и что она совершенно не чувствительна къ вызываемымъ имъ воспомина-ніямъ. Она была похожа на человѣка, ужъ принявшаго свое рѣшеніе и видящаго все въ возможно худшемъ свѣтѣ.

Мало-по-малу онъ началъ разбирать ее, чтобы схватить потомъ цѣлое, и вотъ однажды, когда они гуляли вмѣстѣ по морскому берегу, явился проблескъ пониманія.

Эрикъ приводилъ въ порядокъ свою мастерскую, и въ то время, какъ Нильсъ и Феннимора гуляли вдоль берега, пришла служанка съ передникомъ, полнымъ хламу, и выбросила все на берегъ. Тутъ были старыя кисти, куски гипсовыхъ слѣпковъ, ломанныя лопатки, разбитыя бутылки изъ-подъ масла и пустыя трубочки отъ красокъ—цѣлая куча. Нильсъ рылся въ ней ногой, а Феннимора смотрѣла съ интересомъ, съ которымъ всегда смотрятъ на старый хламъ. Вдругъ Нильсъ отдернулъ ногу, словно обжегся, но сейчасъ пришелъ въ себя и началъ быстро рыться въ кучѣ.

— Ахъ, покажи мнѣ,—сказала Феннимора и положила ему руку на плечо, какъ будто чтобы удержать его.

Онъ наклонился и поднялъ гипсовый слѣпокъ—руку, держащую яйцо.-- Это навѣрно по ошибкѣ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, вѣдь она разбита, — сказала она и взяла ее отъ него.—Видишь, нѣтъ указательнаго пальца, — показала она, но, замѣтивъ въ ту же минуту, что гипсовое яйцо перерѣзано и желтокъ выкрашенъ желтой краской, чуть-чуть покраснѣла и медленно разбила руку о камень на куски...

— Ты помнишь, какъ она была сдѣлана?—спросилъ Нильсъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Я помню, что мою руку натирали зеленымъ

мыломъ, чтобы гипсъ къ ней не приставаль. Ты объ этомъ говоришь?

— Нѣтъ, я говорю о томъ, что, когда слѣпокъ твоей руки, сдѣланный Эрикомъ, передавали за чайнымъ столомъ изъ рукъ и въ руки, и онъ достался твоей старой теткѣ, то у нея на глазахъ выступили слезы, и она обняла тебя съ глубочайшимъ сочувствіемъ и поцѣловала тебя въ лобъ, какъ будто тебѣ кто-то нанесъ горькую обиду.

— Да, люди такъ чувствительны!

— Ахъ, нѣтъ, мы подняли ее на смѣхъ, и все-таки въ этомъ, — несмотря на бессмысленность, было что-то нѣжное.

— Да, много бываетъ такого бессмысленно-нѣжнаго.

— Ты какъ будто хочешь поссориться со мной?

— Нѣтъ, этого я не хочу, но я желала бы сказать тебѣ кое-что. Ты не разсердишься за нѣкоторую откровенность? — Скажи мнѣ, не думаешь ли ты, что, когда, напримѣръ, мужъ хочетъ, въ присутствіи своей жены, рассказать что-либо нѣсколько грубое, или если онъ, какъ тебѣ кажется, относится къ ней съ недостаточнымъ уваженіемъ, не думаешь ли ты, что было бы совершенно лишнимъ, относясь къ ней съ превеликой деликатностью и черезъ-чуръ по-рыцарски протестовать тебѣ противъ этого? Вѣдь нужно помнить, что мужъ лучше всѣхъ знаетъ

свою собственную жену и знаетъ, что ее можетъ разсердить или оскорбить; иначе онъ этого не сталъ бы дѣлать. Не правда ли?

— Нѣтъ, это неправда; вообще это такъ, но въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тебѣ, я могу отвѣтить: нѣтъ, не думаю.

— Ну и хорошо, могу тебя увѣрить, что женщины вовсе не такія эфирныя созданія, какъ думаютъ нѣкоторые холостяки; въ дѣйствительности онѣ вовсе не нѣжнѣе мужчинъ и ничѣмъ другимъ не отличаются отъ нихъ; повѣрь мнѣ, глина, изъ которой сдѣланы и тѣ и другіе, была немного грязновата.

— Милая Феннимора, ты, слава Богу, не знаешь, что говоришь, но ты очень несправедлива къ женщинамъ, къ самой себѣ; я вѣрю въ чистоту женщины.

— Чистота женщины, что ты думаешь о чистотѣ женщины?

— Я думаю... да, я думаю...

— Я скажу тебѣ, что ты думаешь,—ты ничего не думаешь, потому что это тоже одна изъ бессмысленныхъ нѣжностей. Женщина не *можетъ* быть чистой, она не должна быть такой, какъ она могла бы быть! Развѣ рука нашего Господа Бога предназначила ее для этого? Отвѣчай мнѣ!

— Нѣтъ, и десять тысячъ разъ нѣтъ. Что же это за безуміе? Зачѣмъ хотите все одной рукой

возносить насъ къ звѣздамъ, если другой вы должны тянуть насъ книзу. Развѣ вы не можете позволить намъ ходить по землѣ рядомъ съ вами, человекъ рядомъ съ человекомъ, и только. Вѣдь намъ нѣтъ возможности жить прозаично, развѣ вы слѣпите насъ миражами поэзіи. Оставьте же насъ въ покоѣ, ради Бога оставьте насъ въ покоѣ!

Она сѣла и заплакала.

Нильсъ понялъ многое. Феннимора была бы несчастна, еслибъ знала, какъ много. Отчасти это была старая исторія о праздничномъ блюдѣ любви, которое не хочетъ стать насущнымъ хлѣбомъ, но продолжаетъ оставаться праздничнымъ блюдомъ, день за днемъ дѣлаясь все безвкуснѣе, все противнѣе, все менѣе питательнымъ. Одинъ изъ нихъ не можетъ совершить чуда, и другой также не можетъ, и вотъ они сидятъ, все еще въ своихъ брачныхъ одеждахъ, продолжая другъ другу улыбаться и произнося торжественныя слова, но внутри они испытываютъ муки голода и жажды, и ихъ взоры начинаютъ бояться другъ друга, потому что сердца ихъ рождаютъ ненависть. Развѣ не такъ все началось? А потомъ другая, не менѣе печальная, исторія отчаянія женщины, которая не можетъ взять себя обратно, когда узнаетъ, что полубогъ, невѣстой котораго такъ весело было быть, совершенно обыкновенный смертный. Сначала отчаяніе, ненужное отчаяніе, затѣмъ полезная

притупленность, развѣ не такъ? Онъ думалъ, что это такъ, и понялъ все, ея суровость, ея терпкое смиреніе и ея грубость, которая была для нея горьчайшей каплей въ кубкѣ, во всемъ. Мало-по-малу онъ такъ же понялъ, что его внимательность и благоговѣйная почтительность должны были тяготить ее и раздражать, потому что женщина, свергнутая съ пурпурнаго ложа своихъ мечтаній на камень мостовой, почти готова ненавидѣть того, кто ей положить на камняхъ коверъ, желая въ своей первой горечи испытать жесткость во всей ея силѣ, ей мало итти по дорогѣ на ногахъ, она хочетъ ползти на колѣнахъ и какъ разъ тамъ, гдѣ дорога всего круче, гдѣ камни всего острѣе. Она не хочетъ ничьей руки и ничьей помощи, она не хочетъ поднять головы; пусть будетъ тяжесть такой, какъ есть; она хочетъ приникнуть лицомъ къ пыли и отвѣдать ея вкусъ.

Нильсу было такъ больно, но онъ оставилъ ее въ покоѣ, по ея желанію.

Было такъ жестоко видѣть, что она страдаетъ, и не смѣть помочь ей, сидѣть въ дали и въ глупыхъ мечтахъ видѣть ее счастливой; или съ холодной разсудительностью врача выжидать, разсчитывать и говорить себѣ печально, но спокойно, что облегченіе наступитъ не прежде, чѣмъ вся ея надежда на красоту и пышность жизни не истечетъ

кровью; болѣе спокойно потечетъ потокъ ея жизни; сознание притупится настолько, что она все забудетъ; и станетъ она достаточно прозаична, чтобы быть довольной, и, наконецъ, достаточно груба, чтобы радоваться туманному блаженству, которое много-много ниже того долгожданнаго неба, куда, взлетѣть стремясь, она такъ робко молила дать ей крылья. Отвращеніе ко всему міру наполнило его, когда онъ подумалъ, что та, передъ которой онъ нѣкогда въ своемъ сердцѣ падалъ на колѣни съ такимъ смиреніемъ и обожаніемъ, теперь, закованная въ рабскія цѣпи, такъ униженно должна стоять и мерзнуть у забора, въ то время, какъ онъ мчится мимо на высококомъ конѣ, и золото жизни звенитъ на немъ.

Въ концѣ августа въ одно изъ воскресеній, послѣ полудня Нильсъ переѣхалъ на лодкѣ фіордъ. Феннимора была одна дома, она лежала въ угловой комнатѣ на диванѣ и при каждомъ дыханіи испускала тотъ короткій стонъ, который, какъ намъ кажется, облегчаетъ страданія во время болѣзни. Она сказала, что у нея страшная головная боль и что никого нѣтъ дома, кто бы помогъ ей; служанка отпросилась со двора и ушла къ себѣ домой въ Гадзундъ, а вскорѣ послѣ ея ухода кто-то пришелъ за Эрикомъ; она совершенно не понимаетъ, куда они поѣхали въ такую дождливую

погоду. Уже нѣсколько часовъ она лежитъ тутъ и пробуетъ заснуть, но боль не даетъ ей думать объ этомъ. Раньше этого съ ней никогда не случилось и это произошло такъ внезапно,—въ полдень она еще была здорова,—сначала въ вискахъ, а затѣмъ все глубже и глубже, точно за глазами; только бы это не было опасно! Она совершенно не привыкла быть больной и теперь очень боится и совсѣмъ несчастна.

Нильсъ утѣшалъ ее, какъ только могъ; онъ сказалъ, что она должна лежать тихо, закрыть глаза и не говорить; онъ принесъ толстое одѣяло и закуталъ ей ноги, принесъ изъ буфета уксусу и положилъ ей холодный компрессъ на лобъ. Потомъ онъ тихо сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на дождь.

Время отъ времени онъ подходилъ къ ней на цыпочкахъ и молча перемѣнялъ компрессъ; онъ только кивалъ ей, когда она съ благодарностью взглядывала на него сквозь его руки. Иногда она хотѣла говорить, но онъ качалъ головой и успокаивающимъ взоромъ запрещалъ ей говорить. И потомъ опять шелъ на свое мѣсто.

Наконецъ, она заснула.

Прошелъ часъ и еще часъ; она все еще спала. Каждая новая четверть часа медленно переходила въ другую, и медленно убывалъ печальный дневной свѣтъ; тѣни комнаты понемногу увеличива-

лись, вырастая изъ мебели и стѣнъ. А на дворѣ дождь все шелъ безъ остановки и заглушалъ всѣ другіе звуки шумомъ струй своихъ.

Она еще спала.

Запахъ уксуса и ванильный аромать геліотроповъ, стоявшихъ на окнѣ, сливались въ кислотоватый винный запахъ и наполняли собою воздухъ, который согрѣвался этими испареніями и выдѣлялъ все болѣе и болѣе густую росу на сѣрыя стекла, по мѣрѣ того, какъ вечеръ становился все прохладнѣй.

Нильсъ унесся далеко въ мечтахъ и воспоминаніяхъ, несмотря на то, что все это время часть его сознанія была тамъ, у спящей, охраняя ея сонъ. Но темнота росла, и фантазія его уставала питать вспыхивающіе и потухающіе сны, какъ и земля устааетъ питать все тѣ же сѣмена; мечты тускнѣли, вяли, утрачивали пышныя подробности, теряли свои странно соплетенные побѣги. И мысли изъ далекаго вернулись къ близкому. Какъ тихо! Они какъ будто на островѣ молчанія, стоящемъ въ морѣ дождевого звука. И души ихъ такъ тихи, и спокойны, и будущее дремлетъ въ мирной колыбели.

О, если бы она никогда не просыпалась и все бы оставалась такъ, не нужно счастья бѣльшаго, чѣмъ беззаботная тишина, далекая отъ шумливыхъ безпокойствъ. О, если бы жизнь кончилась, какъ

закрывающаяся почка и никогда бѣ весна не наступала!

Феннимора позвала его. Она уже нѣкоторое время не спала и такъ была счастлива, избавившись отъ боли, что ей совершенно не пришло въ голову заговорить. Теперь она хотѣла встать и зажечь свѣтъ, но Нильсъ продолжалъ быть докторомъ и заставилъ ее лежать. Ей не хорошо сейчасъ вставать; у него же есть спички, и онъ найдетъ лампу.

Онъ зажегъ лампу и поставилъ ее въ уголъ на подставку для цвѣтовъ, такъ что круглый, бѣлый абажуръ наполовину закрывался нѣжной, дремлющей вѣткой акаціи; теперь въ комнатѣ было свѣтло лишь настолько, что они могли видѣть черты лица другъ друга.

Онъ сѣлъ противъ нея, и они стали разговаривать о дождѣ и о томъ, какъ хорошо, что Эрикъ взялъ съ собою дождевой плащъ и какъ промокнетъ бѣдная Трина. Потомъ разговоръ прекратился.

Мысли Фенниморы были нѣсколько сонны, усталость все еще была въ ея членахъ, и ей было очень пріятно лежать такъ спокойно и думать, лишь на половину, не разговаривая; Нильсъ тоже не былъ расположенъ разговаривать: онъ еще находился подъ впечатлѣніемъ долгаго молчанія днемъ.

— Нравится ли тебѣ этотъ домъ?—спросила, наконецъ, Феннимора.

— О, да, онъ мнѣ нравится.

— Правда? Помнишь ли ты еще мебель у насъ дома?

— Въ Фьордбю? Очень хорошо.

— Какъ она мила мнѣ, и какъ я часто о ней мечтаю! Тѣ вещи, которыя теперь у насъ, вѣдь не наши, онѣ взяты только на время, и намъ нѣтъ до нихъ дѣла, онѣ намъ ничего не напоминаютъ, и мы съ ними будемъ жить только, пока мы здѣсь. Можетъ быть, тебѣ покажется это страннымъ, но, увѣряю тебя, иногда я чувствую себя такой одинокой среди чужихъ вещей, которыя стоятъ такъ глупо и равнодушно, относятся ко мнѣ безразлично и которымъ до меня нѣтъ никакого дѣла. И такъ какъ онѣ не уйдутъ вмѣстѣ со мной, а останутся здѣсь, пока не придетъ кто-либо за ними, то я не могу привязаться къ нимъ или интересоваться ими, какъ могла бы, если бѣ знала, что мой домъ будетъ ихъ домомъ и что, если случится со мной что-либо, хорошее или дурное, то среди нихъ. Ты находишь это ребячествомъ? Можетъ быть, это и такъ. Но что же я могу сдѣлать?

— Я не знаю, что это, но я испыталъ это на себѣ, когда былъ одинъ за границей. Мои часы остановились, и когда я ихъ получилъ обратно

отъ часовщика и они опять шли, то было... именно такъ, какъ ты говоришь. Это было благодетельно, въ этомъ чувствѣ было что-то особенное, что-то дѣйствительно милое.

— Да, не правда ли! О, я на твоёмъ мѣстѣ поцѣловала бы ихъ.

— Правда?

— Скажи,—начала она вдругъ,—ты мнѣ никогда не рассказывалъ о томъ, какимъ былъ Эрикъ въ дѣтствѣ. Какимъ онъ былъ?

— Все, что есть добраго и красиваго, было въ немъ, Феннимора. Прекрасный, смѣлый, во всѣхъ отношеніяхъ идеаль мальчика. Не совсѣмъ идеаль матери или учителя, но тотъ, другой, лучшей идеаль.

— Какъ вы относились другъ къ другу? Вы были близки?

— Да, знаешь, я былъ совершенно влюбленъ въ него; и онъ не имѣлъ ничего противъ этого,—приблизительно такъ; вѣдь, знаешь, мы такіе были разные. Я всегда хотѣлъ быть поэтомъ и знаменитостью; а знаешь, что онъ мнѣ однажды отвѣтилъ, когда я спросилъ у него, кѣмъ бы онъ хотѣлъ быть больше всего?—Индѣйцемъ, настоящимъ краснымъ индѣйцемъ съ боевыми знаками и всѣмъ остальнымъ, что сюда относится! Помню, я этого совершенно не могъ понять: какъ можно желать быть дикаремъ? До такой степени я былъ цивилизованъ!

— Но не странно ли тогда, что онъ могъ сдѣлаться художникомъ?—сказала Феннимора, и въ ея тонѣ послышалось что-то холодное, враждебное.

Нильсъ замѣтилъ это и смутился.—Ахъ, нѣтъ, сказалъ онъ,—рѣдко бываетъ, чтобы люди всецѣло становились художниками. И какъ разъ такіе бодрые, жизнерадостные люди, какъ Эрикъ, имѣютъ непреодолимое влеченіе ко всему, что нѣжно и тонко: ко всему нѣжному, дѣвственно-холодному, сладостно-возвышенному,—я не знаю, какъ это назвать. По наружному виду они могутъ быть достаточно сильны и полнокровны, даже грубы, и никто не подозрѣваетъ, какія чудесныя романтическія тайны они хранятъ въ своей душѣ, потому что они такъ стыдливы, такъ стыдливы въ самой душѣ своей, эти большіе мужчины съ тяжелой походкой, что ни одна юная, блѣдная дѣвушка не можетъ быть стыдливѣй ихъ. Ты понимаешь, Феннимора, что одна тайна, которую нельзя вынести на дневной свѣтъ простыми словами, можетъ сдѣлать человѣка художникомъ? И они не могутъ высказать ее, слышишь, не могутъ; нужно вѣрить, что она есть и тихо живетъ внутри, какъ цвѣточная луковица въ землѣ, которая все-таки когда-нибудь покажетъ на свѣтъ свое сокровище—пахучій цвѣтокъ съ блѣдными красками. Понимаешь, не желай для себя этого будущаго цвѣтка,

довольствуйся тѣмъ, что имѣешь право питать его и знать, что онъ будетъ.—Прости, Феннимора, но я боюсь, что вы съ Эрикомъ не достаточно хорошо относитесь другъ къ другу. Развѣ нельзя этого измѣнить? Не думай о томъ, кто правъ, или о томъ, какъ велика твоя несправедливость, ты не имѣешь права быть къ нему справедливой, ибо до чего бы дошли лучшіе изъ насъ со своей справедливостью,—нѣтъ, думай о немъ, каковъ онъ былъ въ тотъ часъ, когда ты его больше всего любила, повѣрь мнѣ, онъ достоинъ этого. Ты не должна ни взвѣшивать, ни мѣрить; я знаю, въ любви существуютъ моменты свѣтлаго, торжественнаго экстаза, когда можно отдать жизнь за любимаго человѣка, если будетъ нужно. Не правда ли? Подумай объ этомъ, Феннимора, не забывай этого, ради него и ради тебя самой.

Онъ замолчалъ.

И она ничего не говорила, она тихо лежала съ печальной улыбкой на губахъ, блѣдная, какъ цвѣтокъ. Потомъ она поднялась и протянула Нильсу руку.

— Будешь мнѣ другомъ?—сказала она.

— Я уже другъ тебѣ, Феннимора, — и онъ взялъ ея руку.

— Будешь, Нильсъ?

— Всегда...—отвѣтилъ онъ и тихо поднялъ ея руку къ губамъ.

Потомъ онъ всталъ и Фенниморъ показалось, что онъ стройнѣй, чѣмъ раньше.

Вскорѣ пришла Трина и сказала, что она возвратилась. Потомъ былъ чай и въ заключеніе печальное путешествіе на лодкѣ подъ дождемъ.

Утромъ Эрикъ пришелъ домой, и когда Феннимора увидѣла въ холодномъ, правдивомъ свѣтѣ утра, какъ онъ готовился ко сну, тяжелый и неувѣренный отъ пьянства, со стекляннымъ выраженіемъ глазъ отъ игры, грязно-блѣдный отъ бессонной ночи, тогда всѣ прекрасныя слова, сказанныя Нильсомъ, показались ей совершенно фантастичными, и дружелюбныя обѣты, которые она мысленно давала, исчезли, блѣднѣя передъ наступающимъ днемъ; они казались простымъ обманомъ сновидѣній, игрой мыслей, наборомъ лживыхъ словъ.

Зачѣмъ было бороться противъ этого, когда на обоихъ лежало такое бремя безнадежности. Совершенно напрасно лгать, что этого бремени нѣтъ; вѣдь ихъ жизнь никогда не пойдетъ на ладъ — зима пришла къ нимъ; нѣжныя вѣтви, усыянные розами, обвивались около нихъ, соединяли ихъ, и вотъ онѣ потеряли все до послѣдняго листка и цвѣточка, и только голые, крѣпкіе прутья, связываютъ и спутываютъ ихъ. Зачѣмъ искусственно оживлять чувства прежнихъ дней, подогрѣвая теплотой воспоминаній; зачѣмъ воз-

двигать кумира, вызывая блескъ восхищенія въ глазахъ, слова обожанія на устахъ и румянецъ счастья на устахъ, зачѣмъ все это если *онъ* не хочетъ стать жрецомъ этого кумира и помочь *ей* въ ея благочестивомъ обманѣ. Онъ! Онъ не зналъ больше ея любви, въ его ушахъ не осталось ни одного изъ ея словъ, въ его душѣ не сохранилось ни одного дня ихъ общей жизни!

Нѣтъ, тиха и мертва была любовь, прежде наполнявшая ихъ сердца; ея аромат, ея свѣтъ, ея звуки, все исчезло; и все-таки они по старой привычкѣ могли сидѣть,—онъ, обнявъ ее за шею, она, склонивъ голову на его плечо, погрузившись въ усталыя мечты, забывая другъ о другѣ. Она, чтобы вспоминать о томъ прекрасномъ, кѣмъ онъ все-таки никогда не былъ,—онъ, чтобы видѣть ее въ мечтахъ тѣмъ же идеаломъ, который и теперь ему сіялъ изъ тучъ надъ ея головою.

Такова была ихъ совмѣстная жизнь; дни приходили и уходили, не принося никакой переменны; и день за днемъ они смотрѣли на пустыню своей жизни и говорили себѣ; да, пустыня, нѣтъ цвѣтовъ и нѣтъ надежды на цвѣты и зеленѣющія пальмы, на ключевую воду.

Чѣмъ ближе надвигалась осень, тѣмъ чаще дѣлались поѣздки Эрика на попойки. „Зачѣмъ, говорилъ онъ Нильсу, сидѣть дома и ждать идей, которыя никогда не приходятъ, ждать до тѣхъ

поръ, пока мысли въ головѣ не начнутъ каменѣть“. Впрочемъ, общество Нильса приносило ему мало утѣшенія, ему нужны были люди, полные жизни, люди съ живой плотью и кровью, а не игрушка со слабыми нервами. Нильсъ и Феннимора поэтому часто бывали вмѣстѣ одни, такъ какъ Нильсъ каждый день отправлялся въ Марианелундъ.

Союзъ дружбы, который они заключили, и слова, которыми они обмѣнялись въ тотъ воскресный вечеръ, сдѣлали ихъ отношенія болѣе непринужденными и вѣрными; оба одинокіе, они заключили искреннюю, теплую дружбу, которая на нее стала вскорѣ оказывать большое вліяніе и настолько заняла ее умъ, что мысли ея постоянно стали устремляться къ этому дружественному союзу, независимо отъ того, были они вмѣстѣ или нѣтъ; такъ, птицы, строя себѣ гнѣздо, то собирая, то выбрасывая, имѣютъ одну цѣль—какъ можно теплѣй и легче построить себѣ гнѣздо.

Когда Нильсъ пріѣзжалъ, и Эрика не было дома, то они почти всегда, несмотря на дождь или грозу, дѣлали долгія прогулки въ лѣсу, примыкавшемъ къ саду. Они влюбились въ этотъ лѣсъ, и чѣмъ ближе его лѣтняя жизнь приходила къ концу, тѣмъ милѣе былъ онъ для нихъ. Тамъ можно было наблюдать такъ много. Сначала, какъ листва желтѣла, краснѣла и темнѣла, потомъ, какъ она опадала, въ вѣтренные дни, носясь

золотыми вихрями, а въ тихіе дни падалъ листь за листомъ, и тихо шелестя между крѣпкими и гибкими коричневыми вѣтвями. И когда листва спадала съ кустовъ и деревьевъ, тогда обнаружались всѣ тайны лѣта: какихъ только тамъ не было сѣмянъ, пестрыхъ ягодъ, коричневыхъ орѣховъ, блестящихъ желудей и милыхъ желудковыхъ чашечекъ, коралловыхъ пучковъ барбариса, черныхъ блестящихъ ягодъ терновника и ярко-красныхъ кувшинчиковъ на кустахъ шиповника. На безлистныхъ букахъ густо сидѣли колючіе буковые орѣшки и кусты рябины сгибались подъ тяжестью красныхъ кистей, запахъ которыхъ былъ такъ же кисловатъ, какъ запахъ сидра. Поздняя ежевика, черными и бурыми пятнами, лежала на сырой листвѣ около дороги, въ верескѣ росла брусника, и дикая малина приносила во второй разъ свои матово-красные плоды. Увядавшій папоротникъ былъ окрашенъ въ пестрые цвѣта, и, наконецъ, мохъ — это было настоящее открытіе: не только сильный мохъ, растущій на землѣ, по склонамъ горъ и на днѣ овраговъ, но и тонкій мохъ, растущій на стволахъ деревьевъ, похожій на то, чѣмъ можно себѣ представить посѣвы эльфовъ: онъ росъ тоненькими, тоненькими былинками, на концѣ которыхъ, какъ колосья, сидѣли темно-бурыя почки.

Съ дѣтскимъ любопытствомъ изслѣдовали они

лѣсъ вдоль и поперекъ, отыскивая его сокровища и достопримѣчательности, — какъ дѣти, они подѣлили его между собой; все, что лежало по одну сторону проѣзжей дороги, принадлежало Фенниморѣ, по другую сторону — Нильсу; они часто сравнивали свои владѣнія и спорили, чье богаче. Все получало имена: ущелья, холмы, тропинки, заборы, рвы и насыпи; а когда встрѣчалось имъ особенно красивое дерево, то и оно получало имя. Такимъ образомъ они всецѣло завладѣли лѣсомъ и создали себѣ маленькій міръ, о которомъ никто не зналъ, и гдѣ никто не могъ бы жить, кромѣ нихъ, но все же у нихъ не было ни *одной* тайны, о которой не могъ бы слышать весь свѣтъ.

Еще не было.

Но любовь была въ ихъ сердцахъ, и все-таки ея тамъ не было, подобно тому, какъ кристаллы находятся въ пересыщенномъ растворѣ, и въ то же время ихъ тамъ нѣтъ; ихъ нѣтъ, пока осколокъ или малѣйшая частица вещества не погрузится въ жидкость, и точно по волшебству, заставитъ выдѣлиться дремлющіе атомы, которые устремятся другъ къ другу, соединятся по невѣдомымъ законамъ, сольются и въ мгновеніе ока создадутъ кристаллъ... кристаллъ.

Точно также пустякъ заставилъ ихъ почувствовать, что они любятъ.

О чемъ рассказывать? Былъ день, какъ всѣ

другіе, они были одни въ гостиной, какъ сто разъ бывали раньше, разговаривали о безразличныхъ вещахъ, и все, что происходило, было самое будничное и обыкновенное; случилось только, что Нильсъ сталъ у окна и смотрѣлъ на дворъ, — и Феннимора тоже подошла и стала смотрѣть; вотъ и все; но это было достаточно: какъ подъ ударомъ молніи, для Нильса Люне преобразилось настоящее, прошедшее и будущее отъ проблеска сознанія, что онъ любитъ женщину, стоящую съ нимъ рядомъ; въ его чувствѣ не было ничего свѣтлаго, сладостнаго, счастливаго и прекраснаго, что могло бы вознести его къ блаженству и восторгу, — не такой была его любовь; онъ ее любилъ, какъ нѣчто, безъ чего совсѣмъ нельзя жить, какъ безъ дыханія; и какъ утопающій хватаетъ рукой вокругъ себя, такъ онъ схватил ея руку и прижалъ къ сердцу.

И она поняла его. Въ испугѣ и горѣ она почти крикнула ему въ отвѣтъ признаніе: „О, да, Нильсъ!“ и вырвала у него руку.

Блѣдная, одинъ мигъ оставалась она въ нерѣшительности; потомъ опустилась колѣномъ на мягкій стулъ и, зарывъ лицо въ бархатную спинку, громко зарыдала.

Нѣсколько секундъ Нильсъ ничего не видѣлъ, и его руки искали опоры среди банокъ съ цвѣточными луковицами.

Это продолжалось нѣсколько секундъ; потомъ онъ подошелъ къ стулу, на которомъ она лежала, и склонился надъ ней, опираясь рукой о спинку и не касаясь ея.

— Не отчаивайся, Феннимора, посмотри на меня и давай поговоримъ. Ты не хочешь? Не бойся; вмѣстѣ будемъ нести наше горе, моя единственная, любимая! Попробуй, можешь ли ты?

Она приподняла голову и взглянула на него.

— О, Боже, что намъ дѣлать! — Вѣдь это ужасно, Нильсъ! Зачѣмъ моя жизнь такъ сложилась на землѣ? А какой прекрасной могла бы она быть—какой счастливой!—и она снова зарыдала.

— Мнѣ надо было молчать, — сказалъ онъ печально,—бѣдная, тебѣ лучше было бы никогда не знать объ этомъ?

Она опять подняла голову и схватила его руку.—Хотѣла бы узнать и потомъ умереть, о, если бъ я лежала въ могилѣ и знала объ этомъ; какъ бы это было хорошо, о, какое блаженство!..

— Какъ горько, Феннимора, что любовь прежде всего приноситъ намъ страхъ и слезы. Не правда ли?

— Не будь суровъ ко мнѣ, Нильсъ, я не могу иначе. Ты не можешь смотрѣть на это, какъ я, мнѣ слѣдовало бы быть сильной, такъ какъ связанная—я. Если бъ я силой могла взять свою любовь и скрыть ее въ глубокомъ тайникѣ своей

души, чтобы не слышать ни моленій ея, ни жалобъ, и затѣмъ притти къ тебѣ и попросить тебя уѣхать; но я не могу, я слишкомъ много страдала; еще это перенести я не въ состояніи, я не могу, Нильсъ. Я не могу жить безъ тебя, развѣ я могла бы? Неужели ты думаешь, что я могу!

Она встала и прижалась къ его груди.

— Я здѣсь и не отпущу тебя, я не *хочу* отпускать тебя и самой оставаться въ прежнемъ мракѣ.—Это какъ черная бездна омерзенія и муки, я не хочу упасть въ нее, я лучше брошусь въ воду, Нильсъ, и если въ новой жизни будутъ страданія, то все же это *новыя* страданія, не имѣющія тупого жала старыхъ, и не умѣющія ранить, какъ старыя, жестоко измучившія мое сердце. Я говорю, какъ безумная? — Да, конечно, но такъ хорошо, когда можно высказаться, не сдерживаясь, когда не нужно остерегаться сказать тебѣ многое, чего я не имѣю права говорить. Но теперь ты одинъ имѣешь право! Если бъ ты могъ взять меня всю, чтобы я совсѣмъ не принадлежала другому; если бъ ты могъ вырвать меня изъ путь, сковывающихъ меня!

— Мы должны порвать ихъ, Феннимора. Я все отлично устрою, только не бойся; въ одинъ прекрасный день, когда еще ни у кого не будетъ подозрѣній, мы будемъ далеко отсюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не должны бѣжать, только

не это; все, что угодно, лишь бы мои родители не узнали, что ихъ дочь убѣжала; это невозможно, и этого я никогда не сдѣлаю, клянусь небомъ, я никогда этого не сдѣлаю.

— Но ты должна, дитя, должна; развѣ ты не видишь, какая подлость и низость вырастутъ вокругъ насъ, если мы останемся, какъ отвратительно хитрость, ложь и притворство опутаютъ насъ, придавятъ къ землѣ и сдѣлаютъ несчастными. Я не хочу, чтобы все это пятнало тебя, или приставало къ нашей любви, какъ ядовитая ржавчина.

Но она была непреклонна.

— Ты не знаешь, на что ты осуждаешь насъ,—сказалъ онъ печально,—было бы гораздо лучше итти впередъ желѣзною стопой, вмѣсто того, чтобы щадить. Повѣрь, Феннимора, если наша любовь не будетъ для насъ всѣмъ, единственнымъ, первымъ въ мірѣ, тѣмъ, что мы прежде всего должны спасать, если мы не будемъ наносить удары тѣмъ, кого хотѣли бы беречь, не будемъ приносить горя тамъ, гдѣ мы хотѣли бы устранить всякую тѣнь горя—если мы не будемъ дѣлать этого, то ты увидишь, что все, передъ чѣмъ мы склоняемся, тяжело ляжетъ на наши плечи и заставитъ насъ пасть на колѣни, безжалостно и неумолимо. А ты не знаешь, какъ трудно вести борьбу, стоя на колѣняхъ... Ты не должна

плакать. Мы всё-таки будемъ бороться, моя дѣвочка, бокъ-о-бокъ, противъ *всего*.

Въ теченіе слѣдующихъ дней Нильсъ все уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, но потомъ онъ сталъ представлять себѣ, какимъ ударомъ было бы для Эрика, вернувшись домой, не найти ни друга, ни жены; мало-по-малу это стало казаться ему невозможнымъ, и онъ отвыкъ думать объ этомъ, какъ и о многомъ, что онъ желалъ бы видѣть другимъ; всей душой отдавался онъ условіямъ, такимъ, какими они были, сознательно не пытаясь вообразить себѣ ихъ иными, или сокрыть ихъ недостатки ложью фантастическихъ украшеній. Какъ сладко было любить, любить любовью настоящей жизни; то, что онъ прежде считалъ любовью: грустное влеченіе одинокаго, пламенное желаніе фантазера, полная предчувствій нервозность мальчика,—все это не было любовью; это были теченія въ великомъ океанѣ любви, отдѣльныя отраженія ея полного свѣта, осколки любви, подобно тому, какъ разсѣкающіе воздухъ метеоры—осколки мірового тѣла; потому что любовь—міръ, одно *цѣлое*, нѣчто полное, великое, стройное. Не беспорядочное, безсодержательное теченіе чувствъ и настроеній—любовь, какъ природа, вѣчно мѣняется, вѣчно рождаетъ, ни одно настроеніе въ ней не умираетъ, ни одно чувство

не увядаетъ, не давъ жизни заключенному въ ней зародышу чего-либо еще болѣе прекраснаго. Хорошо было такъ любить, здоровой, спокойной любовью, глубоко дыша, любить всей душой. Дни падали съ неба, новые и свѣтлые, они не проходили въ извѣстномъ порядкѣ, какъ изношенные картины райка; каждый изъ нихъ былъ откровеніемъ, потому что съ каждымъ днемъ Нильсъ чувствовалъ себя выше и сильнѣе. Онъ никогда не зналъ прежде такой глубины и силы чувства, и бывали моменты, когда онъ мнилъ себя скорѣе титаномъ, чѣмъ человѣкомъ, такое неистощимое внутреннее содержаніе чувствовалъ онъ въ себѣ, такъ переполнено нѣжностью было его сердце,—такъ широко смотрѣлъ его взоръ—такъ героически кротко было его сужденіе.

Это было начало и счастье, и они долго были счастливы.

Ежедневная ложь и притворство, атмосфера безпокойства, въ которой они жили, все это не имѣло надъ ними никакой силы и не могло еще настигнуть ихъ на тѣхъ высотахъ восторга, куда Нильсъ вознесъ ихъ отношенія и тѣмъ самымъ ихъ самихъ; вѣдь онъ не былъ просто человѣкомъ, обольстившимъ жену своего друга; или лучше сказать, онъ имъ былъ, онъ упорно говорилъ себѣ, что былъ, но въ то же время онъ былъ освободителемъ невинной женщины, которую оше-

ломила, окаменила и осквернила жизнь; женщины, которая дошла ужъ до того, чтобы дать умереть своей душѣ; онъ ей вернулъ вѣру въ жизнь и въ свои силы; онъ духъ ея вознесъ къ величію и благородству; онъ далъ ей счастье. Что же было бы лучше—нелѣпое несчастье безъ нея или обладаніе ею? Больше онъ не спрашивалъ, онъ ужъ сдѣлалъ свой выборъ.

Итакъ объ этомъ онъ не думалъ. Человѣкъ такъ часто строить себѣ теоріи, жить по которымъ онъ не можетъ; такъ часто мысли идутъ дальше, чѣмъ чувство справедливости или несправедливости имѣетъ счастье слѣдовать за ними. Но представленіе объ этомъ жило въ немъ и много постоянно необходимой лжи, хитрости и низости черпалось въ снѣдающемъ его вѣчно ядѣ.

И постепенно все-таки они должны были почувствовать это; слишкомъ истощались его тонкіе нервы, чтобы все прошло безвредно и безболно; моментъ ускоренъ былъ тѣмъ, что вскорѣ послѣ новаго года Эрикъ сталъ говорить Нильсу, какъ ему мерещится что-то зеленое, въ плащѣ, и угрожающее. Не помнитъ ли онъ зелень у Іоны Сальватора Розы? Такъ вотъ, похоже.

Хотя работа Эрика по большей части состояла въ томъ, что онъ, лежа на диванѣ въ мастерской, курилъ и читалъ Марріэтъ, все-таки благодаря этому онъ чаще бывалъ дома, что принуждало

обоихъ къ новымъ предосторожностямъ, новой лжи и новымъ выдумкамъ.

Первыя тучи на небо принесла излишняя осторожность Фенниморы. Сначала это было только - только мимолетно промелькнувшее сомнѣніе у Нильса, не выше ли его любовь, чѣмъ та, которую онъ любитъ. Но эта мысль была неопредѣленна, неясна, скорѣе это было смутное предчувствіе, которое указывало только путь сомнѣніямъ, невнятное волненіе души, клонящейся въ ихъ сторону.

Но все же эта мысль возвращалась снова, и за собой влекла уже нѣчто большее, сначала тоже смутное и неопредѣленное, но съ каждымъ днемъ растущее острѣе и острѣй. И было удивительно, съ какой бѣшеной скоростью все надрывалось, унижалось и лишалось блеска. Его любовь не стала меньше, напротивъ, она легла на душу еще глубже, еще страстнѣй и горячѣе она стала, но эти пожатія другъ другу рукъ украдкой, за дверьми, и эти поцѣлуи за дверьми въ передней, и продолжительные взгляды на глазахъ у того, кого обманывали они,—все это отнимало у его любви величіе. Ужъ счастье не стояло надъ головами ихъ спокойно; они должны были ловить его сіянье и его улыбки, какъ и гдѣ могли; хитрость и обманъ перестали быть печальной необходимостью и стали радостью и торжествомъ;

ложь стала во истину стихіей ихъ, и ихъ любовь отъ этого мельчала и опошлялась. Были также унижительныя тайны, которыя печалили ихъ раньше каждаго отдѣльно, потому что каждый, видимо, считалъ другого незнающимъ; теперь пришлось дѣлиться ими: Эрикъ застѣнчивъ не былъ и часто ласкалъ свою жену въ присутствіи Нильса, цѣловалъ ее, бралъ на колѣни, обнималъ; и Феннимора ужъ не смѣла отвергать такія ласки, на это не было ужъ силъ, какъ прежде; сознаніе своей вины дѣлало ее неувѣренной и робкой.

Такъ все тонулъ, тонулъ высокій замокъ ихъ любви, съ вершинъ котораго такъ гордо смотрѣли они на міръ, такими гордыми, такими сильными себѣ казались.

Но и подъ развалинами хорошо имъ было.

Если они шли теперь гулять въ лѣсъ, то это чаще всего было въ сумрачные дни, когда туманъ виситъ между рыжими вѣтвями, сгущая сумракъ между влажными стволами, чтобы никто не могъ увидѣть, какъ они цѣлуются; и обнимались они тамъ, гдѣ никто не могъ услышать ихъ легкомысленныхъ рѣчей и звуковъ рѣзаго ихъ смѣха.

Знакъ міровой печали, который носила ихъ любовь, стерся. Пустыя шутки, легкой смѣхъ теперь царили между ними; лихорадочная торопливость охватила ихъ и жадность къ улетающимъ секундамъ вѣчности, какъ будто надо было имъ

спѣшить любить, какъ будто бы предъ ними не лежало еще цѣлой жизни.

И когда Эрикъ, уставъ за мѣсяць отъ своихъ мыслей, опять принялся за свои поѣздки такъ ревностно, что рѣдко сталъ бывать дома два дня подрядъ—это не повлекло за собой никакой перемѣны. Куда они упали, тамъ и остались. Быть можетъ иногда въ часы одиночества они и смотрѣли тоскливо на прежнее, на высоту, съ которой пали; быть можетъ, они только удивленно думали о томъ, какъ утомительно держаться тамъ, на высотѣ, и развѣ не мягче здѣсь, гдѣ они теперь. Но ничего не измѣнялось. По крайней мѣрѣ, не измѣнялось настолько, чтобы вернуть ихъ къ прежнему; и все таки низость безсилія, позволявшая имъ жить такъ, какъ они жили, не бѣжать отъ этой жизни, все больше проникало въ ихъ сознание и все сильнѣе связывала ихъ чувствомъ общей виновности; вѣдь ни она, ни онъ не хотѣли, чтобъ все было иначе, чѣмъ теперь. И не скрывали вовсе этого другъ отъ друга, потому что ихъ довѣріе дошло ужъ до цинизма двухъ сообщниковъ, и не было ужъ *ничего* въ ихъ отношеніяхъ, о чемъ бы стало имъ стыдно говорить. Съ печальнымъ мужествомъ они называли вещи ихъ именами, смотрѣли прямо имъ въ глаза и обо всемъ говорили такъ, какъ было.

Въ февралѣ показалось, что зимѣ конецъ, но тутъ пришелъ мартъ въ бѣломъ плащѣ, подбитомъ вѣтромъ, и метели полетѣли за метелями, окутывая землю высокимъ слоемъ снѣга. Потомъ морозы стихли, но на фіордѣ ледъ толщиною въ четверть локтя лежалъ еще долго.

Въ концѣ мѣсяца однажды вечеромъ послѣ чая Феннимора сидѣла одна и ждала.

Было очень свѣтло; піанино съ зажженными свѣчами стояло открытое, съ лампы былъ снятъ абажуръ; золотыя полочки и все, что висѣло на стѣнахъ, выступало отчетливо и весело. Гиацинты съ окна были переставлены на письменный столъ; они казались теперь массой блестящихъ красокъ и наполняли воздухъ чистымъ и крѣпкимъ, освѣжающимъ запахомъ. Въ печкѣ горѣлъ огонь, негромко и пріятно потрескивая.

Феннимора ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, почти балансируя по узкой темной, красной полосѣ ковра. На ней было нѣсколько старомодное черное шелковое платье, съ тяжелой отдѣлкой, которое волочилось по полу и, когда она ходила, ложилось то на одну, то на другую сторону.

Она тихо напѣвала что-то и обѣими руками держалась за матово-желтую янтарную цѣпь, которую носила на шеѣ; переставала пѣть, когда

теряла равновѣсіе и колебалась на своей красной полосѣ, но за цѣпочку продолжала держаться; быть можетъ, такъ ходя, она гадала: если она пройдетъ столько-то разъ по красной полосѣ, не выпуская цѣпи, то Нильсъ придетъ.

Онъ былъ у нея днемъ, когда уѣзжалъ Эрикъ, и оставался до вечера, но обѣщалъ еще прийти, когда взойдетъ мѣсяцъ и можно будетъ видѣть трещины на фіордѣ.

Феннимора кончила свое гаданье, какой тамъ результатъ ни будетъ, и подошла къ окну.

Совсѣмъ не было похоже на то, что мѣсяцъ взойдетъ сегодня вечеромъ, такое черное было небо, а тамъ дальше, на сѣро-синемъ льду, еще темнѣе было, чѣмъ здѣсь, на берегу, гдѣ лежалъ снѣгъ. Ужъ лучше бы онъ не приходилъ. Со вздохомъ отреченія она сѣла за піанино, но сейчасъ же встала опять, чтобы посмотрѣть на часы. Потомъ, вернувшись, съ рѣшительнымъ видомъ поставила передъ собой толстую тетрадь нотъ; но играть не стала; разсѣянно перелистывала ноты; погрузилась въ мысли.

О, если бы онъ стоялъ теперь на томъ берегу, привязывая себѣ коньки, еще минута, и онъ здѣсь! Она такъ ясно видѣла его передъ собой; отъ бѣга онъ дышалъ немного тяжело и шурился: здѣсь въ комнатѣ такъ свѣтло послѣ той темноты. Отъ него идетъ такой холодъ, и борода

вся въ крошечныхъ, блестящихъ капелькахъ. И сейчасъ онъ скажетъ—да, что онъ скажетъ?

Она улыбнулась и потупила глаза.

А луны все еще нѣтъ.

Она снова подошла къ окну и осталась стоять тамъ и смотрѣть въ темноту до тѣхъ поръ, пока темнота эта на ея глазахъ не пополнилась маленькими бѣлыми точками и кольцами всѣхъ цвѣтовъ радуги. Но они были очень неопредѣленны. А ей хотѣлось бы, чтобы тамъ былъ фейерверкъ, чтобы ракеты взлетали длинными, длинными полосами, становились потомъ маленькими змѣйками, сверлящими небо, и съ трескомъ разсыпались; или чтобы большой, большой матовый шаръ, затрепетавъ въ воздухъ, упалъ бы дождемъ тысящевѣтныхъ звѣздъ; вотъ, вотъ! Смотрите! Такой мягкій и круглый, и потомъ, будто косой дождь золота—счастливаго пути! И все.—Но, Боже, онъ все не идетъ!—а играть она не хочетъ. Въ тотъ же мигъ она повернулась къ пианино, громко взяла октаву и держала клавиши до тѣхъ поръ, пока звукъ совсѣмъ не замеръ, и потомъ опять взяла, и опять, и опять. Она не хочетъ играть. Не хочетъ играть, не хочетъ.—Можетъ быть, хочетъ танцевать? На минуту она закрыла глаза и мысленно понеслась въ залъ, красной и бѣлой съ золотомъ.—Какъ хорошо бы теперь потанцевать, разгорячиться и жадно пить

шампанское. И ей вспомнилось, какъ она съ одной подругой, еще будучи въ школѣ, сдѣлали себѣ шампанское изъ содовой воды съ одеколономъ, а потомъ, напившись, заболѣли.

Она поднялась, прошлась по комнатѣ и бессознательно оправила себѣ платье, какъ послѣ танцевъ.

„Ну, а если я теперь стану благоразумной!“ сказала она себѣ въ пол-голоса, взяла свою работу и сѣла въ большое кресло, совсѣмъ около лампы.

Но ей не работалось, ея руки скоро опустились на колѣни, и понемногу она вся ушла въ кресло, съежилась въ немъ, обтянула платье вокругъ ногъ и подперла руками подбородокъ.

Она спрашивала себя съ любопытствомъ, бывало ли съ другими женщинами такъ, какъ съ ней, впадали ли онѣ въ такую же ошибку, становясь несчастными, и потомъ встрѣчали того, кого могли бы полюбить. Она перебрала всѣхъ дамъ въ Фьордбю.

Потомъ подумала о фру Бойе. Нильсъ ей рассказывалъ о фру Бойе, и это было для нея всегда раздражающей загадкой — эта женщина, которую она ненавидѣла и отъ которой чувствовала униженіе.

Эрикъ сказалъ однажды, что былъ безумно влюбленъ въ фру Бойе.

И кто же могъ знать о нихъ всю правду!

Она засмѣялась, вспомнивъ новаго мужа фру Бойе.

И все время, занятая этими мыслями, она ждала Нильса, прислушивалась и представляла себѣ, какъ онъ бѣжитъ по льду, все ближе и ближе. Она не предчувствовала вовсе, что уже около двухъ часовъ маленькая черная точка совсѣмъ съ другой стороны пробиралась къ ней снѣжными полями, неся ей совсѣмъ другую вѣсть, чѣмъ та, которую она ждала съ того берега фіорда. Это былъ всего только человекъ въ байковой курткѣ и смазныхъ сапогахъ; теперь онъ застучалъ въ окошко кухни и испугалъ дѣвушку.

— Должно быть письмо вамъ,—сказала Трина, входя въ комнату къ барынѣ.

Феннимора взяла пакетъ, это была телеграмма. Спокойно отдала она дѣвушкѣ квитанцію и отпустила ее; она была вполнѣ спокойна: въ послѣднее время Эрикъ часто телеграфировалъ ей, что пріѣдетъ завтра съ пріятелями.

Прочла.

И вдругъ поблѣднѣла, вскочила съ кресла и уставилась на дверь глазами, полными ожиданія и ужаса.

Она не хотѣла, чтобы это было здѣсь, она не могла; однимъ прыжкомъ бросилась она къ двери и прислонилась къ ней плечомъ; вертѣла

ключъ, пока онъ глубоко не врѣзался ей въ руку. Но какъ крѣпко ни нажимала, онъ не поворачивался. Тогда она оставила его. Вѣдь, правда— это было не здѣсь — далеко отсюда, въ чужомъ домѣ.

Она задрожала, ноги подкосились, и она упала на полъ около двери.

Эрикъ умеръ. Его понесли лошади, экипажъ перевернулся на углу одной улицы, и онъ ударился головой объ стѣну. Черепъ размозженъ, и теперь онъ лежитъ мертвый въ Альборгѣ. Такъ извѣщала телеграмма. Съ нимъ никого не было кромѣ домашняго учителя-араба съ бѣлой шеей, который и послалъ телеграмму.

Она лежала на полу и тихо стонала, упираясь обѣими руками въ коверъ, устремивъ на полъ неподвижный, лишенный всякаго выраженія взглядъ, и безпомощно качаясь верхней частью тѣла изъ стороны въ сторону.

Одну минуту тому назадъ все было такъ свѣтло, благоуханно около нея, и не могла она отъ всего этого отказаться ради одной, черной, какъ смола, ночи горя и раскаянія, какъ бы ей не хотѣлось этого. Она не была виновата, что въ ея сознаніи все еще шумѣло отъ лучезарныхъ искръ любовнаго счастья и радостей; и могучія безумныя желанія пробивали себѣ дорогу, требуя блаженства забвенія или возможности судорожно

дикимъ порывомъ повернуть назадъ колесо со-
бытій.

Но оно быстро несло впередъ.

Черными тучами со всѣхъ сторонъ, какъ во-
роны, слетались удушливыя мысли на трупъ ея
счастья; клювъ за клювомъ поднимался на нее,
а жизненная теплота еще жила въ ней. Они
терзали и раздирали ее, обезображивая до не-
узнаваемости; каждая черта уродовалась и иска-
жалась, пока вся она не стала кучей падали,
уродствомъ и отвращеніемъ.

Она встала и пошла, какъ больная, опираясь
на столы и стулья; растерянно смотрѣла, вы-
искивая хоть паутинку помощи, хоть слово утѣ-
шенія, хоть незначительную ласку состраданія,
но только ярко освѣщенные фамильные портреты
встрѣчали ея глаза, чужіе ей свидѣтели ея па-
денія и преступленія, сонные старики и старухи
съ искривленными ртами, и этотъ вѣчный ребе-
нокъ гномовъ у всѣхъ ихъ, маленькая дѣвочка
съ большими круглыми глазами и неровнымъ
лбомъ. И со всѣми этими чужими вещами связы-
валось столько воспоминаній. Этотъ столъ, стулъ,
скамеечка подъ ноги съ чернымъ пуделемъ,
портьера, похожая на халать, всѣ эти вещи, на-
сыщенные прелюбодѣйными воспоминаніями, пле-
вали теперь ей въ лицо и бросали ихъ ей
вслѣдъ—о, какъ было ужасно оставаться здѣсь

наединѣ со всѣми этими призраками грѣха и съ самой собой; она содрагалась отъ самой себя, она грозила ей, этой безстыдной Фенниморѣ, которая корчилась у ея ногъ, она вырывала свое платье у ея молящихъ рукъ. Милосердія! Нѣтъ! Милосердія нѣтъ. Развѣ могутъ быть милосердными тѣ мертвые глаза въ чужомъ городѣ, которые теперь, когда они мертвы, видятъ, какъ она волочила въ пыли его честь, какъ лгала его губамъ и какъ невѣрна была его сердцу.

Она чувствовала, какъ эти мертвые глаза устремлены на нее—откуда—она не знала, и подъ взглядомъ ихъ извивалась, чтобы избѣжать его, но какъ два оцѣпенѣлые луча, глаза скользили по ней и преслѣдовали ее; когда жъ они на ней остановились, и въ сильномъ, остромъ свѣтѣ каждая нитка ковра и каждый стежокъ на скамейкѣ стали неестественно отчетливыми, она услышала, какъ мертвые шаги идутъ за ней, касаясь ясно ея платья, и въ ужасѣ вскрикнула и бросилась въ сторону; потомъ ей показалось, что рука—нѣтъ, не рука, а что-то медленное, цѣпкое, смѣясь и торжествуя хватало ея сердце, это чудо лжи, эту желтую жемчужину вѣроломства! И она пятилась назадъ, пока не ударилась о столъ, а *она* все еще было тутъ, предъ незащищенной грудью, сквозь кожу и сквозь мясо хватало ее, какъ... Почти мертва была она отъ

ужаса, стоя тамъ, и беззащитно цѣпляясь за столъ; каждый нервъ ея сокращался въ ожиданіи, глаза цѣпенѣли, какъ будто бы ихъ кто-то умерщвлялъ въ ихъ впадинахъ.

Потомъ прошло.

Неувѣреннымъ взлядомъ оглянулась она кругомъ, опустилась на колѣни и долго молилась. Она каялась и исповѣдывалась, неистово и безпощадно, съ такой же все растущей фанатической ненавистью къ самой себѣ, съ какой монахи бичуютъ свое нагое тѣло. Вдохновенно она искала самыхъ уничтожающихъ словъ и упивалась самоуничтоженіемъ—такъ требовало ея презрѣніе къ самой себѣ.

Наконецъ поднялась. Грудь дышала сильно и неровно, на блѣдныхъ щекахъ, какъ будто пополнѣвшихъ во время молитвы, лежалъ матовый блескъ.

Окинувъ комнату какъ будто что-то обѣщавшимъ взглядомъ, она пошла въ другую, темную, закрыла за собою дверь, минуту постояла тихо, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, оцупью дошла до двери и вышла на закрытую стеклянную веранду.

Тутъ было свѣтлѣе; мѣсяцъ возшелъ за это время и былъ виденъ сквозь стеклянную стѣну, желтоватый сквозь простыя стекла, красный и синій сквозь цвѣтныя, составлявшія рамку.

Она рукой оттерла ледъ въ одномъ мѣстѣ и заботливо вытерла воду носовымъ платкомъ.

Но никого еще не было видно на фіордѣ.

Она стала ходить взадъ и впередъ въ своей стеклянной клѣткѣ. Здѣсь не стояло другой мебели, кромѣ диванчика изъ гнутаго дерева, и онъ былъ полонъ сухими листьями плюща, падавшими сверху изъ-подъ крыши. Каждый разъ, когда она проходила мимо, листья тихо шелестѣли отъ движенія воздуха; порой ея платье встрѣчало листья по полу и волочило ихъ за собой съ царапающимъ звукомъ.

Не смотря на холодъ, она ходила на своей грустной стражѣ взадъ и впередъ, скрестивъ руки на груди.

Онъ идетъ!

Однимъ толчкомъ растворила она дверь и въ тонкихъ башмакахъ выскочила на обледенѣлый снѣгъ.

Она хотѣла этого; она пошла бы босикомъ ему на встрѣчу.

При видѣ черной фигуры на бѣломъ снѣгу, Нильсъ замедлилъ бѣгъ и сталъ подвигаться къ берегу медленнѣй, нерѣшительными, пытливыми размахами.

Крадущаяся его фигура какъ будто жгла ей глаза. Каждое движеніе, каждая черта, которую она различала, ударила по ней, словно без-

стыдно издѣваясь, словно хвастаясь своими позорными тайнами. Она дрожала отъ ненависти, ея сердце полно было проклятій, она едва владела собой.

— Это я!—закричала она ему навстрѣчу:—я—дѣвка Феннимора!

— Родная, ради Бога, что съ тобой?—въ изумленіи спросилъ онъ, теперъ ужъ въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Эрикъ умеръ...

— Умеръ! Какъ? —Чтобы не упасть, онъ долженъ былъ на своихъ конькахъ войти въ снѣгъ. Ну говори же!—и стремительно онъ сталъ къ ней еще ближе.

Теперь они стояли лицомъ другъ противъ друга, и она должна была сдѣлать усиліе, чтобъ не ударить сжатымъ кулакомъ по блѣдному и искаженному этому лицу.

— Да я скажу тебѣ все,—заговорила она:—онъ умеръ, я ужъ сказала тебѣ; въ Альборгѣ понесли лошади; ему разбили голову, а мы съ тобою ходимъ здѣсь и обманываемъ его.

— Это ужасно!—простоналъ Нильсъ и схватился за виски,—кто бы могъ предчувствовать... ахъ, если бы мы вѣрны ему были, Феннимора. Эрикъ, бѣдный Эрикъ!—ахъ, если бы я тебѣ былъ вѣренъ! — Онъ громко всхлипнулъ, содрогаясь отъ боли.

— Я ненавижу тебя, Нильсъ Люне!

— Да! *Мы!* — стоналъ невыносимо Нильсъ, если бы только мы могли его вернуть. Бѣдная Феннимора! — онъ собрался съ духомъ: — не печалься обо мнѣ. Ты говоришь, что ненавидишь меня? Ты можешь ненавидѣть меня, да, ты можешь. — Внезапно онъ выпрямился. — Войдемъ же, — сказалъ онъ, — я самъ не знаю, что говорю. Кто, говоришь ты... послалъ телеграмму?

— Войдемъ? — вскричала Феннимора, вспыхнувъ отъ того, что онъ не замѣчалъ ея враждебности. — Туда войдемъ? Никогда не будетъ больше тамъ твоей ноги, трусливой и безчестной. Какъ смѣешь ты только это думать, несчастный, лживый пестъ, ползкомъ ходившій сюда красть честь своего друга, которую онъ плохо оберегалъ. Какъ, развѣ ты не крадъ ее у него на глазахъ, только потому, что онъ вѣрилъ въ твою честность, домашній воръ!

— Довольно, тише ты, безумная! Что съ тобою? Какія ты слова говоришь! — онъ крѣпко схватилъ ее за руку, притянулъ ближе и удивленно смотрѣлъ ей въ лицо. — Овладѣй собой, — продолжалъ онъ мягче; — чему, дитя, поможетъ это, если ты будешь бить себя такими скверными словами.

Она вырвала у него свою руку, такъ что онъ покачнулся на неустойчивой своей основѣ.

— Не слышалъ ты, что я тебя ненавижу? — вопила она, — развѣ нѣтъ у тебя достаточно смысла

честнаго человѣка для того, чтобъ ты понялъ это? Какъ я слѣпа была, полюбивъ тебя, изолгавшійся человѣкъ, когда около меня былъ онъ, въ тысячу разъ лучшей, чѣмъ ты. Я буду ненавидѣть, презирать тебя до конца моихъ дней. Когда ты пришелъ, я была честна; я никогда не дѣлала зла; но ты пришелъ со своей поэзией и со своей грязью, и заманилъ меня въ свое болото. Что я тебѣ сдѣлала, зачѣмъ ты не оставилъ меня въ покоѣ, меня, которая больше, чѣмъ кто-либо, должна была быть для тебя святой. День за днемъ должна я жить съ этимъ пятномъ стыда на моей душѣ, и даже въ обществѣ съ самымъ послѣднимъ человѣкомъ я должна буду сказать, что я еще хуже его. Ты отравилъ мнѣ всѣ воспоминанія молодости. О чемъ могу еще я вспоминать, что осталось свѣтлымъ и чистымъ? Все потушилъ ты, все! Не Эрикъ только умеръ, все умерло, что было добраго и свѣтлаго между имъ и мной, умерло и сгнило. О, Боже, помоги мнѣ! Гдѣ жъ справедливость, если я не могу отомстить тебѣ за все, что ты мнѣ сдѣлалъ! Нильсъ Люне! Сдѣлай меня снова честной, незапятнанной и доброй! Но нѣтъ,—это *должно* было быть, чтобъ можно было тебя пытать и мучить, пока ты не исправишь своей несправедливости. Ты можешь, можешь новой ложью все исправить? Не стой тамъ въ корчахъ такъ безпомощно; страдай здѣсь, на моихъ глазахъ, изви-

вайся въ мукахъ и отчаяньѣ, несчастнымъ будь о, Господи, оставь его, не допусти его еще и мечь украсть у меня. Иди, несчастный, иди, отбрасываю я тебя, но, знай, я повлеку тебя на всѣ мученія, которыми сумѣю отомстить тебѣ.

Грозно протянула она къ нему руку, отвернулась и ушла; дверь веранды тихо щелкнула за ней.

Изумленный, почти окаменѣлый, стоялъ Нильсъ, смотря ей вслѣдъ; ему казалось, что передъ нимъ все еще стоитъ блѣдное, жаждущее мщенія лицо, до страннаго суровое и грубое въ своей страсти; его обычной нѣжной красоты нѣтъ и слѣда, какъ будто его по всѣмъ линиямъ избородила чья-то нещадная безжалостная рука.

Онъ осторожно двинулся назадъ на ледъ и тихо побѣжалъ устьемъ фіорда, имѣя мѣсяць прямо передъ собой, а въ спину вѣтеръ. Понемногу, когда мысли отвлекли его вниманіе отъ окружающаго, онъ сталъ бѣжать быстрѣе; осколки льда звенѣли о желѣзо его коньковъ и гонимые все возрастающимъ морознымъ вѣтромъ дребезжали вслѣдъ за нимъ по блестящей поверхности.

Итакъ, конецъ! Вотъ *какъ* освободилъ онъ женскую душу, вознесъ ее и далъ ей счастье! Какъ прекрасно было его отношеніе къ мертвому другу, другу молодости, для котораго онъ хотѣлъ пожертвовать будущимъ, жизнью, всѣмъ! Онъ—со своей жертвой и освобожденіемъ! Земля и небо

должны смотрѣть на него,—чтобы увидѣть чело-
вѣка, всю свою жизнь прожившаго не запятнавъ
ее ошибками и не набросивъ тѣни на идеи, ко-
торымъ онъ служилъ и возвѣщать которыя былъ
призванъ!

Онъ бѣжалъ дальше.

Это вѣдь была тоже одна изъ *его* хвастливыхъ
мыслей, что его жалкая жизнь можетъ запятнать
солнце идей. Господи Боже, всегда-то онъ долженъ
былъ принимать все такъ возвышенно! Это ужъ
было ему присуще; и если онъ не могъ быть ни-
чѣмъ лучшимъ, то, по меньшей мѣрѣ, ему хотѣ-
лось сдѣлаться Іудой и въ своемъ наводящемъ
ужасъ величїи быть достойнымъ имени Искарїота.
Это было все-таки звучно. Развѣ онъ долженъ
всегда вести себя такъ, какъ если бы онъ былъ
отвѣтственнымъ министромъ идей и членомъ ихъ
тайнаго совѣта, который все, что касается людей,
имѣетъ изъ первыхъ рукъ! Развѣ никогда онъ
не научится со всей скромностью стремиться къ
тому, чтобъ нести свою гарнизонную службу
идеямъ въ качествѣ простого солдата низшаго
разряда?

На льду были красные огни, и онъ такъ при-
близился къ нимъ, что на минуту изъ-подъ ногъ
его выросла гигантская тѣнь, двинулась впередъ
и пропала.

Онъ думалъ объ Эрикѣ, и о томъ, какимъ

онъ другомъ былъ Эрику. Онъ! Воспоминанія дѣтства ломали подъ нимъ свои руки; грезы юности, закрывая свои лица, плакали надъ нимъ; все его прошлое смотрѣло на него долгимъ, полнымъ упрековъ, взглядомъ. Всему этому онъ измѣнилъ, пожелавъ любви, которая была такъ же мелка и ничтожна, какъ и онъ самъ.—И все-таки *было* что-то возвышающее въ ея любви; и этому онъ тоже измѣнилъ. Куда бѣжать отъ всѣхъ этихъ погонь, которыя навсегда кончаются лишь въ могилѣ. Вся его жизнь была полна погонями, ничѣмъ другимъ, и въ будущемъ не будетъ ничего другого, онъ это зналъ, онъ такъ увѣренъ въ этомъ былъ, что чувствовалъ себя больнымъ при мысли о всѣхъ этихъ бесполезныхъ мукахъ, и всей душой желалъ избѣгнуть безсмысленной такой судьбы. Вотъ если бъ только ледъ подъ нимъ подломился, когда онъ по нему бѣжитъ, и все бы кончилось однимъ проваломъ въ ледяную воду.

Измученный бѣгомъ, онъ оглянулся и посмотрѣлъ назадъ. Мѣсяца ужъ больше не было, и фіордъ лежалъ, темный и длинный, между двухъ холмовъ твердой земли. Онъ повернулъ и побѣжалъ противъ вѣтра. Вѣтеръ былъ сильный, а онъ очень усталъ. Онъ искалъ мѣста болѣе укрытаго отъ вѣтра, подъ высокимъ берегомъ, но, рванувшись впередъ, онъ попалъ на подтаявшее

мѣсто, и тонкій ледъ поддался подъ нимъ, съ хрустящимъ, жесткимъ трескомъ.

Но какъ легко ему стало на сердцѣ, когда онъ снова сталь на твердую землю! Страхъ почти прогналъ усталость, и онъ мощно бросился впередъ.

Въ то время, какъ онъ томился подъ открытымъ небомъ, Феннимора сидѣла въ ярко-освѣщенной комнатѣ, разочарованная и измученная. Она чувствовала себя какъ бы обманутой своей местью; она не знала, чего она ждала, но то, что случилось, было совсѣмъ другое; она представляла себѣ что-то высокое и мощное, что-то въ родѣ мечей или краснаго пламени, или нѣтъ, даже не это, а что-то несущее ее и возносящее на тронъ; а вышло что-то мелкое и обыденное, и она вела себя скорѣе какъ сварливая женщина, чѣмъ какъ та, которая прокликаетъ...

Чему-то все-таки она научилась у Нильса.

На другой день, рано утромъ, въ то время, какъ Нильсъ еще спалъ, измученный усталостью, она уѣхала изъ города.

ХІІ.

Два слѣдующихъ года Нильсъ Люне скитался большей частью за границей.

Онъ былъ одинокъ. Родныхъ не было, ни одного друга, близкаго его сердцу, не было. Но настало одиночество еще большее; вѣдь хотя и тотъ можетъ жаловаться и чувствовать себя покинутымъ, кто на всей необъятной землѣ не имѣетъ ни одного мѣстечка, которое онъ могъ благословлять, обращая къ нему свое тоскующее сердце, къ которому онъ могъ бы стремиться, когда тоска расправляетъ свои крылья; но все-таки пока надежда и ясная звѣзда стоитъ сіяя надъ нимъ, указывая цѣль жизни, еще не можетъ никакая ночь быть такой одинокой, какъ та, когда онъ *совершенно* одинъ. И надъ Нильсомъ Люне не было звѣзды. Онъ не зналъ, что дѣлать съ собой и со своимъ талантомъ. Конечно, это было хорошо, что у него былъ талантъ; только пользоваться имъ онъ не могъ и чувствовалъ себя, какъ живописецъ безъ рукъ. Какъ онъ завидовалъ другимъ, великимъ, маленькимъ, которые, за что бы ни хватались въ жизни, всегда находили себѣ точку опоры!—вѣдь онъ никакъ не могъ найти себѣ точку опоры. Онъ могъ бы только, какъ ему казалось, опять запѣть старыя романтическія пѣсни, и ничего бѣ другого не

вышло, что бы онъ ни сталъ дѣлать. Какъ будто бы его талантъ былъ чѣмъ-то отдѣленнымъ отъ него, былъ тихою Помпеей, или арфой, снимаемой съ гвоздя. Онъ не былъ съ нимъ вездѣ, не бѣгаль вмѣстѣ съ нимъ по улицамъ, не лежалъ въ его глазахъ, не шекоталъ ему концы пальцевъ, вовсе нѣтъ; его талантъ не проникалъ его всего. Иногда ему казалось, что онъ родился на полъ-столѣтія позднѣе, чѣмъ ему слѣдовало, иногда, наоборотъ, что онъ явился на свѣтъ слишкомъ рано. Талантъ его коренился гдѣ-то въ прошломъ и только оттуда бралъ себѣ жизнь; онъ не могъ почерпнуть себѣ силы въ его взглядахъ, убѣжденіяхъ, симпатіяхъ, не могъ воспринять ихъ и оформить; какъ масло и вода, эти двѣ вещи не соединялись, ихъ можно было вмѣстѣ встряхивать, но слиться воедино никогда они не могли.

Онъ постепенно началъ въ этомъ убѣждаться, и становился оттого безмѣрно мрачнымъ и проникался насмѣшливымъ, угрюмымъ отношеніемъ къ самому себѣ и своему прошлому. Должно быть въ немъ таилась какая-то ошибка, говорилъ онъ себѣ, какая-то неисправимая ошибка въ самой глубокой основѣ его жизни, потому что — этому онъ вѣрилъ — человекъ *долженъ* уметь жить въ согласіи съ самимъ собой.

Въ такомъ душевномъ настроеніи онъ былъ, когда въ сентябрѣ второго года заграничной

жизни остановился въ маленькомъ мѣстечкѣ Рива на берегу Гарденскаго озера.

Вслѣдъ за его прїѣздомъ страну сомкнуло кольцо опасностей и препятствій для путешественниковъ. Появилась холера въ Венеціанскомъ округѣ, на югѣ въ Дофенцано и на сѣверѣ въ Тріентѣ, заставляя всѣхъ держаться вдалекѣ. Благодаря этому въ Ривѣ не было оживленія; при первыхъ слухахъ отели опустѣли, и путешественники стали объѣзжать это мѣсто.

Тѣмъ тѣснѣе слбижались другъ съ другомъ немногіе оставшіеся.

Самой замѣчательной изъ нихъ была знаменитая оперная пѣвица, настоящее имя которой было М-те Одеро. Ея имя по сценѣ имѣло громкую извѣстность. Она, ея компаньонка, Нильсъ и глухой докторъ изъ Вѣны были единственными жильцами отеля „Золотое Солнце“, лучшаго въ городѣ.

Нильсъ скоро близко познакомился съ ней, и она стала вносить въ его жизнь особую сердечность, какъ это часто бываетъ съ людьми, живущими въ раздорѣ съ самими собой и потому имѣющими склонность жить съ другими въ добромъ согласіи.

М-те Одеро жила здѣсь уже седьмой мѣсяцъ, чтобы въ полномъ покоѣ отдохнуть отъ послѣдствій горловой болѣзни, грозившей ея голосу; докторъ

совершенно запретилъ ей пѣніе на цѣлый годъ, а во избѣжаніе искушеній и всякую музыку. Только черезъ годъ рассчитывалъ онъ позволить ей попробовать пѣть, и если бы не оказалось ни малѣйшаго утомленія голоса, онъ счелъ бы ее выздоровѣвшей совершенно.

Нильсъ оказывалъ до нѣкоторой степени цивилизующее вліяніе на М-ше Одеро, которая была сильной, огненной натурой, но безъ особенныхъ нюансовъ.—Для нея было ужасно услышать приговоръ, присуждающій ее жить цѣлый годъ на покоѣ, вдали отъ всякихъ восхищеній и поклоненій; сначала она была въ совершенномъ отчаяніи и съ ужасомъ смотрѣла на эти предстоящіе двѣнадцать мѣсяцевъ, которые казались ей глубокой, черною могилой, куда ее хотѣли опустить живой; но всѣ, повидимому, считали это неизбѣжнымъ, и вотъ она въ одинъ прекрасный день бѣжала въ Риву. Она могла бы поселиться въ болѣе живомъ и людномъ мѣстѣ, но именно этого ей не хотѣлось. Она стыдилась самой себя, и чувствовала себя такъ, какъ будто ее поразила наружная, видимая тѣлесная болѣзнь; ей казалось, что всѣ ее жалѣютъ и говорятъ другъ съ другомъ объ ея болѣзни.

Поэтому въ своемъ новомъ мѣстопребываніи она сторонилась отъ всякихъ знакомствъ, и проводила время по большей части въ своей комнатѣ,

дверямъ которой приходилось плохо, когда ея добровольное заточеніе становилось невыносимымъ. Теперь, когда всѣ разъѣхались, она снова показалась на свѣтъ и познакомилась съ Нильсомъ, потому что къ отдѣльнымъ лицамъ страха она не испытывала.

Съ ней не надо было быть долго для того, чтобы увидѣть, выносить ли она даннаго чело-вѣка или нѣтъ, потому что у нея это выражалось достаточно ясно. То, что досталось увидѣть Нильсу, поощрило его очень, и пробывъ вмѣстѣ всего только нѣсколько дней въ этомъ великолѣпномъ саду отеля съ его миртами и гранатами, съ цвѣтущей зеленью олеандровъ и роскошными видами, они стали относиться достаточно довѣрчиво другъ къ другу. О влюбленности вовсе не было и рѣчи, а если она была, то самая легкая, это были тѣ зыбкія и пріятныя отношенія, которыя возникаютъ между мужчинами и женщинами, уже отошедшими отъ своей первой молодости съ ея вспышками и стремленіями къ невѣдомому еще счастью. Это нѣчто въ родѣ бабьяго лѣта, когда мило прогуливаются рядомъ, сами связываютъ себя въ букетъ, сами ласкаютъ себя рукой другого, и восхищаются сами на себя глазами другого. Всѣ пріятныя тайны, которыя имѣются, всѣ милыя бездѣлицы души, до этихъ поръ хранимыя, выносятся на свѣтъ и пускаются по рукамъ:

пытливо эстетически выискивая подлинный свѣтъ, ихъ выставляютъ, сравниваютъ и объясняютъ.

Разумѣется, такого рода праздничныя отношенія оставляютъ людей совершенно спокойными, если жизнь даетъ на нихъ время, а здѣсь, на красивомъ озерѣ у обоихъ было достаточно времени. Такъ и было съ Нильсомъ, который, завязывая такія отношенія, въ то же время словами и обращеніемъ облекалъ М-ме Одеро въ ткани меланхоліи, бывшей ей къ лицу. Въ самомъ началѣ она много разъ была близка къ тому, чтобы сорвать съ себя весь этотъ уборъ и явиться настоящею дикаркой, какой она и была на самомъ дѣлѣ; увидѣвъ же, какъ искусно онъ ее убираетъ, она приняла меланхолію, какъ нѣуж роль, и не только перестала хлопать дверями, но и стала выискивать сама въ себѣ такія настроенія и ощущенія, которыя могли итти къ новому наряду; и позднѣе не разъ удивлялась, какъ она мало до сихъ поръ знала себя. До сихъ поръ ея жизнь была слишкомъ подвижна и переменчива, чтобы было время производить въ себѣ опустошенія, и собственно, тоже только теперь она стала приближаться къ старости, когда женщины, много жившія и много видавшія на свѣтѣ, начинаютъ обращаться къ прошлому, оглядываться на самихъ себя и собирать свои воспоминанія.

Изъ такого начала быстро развились опре-

дѣленныя отношенія, и они стали другъ другу совершенно необходимы. Они существовали лишь на половину, когда были одни.

И вотъ однажды утромъ, когда Нильсъ плыль подъ парусами, онъ услыхалъ, что М-те Одеро поеть въ саду. Прежде всего у него мелькнула мысль вернуться и разбранить ее, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ на это рѣшиться, вѣтеръ унесъ его за предѣлы ея голоса; кромѣ того, такъ было соблазнительно сдѣлать прогулку въ Лимоне, а къ обѣду онъ вѣдь вернется. И онъ поплыль дальше.

М-те Одеро сошла въ садъ необычно рано. Свѣжій воздухъ, царящій тамъ, круглыя волны, блестящія и прозрачныя, какъ стекло, играющія подъ стѣной сада, повсюду богатство красокъ, синее озеро, опаленныя солнцемъ горы, летящія по озеру бѣлыя паруса, красные цвѣты, сплетающіе сводъ надъ нею, и еще сонъ, незабытый и еще тѣснящій ея сердце... она не могла молчать, она должна была пріобщиться этой жизни.

И она запѣла.

Полнѣе и полнѣе звучалъ ея ликующій голосъ, она пьянѣла отъ его звука, она трепетала, радостно ощущала свою силу; и продолжала пѣть, не могла перестать; и все такъ отлично согласовалось съ ея чудеснымъ сномъ о будущихъ триумфахъ.

Не было и слѣда утомленія; она могла ѣхать, ѣхать немедленно, отбросить далеко отъ себя пустоту этихъ мѣсяцевъ, она снова могла выступать и жить.

До обѣда все было готово къ отъѣзду.

Какъ разъ въ то время, когда подъѣхала карета, ей вспомнился Нильсъ Люне. Она рванула изъ кармана крошечную записную книжку, которую всегда носила при себѣ, и исписала всю ее словами прощанія съ Нильсомъ — листики ея были такъ малы, что на каждомъ помѣщалось только три—четыре слова; потомъ сунула ее въ конвертъ и уѣхала.

Когда послѣ обѣда вернулся Нильсъ, его задержала санитарная полиція въ Лимоне — она давно уже была въ Мори и на вокзалѣ.

Онъ не изумился, только опечалился, и совсѣмъ не разсердился; и даже могъ отвѣтить тихой и покорной улыбкой на это новое проявленіе вражды судьбы. Однако, когда онъ вечеромъ сидѣлъ въ пустомъ и лунномъ саду, рассказывая маленькому сыну хозяина сказку о принцессѣ, нашедшей свои крылья и улетѣвшей назадъ въ страну фей отъ своего милаго, его охватила безконечная тоска по Лѣнборгорѣ, и захотѣлось ему, чтобъ что-нибудь родное окружило его крѣпко и потянуло къ себѣ, все равно какъ. Ему невыносимо стало равнодушіе его

жизни, эта свобода ото всего и принадлежность только самому себѣ. Нѣтъ родного уголка на всей землѣ, нѣтъ Бога въ небѣ, нѣтъ цѣли въ будущемъ! Хотя бы свой домъ имѣть ему хотѣлось; полюбить его, этотъ кусокъ земли, въ большомъ и въ маломъ, каждый камень, каждое дерево, неживое и живое, отдать этому свое сердце, такъ чтобы ужъ никогда нельзя было освободиться.

XIII.

Уже около года Нильсъ жилъ въ Лѣнборгорѣ и занимался хозяйствомъ, поскольку могъ или поскольку это допускалъ его управляющій. Онъ снялъ свой щитъ и предалъ его забвенію, отрекшись отъ своего девиза. Человѣчество должно было обойтись безъ него; онъ научился испытывать счастье, доставляемое чисто физическимъ трудомъ, когда мы видимъ, что мы дѣлаемъ все, что можемъ, и что подъ руками у насъ растутъ наше достояніе; когда мы знаемъ, что, уходя усталыми, мы оставляемъ свои силы въ сдѣланной работѣ, которой ужъ не можетъ уничтожить ни ночь сомнѣній, ни дурное утреннее настроеніе. Въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ камней Сизифа.

А потомъ чувствовать свое тѣло усталымъ

отъ работы; наслаждаться отдыхомъ и сномъ, который снова возобновитъ силы для новой траты, правильной, какъ смѣна дня и ночи; не знать стѣсненій отъ прихотей ума, входя со всѣмъ въ соприкосновеніе, не нуждаться въ осторожности, какъ настроенная гитара со стертыми винтами!

Онъ былъ такъ уравновѣшенно счастливъ; и часто можно было видѣть его сидящимъ, какъ сживаль его отецъ, у калитки или на межевомъ камнѣ, и созерцающимъ золотистую пшеницу или тяжелые колосья овса въ какомъ-то странномъ проникновеніи въ растительную жизнь.

Онъ не предпринималъ еще ничего, чтобъ познакомиться съ семействами, живущими въ окрестностяхъ; единственное мѣсто, гдѣ онъ бывалъ довольно часто, это домъ Скиннерупа, совѣтника канцеляріи въ Варде. Семья эта поселилась въ городѣ, когда еще былъ живъ его отецъ, и такъ какъ Скиннерупъ былъ товарищемъ по университету одного изъ Люне, то и семьи ихъ очень сошлись. Скиннерупъ, добрый, плѣшивый человѣкъ, съ острыми чертами лица и кроткими глазами, былъ теперь вдовцомъ, но домъ его былъ болѣе чѣмъ полонъ, потому что у него были четыре дочери, изъ которыхъ старшей было семнадцать, а младшей двѣнадцать лѣтъ.

Нильсъ любилъ бесѣдовать на различныя темы по эстетикѣ съ совѣтникомъ, очень начитаннымъ,

не обращаясь въ мужика потому, что его руки стали работать. Ему также была пріятна та нѣсколько смѣшная осторожность, съ которой онъ долженъ былъ выражаться, какъ только заходила рѣчь о сравненіи датской литературы съ иностранными, или вообще чего-нибудь датскаго съ чѣмъ-нибудь не датскимъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ была необходима крайняя осторожность, потому что добрый совѣтникъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ неистовыхъ патриотовъ, существовавшихъ въ то время, которыхъ пожалуй можно было заставить угрюмо согласиться съ тѣмъ, что Данія не самая значительная изъ всѣхъ великихъ державъ, но которые послѣ этого не дѣлали ужъ никакихъ уступокъ, подвергающихъ сомнѣнію первенство родной страны въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ.—Что еще было ему любо въ этихъ разговорахъ, хотя онъ этого совсѣмъ не сознавалъ,—это видѣть радостное восхищеніе, съ которымъ семнадцатилѣтняя Герда слѣдила за нимъ, когда онъ говорилъ; она старалась всегда быть тамъ, гдѣ онъ, и такъ чистосердечно держалась при этихъ спорахъ, что онъ часто видѣлъ, какъ она краснѣетъ отъ восторга, когда онъ говорилъ что-нибудь, казавшееся ей особенно прекраснымъ.

Совсѣмъ нечаянно онъ сталъ идеаломъ этой дѣвушки. Прежде всего потому, что когда онъ

верхомъ пріѣхаль въ городъ, на-немъ былъ сѣрый испанскій плащъ, весьма романтическаго покроя; а потомъ онъ говорилъ Милано вмѣсто Майландъ, былъ такъ одинокъ на свѣтѣ, имѣлъ нѣсколько грустное выраженіе лица. Въ немъ было многое, что отличало его отъ всѣхъ другихъ людей, какъ въ Варде, такъ и въ Рингчѣбингѣ.

Въ одинъ жаркій лѣтній день Нильсъ шель узкой улицей сзади сада совѣтника. Солнце жгло коричневые, маленькіе кирпичные дома; на рѣкѣ стояли суда съ опущенными мачтами для того, чтобы смола не таяла въ пазахъ. Все кругомъ было открыто, чтобы впустить хоть немного прохлады, но ея не было въ воздухѣ. Въ открытыхъ дверяхъ домовъ сидѣли дѣти и громко учили свои уроки, жужжа взапуски съ пчелами въ саду напротивъ; стая воробьевъ чирикала, перелетая съ дерева на дерево, вдругъ сразу вверхъ, и сразу же всѣ вмѣстѣ внизъ.

Нильсъ вошелъ въ домикъ рядомъ съ садомъ, и хозяйка тотчасъ побѣжала къ сосѣду звать мужа, оставивъ его одного въ чистой маленькой комнатѣ, пахнувшей накрахмаленнымъ бѣльемъ и желтыми фіалками.

Осмотрѣвъ картины, собачекъ на комодѣ и раковины на рабочей шкатулкѣ, онъ подошелъ къ открытому окну и услышалъ голосъ Герды совсѣмъ около себя — всѣ четыре барышни Скин-

нерупь стояли вблизи дома на площадкѣ для бѣленія.

Бальзамины и другіе цвѣты на окнѣ закрывали его, и онъ приготовился смотрѣть и слушать.

Ссора была въ полномъ разгарѣ; три младшія сестры нападали на старшую. У всѣхъ четырехъ въ рукахъ были желтыя, какъ лимонъ, палки отъ серсо, а младшая надѣла на голову въ видѣ тюрбана три-четыре перевитыхъ краснымъ обруча.

Сейчасъ говорила она.

— Она сказала, что онъ похожъ на Θεμισтокла, который стоитъ тамъ, на бюро,—говорила она своимъ сообщницамъ, дѣлая мечтательный видъ и подымая взоры къ небу.

— Какъ, сказала средняя, задорная маленькая дама, подтвержденная этой весной,—развѣ у Θεμισтокла тоже была круглая спина?—И она передразнила Нильса, имѣвшаго привычку держаться немного наклонясь впередъ.—Хорошъ Θεμισтоклъ!

— Въ его глазахъ есть что-то мужественное, онъ настоящій „мужчина“, цитировала младшая.

— Онъ!—это опять была средняя.—Онъ обливается духами, это мужественно? Два дня тому назадъ онъ положилъ тамъ свои перчатки—за версту былъ слышенъ запахъ.

— Всѣ совершенства!—воскликнула младшая, какъ бы изнемогая отъ восхищенія и падая назадъ, чтобъ ее поддержали.

Онъ какъ будто говорили все это другъ другу, а не Гердѣ, которая, вся красная, стояла поодаль и сверлила своей желтой палкой землю. Вдругъ она подняла голову.—Вы—гадкія дѣвчонки, сказала она,—такъ говорить о человѣкѣ, одного взгляда котораго вы не стоите.

— Но вѣдь онъ такой же, какъ и всѣ люди,—обратилась къ ней старшая изъ трехъ, какъ бы желая быть посредницей.

— Нѣтъ *именно* не какъ всѣ, сказала Герда.

— У него также есть свои слабости,—продолжала сестра, дѣлая видъ, что не слышитъ Герды.

— Нѣтъ!

— Милая Герда, однако ты *не знаешь*, что онъ не ходитъ въ церковь.

— Что ему тамъ дѣлать? Онъ *гораздо* умнѣе пастора.

— Да, но къ несчастью онъ *совсѣмъ* не вѣритъ въ Бога, Герда!

— О, ты можешь быть убѣждена, моя милая, что, если онъ не вѣритъ, значить у него есть для этого *основательныя* причины.

— Фу, Герда, какъ ты можешь такъ говорить!

— Можно подумать...—прервала ее недавно подтвержденная.

-- Что можно подумать?—стремительно спросила Герда.

— Ничего, ничего, только пожалуйста не ку-

сайся!—отвѣтила сестра и вдругъ сдѣлалась необычайно дружелюбной.

— Говори сію же минуту, что можно подумать!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; надѣюсь, я могу не говорить, если не хочу.

Она пошла, обнявшись съ младшей.

Сзади шла старшая изъ нихъ въ полномъ негодованіи.

Герда осталась одна позади всѣхъ, упрямо смотря передъ собой и размахивая въ воздухъ желтой палкой отъ серсо.

Почти сейчасъ же послышался съ другого конца сада охрипшій голосъ младшей:

— Что спрашиваешь, мальчикъ,
Зачѣмъ сухой мнѣ листъ,

.

Нильсъ очень легко понялъ насмѣшку: именно онъ подарилъ недавно Гердѣ книгу, положивъ въ нее засохшій листъ съ могилы Юліи въ Веронѣ. Онъ чуть не разсмѣялся. Тѣмъ временемъ пришла хозяйка со своимъ мужемъ, котораго она, наконецъ, нашла, и Нильсъ сдѣлалъ заказъ столяру, для чего онъ и приходилъ.

Съ этого дня Нильсъ сталъ больше обращать вниманія на Герду, и все больше и больше раскрывались у него глаза на то, какъ она была прелестна и мила; постепенно мысли его стали

все чаще останавливаться на этой маленькой до-
вѣрчивой дѣвушкѣ.

Но вѣдь она и была прелестна, и такъ много
было въ ней нѣжной почти до слезъ трогательной
красоты. Во всей ея рано развившейся фигурѣ
такъ невинно проглядывала сквозь еще дѣтскую
полноту, роскошная женщина. Также невинны
были ея маленькія мягкой формы руки, только
недавно потерявшія ярко-розовый цвѣтъ переход-
наго возраста и не носящія въ себѣ никакихъ
слѣдовъ нервнаго, трепетнаго любопытства, свой-
ственнаго этому возрасту. У нея была такая крѣп-
кая, красивая шея, такія округленныя щеки, и
такой низкій, маленькій, мечтательный женскій
лобъ, гдѣ великія мысли непривычны и причиняли
бы почти боль, заставляя морщиться густыя брови;
и глаза! Такіе темные и глубокіе, но не глубже
воды, позволяющей видѣть дно, между мягкихъ
глазныхъ уголковъ, гдѣ пріютилась улыбка, таясь
подъ вѣками, поднимающимися медленно отъ изу-
мленія. Такъ же выглядѣла маленькая Герда, бѣ-
лая и розовая и бѣлокурая, съ золотистыми ко-
роткими волосами, мило стянутыми въ узелъ.

Теперь они часто разговаривали, Нильсъ и
Герда, и онъ все больше приходилъ отъ нея въ
восхищеніе; сначала было все спокойно, нѣжно и
открыто; потомъ вдругъ что-то измѣнилось въ
воздухъ, окружавшемъ ее, мелькнула искорка того,

что слишкомъ сильно называютъ чувственностью, и что все-таки есть ненасытимое стремленіе сердца къ сердцу. И вотъ, вскорѣ послѣ этого Нильсъ пошелъ къ отцу Герды — вѣдь Герда такъ была молода, и онъ такъ былъ увѣренъ въ ея любви. И отецъ далъ свое согласіе, а Герда свое.

Къ веснѣ они повѣнчались.

* * *

Нильсу казалось, что существованіе его стало такъ безконечно ясно и безоблачно, что жить такъ просто, и что счастье совсѣмъ близко, достижимое, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ.

Онъ любилъ ее, эту молодую женщину, которую себѣ добылъ, со всей нѣжностью ума и сердца, со всей заботливостью, живущей въ мужчинѣ, который, зная, что любовь можетъ ослабѣвать, вѣрить, что она будетъ крѣпнуть. Онъ былъ такъ остороженъ съ этой молодой душой, съ невыразимымъ довѣріемъ клонящейся къ нему и льнущей къ нему съ такимъ ласковымъ упованіемъ и твердою увѣренностью, что онъ одного только желалъ— ея благоденствія, какъ тотъ ягненокъ въ притчѣ своему пастуху, поящему его и кормящему. Онъ не рѣшался отнять у нея ея Бога и всѣ эти сонмы бѣлыхъ ангеловъ, которые весь день поютъ, летая по небу, а вечеромъ спускаются на землю и ходятъ, вѣрные хранители, отъ ложа къ ложу,

невидимо сія спасительнымъ свѣтомъ въ темнотѣ ночи. Ему такъ не хотѣлось, чтобы его темное, лишенное образовъ, представленіе о жизни стало между ней и нѣжной синевою неба, уводя ее къ неувѣренности и одиночеству. Но она хотѣла другого: она хотѣла раздѣлять съ нимъ все, не допуская ни одного мѣста на землѣ или на небѣ, гдѣ бы ихъ дороги расходились; и что бы онъ ни говорилъ, желая удержать ее, она все опровергала, если и не словами евангельской моавитянки, то съ той же упорной мыслью, въ ея словахъ лежавшей—твой народъ да будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ моимъ Богомъ. И тогда онъ серьезно сталъ развивать ее, доказывая, что всѣ божества только созданія рукъ человѣческихъ и что они, какъ все содѣянное людьми, не могутъ существовать вѣчно, а должны гибнуть, одни за другими, потому что человѣчество вѣчно идетъ впередъ, переростая свои идеалы. И тотъ богъ, въ котораго величайшіе люди поколѣнія не вкладываютъ всего богатства своей духовной жизни—богъ, который свѣтъ свой получаетъ не отъ людей, а долженъ самъ собой свѣтиться, богъ, мимо котораго идетъ развитіе, оставляя его каменѣть въ наносимой исторіей известкѣ догматовъ,—уже не богъ, а идолъ, и потому-то іудейство право передъ религіей Ваала и Астарты, и христіанство передъ Юпитеромъ и Однимъ—идолъ вѣдь ни-

что. Отъ бога къ богу идетъ человѣчество, и отъ того Христосъ могъ съ одной стороны сказать о прежнихъ богахъ, что онъ пришелъ исполнить законъ, а не нарушить, и съ другой стороны указать еще болѣе высокій идеаль божества своими таинственными словами о грѣхѣ противъ Духа Святого, который не простится никогда.

Далѣе онъ училъ ее, что вѣра въ личнаго бога, который все устраиваетъ къ лучшему и въ будущей жизни наказываетъ и награждаетъ, есть только бѣгство отъ суровой дѣйствительности, безсильная попытка отнять у безотраднаго произвола его жало.

Онъ ей указывалъ на то, какъ состраданіе людей къ несчастнымъ должно ихъ ослаблять и дѣлать еще менѣе способными къ жизни, истрачивая на помощь всѣ силы тѣхъ, кто не можетъ успокоиться на мысли, что земныя страданія открываютъ страдальцу дорогу къ вѣчной радости и счастью.

Онъ говорилъ ей о томъ, какую силу и независимость приобрѣло бы человѣчество, если бы, вѣря только въ себя, стремилось построить свою жизнь въ согласіи съ тѣмъ, что каждый человѣкъ въ свои лучшія минуты ставитъ выше всего, вмѣсто того, чтобы согласовать ее внѣшне съ волей контролирующаго его поступки божества. Онъ изображалъ ей свои убѣжденія такими прекрас-

ными и благодѣтельными, какъ только могъ, но и не скрывалъ отъ нея всей давящей тяжести, лежащей въ часы печали на тѣхъ, кто несетъ истину атеизма, невыносимой въ сравненіи со свѣтлой и счастливой грезой объ отцѣ небесномъ, который царствуетъ и править. Но она была мужественна; во всякомъ случаѣ, многія его поученія потрясали ее до глубины души, и большей частью, именно тѣ, отъ которыхъ всего менѣе можно было этого ожидать; но ея довѣріе къ нему не имѣло границъ, ея любовь, уводимая имъ, покидала всѣ небеса, и она разлюбила свои убѣжденія. И когда новое со временемъ стало ей привычнымъ и роднымъ, она сдѣлалась нетерпимой и фанатичной, что бываетъ постоянно съ учениками, любящими своихъ учителей выше всего. Нильсъ часто порицалъ ее за это; но она не могла понять, почему ея противникъ не заслуживаетъ порицанія и презрѣнія, если истина на ея сторонѣ.

Три года прожили они вмѣстѣ счастливой жизнью, и больше всего счастья исходило отъ личика маленькаго мальчика, который у нихъ родился на второй годъ ихъ брака.

Счастье вообще дѣлаетъ человѣка добрымъ, и Нильсъ честно стремился всѣми способами сдѣлать ея жизнь такой нужной, благородной и прекрасной, чтобы душа ея никогда не перестала

расти, приближаясь къ тому идеальному человѣку, въ котораго они оба вѣрили. Но о томъ, чтобы выносить знамя своихъ идей передъ людьми, не было больше и рѣчи; достаточно стало идти за нимъ. Порою онъ возобновлялъ прежнія попытки, но никогда не могъ надивиться тому, что это онъ дѣйствительно писалъ такія красивыя, искусныя вещи, и часто плакалъ надъ своими старыми стихами. Но ни за что на свѣтѣ не захотѣлъ бы помѣняться жизнью съ несчастнымъ тѣмъ поэтомъ.

Весной внезапно заболѣла Герда, и больше не могла вернуться къ жизни.

Рано утромъ, послѣднимъ утромъ, Нильсъ сидѣлъ около нея. Восходило солнце и бросало алый свѣтъ на бѣлыя шторы, а еще голубоватый утренній свѣтъ, проникая у края гардинъ, отбрасывалъ тѣни, тоже голубыя, въ бѣлыхъ складкахъ постели, и между блѣдными худыми руками Герды, сложенными на одѣялѣ. Чепчикъ соскользнулъ на бокъ; она лежала далеко откинувъ голову назадъ, страшно измѣнившаяся, такая важная, съ обострившимися отъ болѣзни чертами лица. Она шевельнула губами, какъ бы прося пить, и Нильсъ схватился за стаканъ съ темно-краснымъ питьемъ, но она отрицательно покачала головой. Вдругъ повернулась къ нему и напряженно уставилась въ его печальное лицо. И чѣмъ больше она различала на немъ глубокое горе и полную безна-

дежность, тѣмъ сильнѣй росло ея тоскливое предчувствіе и переходило въ боязливую увѣренность.

Она попыталась подняться, но не могла.

Нильсъ быстро нагнулся къ ней, и она схватила его за руку.

— Это смерть?—спросила она и еще понизила свой слабый голосъ, какъ бы для того, чтобы не совсѣмъ это выговорить.

Онъ только взглянулъ на нее, тяжело, отрывисто и жалобно вздохнувъ.

Герда схватила его за руку и въ тоскѣ бросилась къ нему:— *„Я не могу!“*

Онъ скользнулъ на колѣни у постели и засунулъ руку подъ подушку, такъ что теперь держалъ ее почти у себя на груди. Слезы слѣпили его, катясь одна за другой, и не давая ему видѣть ее. Онъ провелъ концомъ простыни по глазамъ; и снова овладѣлъ своимъ голосомъ.— Скажи мнѣ, любимая, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Ты хочешь пастора? — Онъ могъ не вѣрить, что она хотѣла, и тонъ его голоса выражалъ сомнѣніе.

Она не отвѣчала, закрывъ глаза и отодвинувъ голову немного назадъ, какъ будто желая быть одной съ своими мыслями.

Это продолжалось минуту. Долгій, нѣжный свистъ чернаго дрозда раздался подъ окномъ, потомъ засвисталъ другой, третій; длинный рядъ

флейтовыхъ звуковъ растревожилъ тишину комнаты.

Наконецъ она открыла глаза.—Если бы ты шелъ со мной,—сказала она и оперлась сильнѣе на подушку, которую онъ поддерживалъ. Въ этомъ была ласка, онъ почувствовалъ ее.—Если бы ты шелъ вмѣстѣ со мною! Но уходить одной! Она тихонько потянула къ себѣ его руку и потомъ выпустила ее:—Я не могу! Ея глаза смотрѣли испуганно.—Ты долженъ его позвать, Нильсъ. Я не могу одна подойти къ небу. Намъ въ голову никогда не приходило, что я могу умереть первая, мы думали всегда, что ты уйдешь раньше. Я знаю... но что если мы все таки ошибались? Вѣдь это можетъ быть, Нильсъ, развѣ этого не можетъ быть? Ты думаешь, что нѣтъ; но это же вѣдь было и странно, если бы всѣ люди ошибались, и не было бы абсолютно ничего; большія церкви... и когда хоронятъ—колокола... Я всегда думала, что колокола... Она лежала молча, какъ будто прислушивалась къ звону и слышала его.

— Невозможно, Нильсъ, чтобъ все кончалось смертью, ты не можешь этого почувствовать, потому что ты здоровъ; не думай, что человѣка совершенно разбиваетъ, когда онъ слабъ, и все уносится, нѣтъ, это только съ внѣшнимъ міромъ такъ, а *внутри* души цѣло все, что было раньше; да, Нильсъ, это такъ, у меня внутри тутъ

все, все, что я имѣла, тотъ же самый безграничный міръ, только я сама спокойнѣе и уединеннѣе, какъ бываетъ когда глаза закроешь. Есть только какъ бы свѣтъ, ты, и онъ уходитъ отъ тебя, куда-то въ темноту, куда-то въ темноту, и все слабѣетъ и слабѣетъ для тебя, но тамъ, гдѣ онъ теперь, онъ свѣтитъ также ярко.— Такъ далеко.— Я думала всегда, что буду старой, старой женщиной и останусь здѣсь со всѣми вами, и вотъ ужъ больше я не могу, меня возьмутъ отъ дома, и всего роднаго, и вы хотите отпустить меня совсѣмъ одну. Нильсъ, я боюсь, что тамъ, куда иду я, есть Богъ, который правитъ и которому нѣтъ дѣла до нашей земной мудрости; онъ знаетъ лишь свою мудрость и никакой другой, а отъ меня, такъ далеко все, все, что Его... Вѣдь я немного зла сдѣлала, вѣдь правда? Нѣтъ, не то... пошли за пасторомъ, я такъ хочу его.

Нильсъ тотчасъ всталъ, чтобы послать за пасторомъ; онъ былъ благодаренъ и тому, что все случилось не въ послѣднюю минуту.

Пасторъ пришелъ и остался съ Гердой наединѣ.

Это былъ красивый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ тонкими правильными чертами лица и большими карими глазами. Разумѣется, онъ отлично зналъ отношеніе къ церкви Нильса и Герды, и ему передавали о различныхъ враждебныхъ церкви

проявленіяхъ фанатизма молодой женщины, но ему и въ голову не приходило говорить съ ней какъ съ отступницей или язычницей; онъ хорошо понималъ, что только горячая любовь повела ее по ложному пути, и отлично представлялъ себѣ чувство, которое теперь, когда любовь ужъ не могла итти съ ней дальше, заставило ее въ тревогѣ искать примиренія съ Богомъ, котораго она когда-то знала; и потому онъ больше всего старался своими словами пробудить ея воспоминанія и читалъ тѣ мѣста изъ Евангелія и тѣ псалмы, которые, какъ ему казалось, она знала лучше другихъ.

Онъ не ошибся.

Они зазвучали, эти слова во всемъ своемъ величій, какъ звонъ колоколовъ въ рождественское утро; ея глазамъ сейчасъ же представилась страна, гдѣ въ дѣтствѣ наше воображеніе бываетъ, какъ дома, гдѣ Іосифъ видѣлъ сны и гдѣ пѣлъ Давидъ, гдѣ стояла лѣстница отъ земли до неба. Страна фиговыхъ и тутовыхъ деревьевъ, гдѣ Іорданъ блестѣлъ, какъ серебро сквозь утренній туманъ, Іерусалимъ стоялъ, алый и печальный на вечернемъ солнцѣ, а надъ Виелеемомъ была чудесная ночь съ большими звѣздами въ высокой, темной синевѣ. Какъ стала пробиваться дѣтская вѣра! Она снова была маленькой дѣвочкой, шла за руку съ матерью въ церковь, си-

дѣла тамъ и зябла, удивляясь, почему такъ много грѣшатъ люди. И снова выростала при словахъ нагорной проповѣди, и вотъ лежала, грѣшная и больная, а пасторъ говорилъ о таинствахъ крещенія и причащенія. Ея сердце пронизалъ глубокой искренней порывъ стать на колѣни предъ Всемогущимъ Судіей, въ горькихъ слезахъ раскаяться передъ Господомъ, котораго предали, осмѣяли и замучили, въ смиренной смѣлости возобновить союзъ хлѣба и вина съ таинственнымъ Богомъ.

Пасторъ ушелъ и вернулся къ обѣду снова, чтобы приобщить ее Святыхъ Тайнъ.

Чудесный подъемъ силъ ея быстро исчезалъ но еще въ сумерки, когда Нильсъ въ послѣдній разъ обнялъ ее, чтобы проститься съ ней раньше, чѣмъ тѣни смерти совсѣмъ опустятся, она была въ полномъ сознаніи. Но любовь, лучшая радость ея жизни, уже потухла у нея въ глазахъ; она ему ужъ больше не принадлежала; у нея ужъ выростали крылья; она стремилась только къ своему Богу.

Въ полночь она умерла.

Настали тяжелыя времена. Время выросло во что-то чудовищное и враждебное; каждый день былъ безграничной пустыней, каждая ночь адомъ воспоминаній. Только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда лѣто пошло къ концу, бѣшенный пѣ-

нистый потокъ его скорби вырылъ въ его душѣ русло, по которому могъ течь журчащій, тяжело волнующійся ручей его страстной тоски.

И вотъ однажды вечеромъ, вернувшись съ поля, онъ нашель своего маленькаго сына очень больнымъ. Мальчикъ прихварывалъ послѣдніе дни, но никто не предполагалъ, что у него начинается что-нибудь серьезное; теперь онъ лежалъ въ лихорадочномъ жару въ своей маленькой кроваткѣ и стоналъ отъ боли.

Немедленно былъ посланъ экипажъ въ Варде, чтобъ привезти доктора, но ни одного не застали дома, и пришлось ждать цѣлые часы. Къ ночи все еще не было доктора.

Нильсъ сидѣлъ у постели ребенка; каждые полчаса онъ посылалъ кого-нибудь посмотрѣть и послушать, не ѣдетъ ли экипажъ. На встрѣчу былъ посланъ верховой, но онъ никого не встрѣтилъ и поѣхалъ въ Варде.

Отъ ожиданій помощи, которая все не приходила, было еще мучительнѣй присутствовать при страданіяхъ ребенка. А болѣзнь дѣлала быстрые успѣхи. Около одиннадцати часовъ произошла первый припадокъ судорогъ, и сталъ повторяться все съ меньшими промежутками времени.

Во второмъ часу пріѣхалъ вѣстовой съ извѣстіемъ, что и черезъ часъ нельзя ожидать воз-

вращенія экипажа, потому что еще ни одинъ докторъ не былъ дома, когда онъ уѣхалъ изъ города.

Это подкосило Нильса; онъ боролся отчаянно, пока была возможность надѣяться; больше у него не было силъ. Онъ пошелъ въ темную комнату рядомъ съ комнатой больного и сталъ пристально смотрѣть въ окно, царапая ногтями дерево оконнаго косяка. Его глаза рвались изъ темноты къ надеждамъ, его мозгъ изощрялся, ожидая чуда; потомъ на минуту все стало ясно и спокойно, и въ этой ясности онъ отвернулся отъ окна и бросившись къ столу, стоявшему вблизи, зарыдалъ безъ слезъ.

Когда онъ снова вернулся въ комнату больного, у ребенка были судороги. Онъ смотрѣлъ на нихъ такъ, какъ будто хотѣлъ убить себя видомъ этихъ маленькихъ сжимавшихся ручекъ бѣлыхъ съ блѣдно-синими ногтями, этихъ оцѣпенѣвшихъ глазъ, выступающихъ изъ впадинъ, этого искривленнаго рта, въ которомъ зубы скрежетали, какъ желѣзо о камень; ужасно было видѣть все это, но это еще не было худшее. Нѣтъ; но послѣ того, какъ судороги утихли, и тѣло снова стало мягкимъ и гибкимъ, счастливое отъ уменьшенія болей,—въ глазахъ ребенка отразился страхъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что судороги снова начинаются, и мольба о помощи стала все расти, по мѣрѣ

того, какъ боль приближалась. Да, вотъ это видѣть и не умѣть помочь ничѣмъ, хотя бы всю кровь своего сердца готовъ былъ отдать, ничѣмъ изъ всего, что имѣешь и чѣмъ обладаешь! Онъ угрожая поднялъ старые кулаки къ небу и схватилъ ребенка съ безумной мыслью о бѣгствѣ. Но потомъ бросился на колѣни и сталъ молиться Господу Богу на небесахъ, тому, кто держитъ все земное царство въ страхъ и повиновеніи, посылаетъ испытанія, нужду и болѣзни, страданія и смерть, кто хочетъ, чтобы всѣ въ трепетѣ стояли передъ нимъ на колѣняхъ, отъ кого никакое бѣгство невозможно, ни въ самыя далекія моря, ни въ бездну, тому, кто по своей волѣ то, что ты любишь болѣе всего на свѣтѣ, попираетъ и терзаетъ ногами, обращая снова въ тотъ же прахъ, изъ котораго самъ его создалъ.

Съ такими мыслями Нильсъ молился Богу, безсильно простираясь предъ небеснымъ трономъ и исповѣдуя его волю, только его.

Но ребенокъ не переставалъ мучиться.

Когда подъ утро старый военный врачъ вѣзжалъ въ ворота усадьбы, Нильсъ былъ уже одинъ.

XIV.

Теперь осень; на кладбищѣ нѣтъ больше цвѣтовъ на могилахъ, пожелтѣвшая и гнѣющая зелень лежитъ въ сырости подъ деревьями сада Лѣнборгора.

Въ горькомъ уныніи ходитъ Нильсъ Люне по пустымъ комнатамъ. Что-то надломилось въ немъ въ ту ночь, когда умеръ ребенокъ; онъ потерялъ вѣру въ себя, вѣру въ силу человѣка пережить все, что ему назначено въ жизни: существованіе его стало отвратительнымъ, и то, чѣмъ оно наполнялось, текло во всѣ стороны безо всякаго смысла.

Это нисколько не помогало — называть свою молитву той ночи безумнымъ крикомъ отца, хотя и знающаго, что никто его не услышитъ, но все-таки молящаго о помощи своему сыну. Онъ зналъ, что это было, что онъ въ отчаяніи совершилъ это; это было грѣхопаденіе, измѣна самому себѣ и своей идеѣ. Возможно, что традиціи были слишкомъ сильны въ его крови. Человѣческой родъ въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій призывалъ въ бѣдѣ небо, и онъ поддался унаслѣдованному порыву; онъ долженъ былъ противиться ему, какъ дурному инстинкту; онъ вѣдь зналъ, до глубины мозга зналъ эти мечты о богахъ, и зналъ, что, молясь, онъ у мечты искалъ прибѣжища, какъ въ

прежнее время, бросаясь въ объятія фантазіи, онъ зналъ,—что это только фантазія. Онъ не вынесъ жизни такой, какая она была; онъ былъ близокъ къ тому, чтобъ побѣдить величайшее, и въ самый разгаръ битвы измѣнилъ знамени, которому присягалъ; вѣдь какую цѣль имѣло все это новое, атеизмъ, святое дѣло истины? Что было все это, какъ не позолота простого умѣнья выносить жизнь такой, какая она была! Умѣть выносить жизнь такой, какая она была, и творить свою жизнь по своимъ собственнымъ законамъ.

Эта мучительная ночь какъ будто заключила его жизнь; все, что настало потомъ, могло быть только лишеннымъ всякаго интереса добавленіемъ къ пятому акту послѣ окончанія дѣйствія. Онъ вполне бы могъ вернуться къ своимъ прежнимъ взглядамъ на жизнь, если бъ только захотѣлъ; но послѣ того, какъ онъ *однажды* палъ, ему стало совершенно безразлично, повторится это, или нѣтъ.

Въ такомъ настроеніи онъ находился чаще всего.

Потомъ наступилъ тотъ ноябрьскій день, когда умеръ король, и война стала угрожать все болѣе и болѣе.

Онъ быстро привелъ свои дѣла по имѣнію въ порядокъ и записался въ добровольцы.

Ему было нетрудно переносить скуку первона-

чальнаго обученія; ужъ и то было много, что онъ не чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ; а когда онъ прибылъ въ армію, постоянная борьба съ холодомъ и неудобствами всякаго рода, заставлявшими умъ заниматься только самымъ необходимымъ, сдѣлала его почти бодрымъ, и его здоровье, пѣшатнувшееся отъ горя послѣдняго года, снова стало превосходнымъ.

Въ одинъ пасмурный мартовскій день онъ былъ раненъ въ грудь.

Джеррильдъ, который былъ докторомъ въ госпиталѣ, позаботился о томъ, чтобъ его положили въ небольшую палату, гдѣ было всего четыре кровати. Одинъ изъ лежавшихъ тутъ былъ раненъ въ спинной хребетъ и лежалъ совсѣмъ тихо; второй, раненый въ грудь, лежалъ уже два дня и безпрестанно бредилъ, торопливо и отрывочно; наконецъ, третій, всего ближе лежавшій къ Нильсу, былъ большой, крѣпкій крестьянскій паренъ съ толстыми круглыми щеками; осколокъ гранаты попалъ ему въ мозгъ, и безпрерывно, часъ за часомъ, черезъ каждыя полминуты, онъ поднималъ руку и правую ногу въ одно и то же время и немедленно же опускалъ, сопровождая каждое движеніе внятнымъ, хотя и глухимъ „охъ-хо“, все тѣмъ же темпомъ, „охъ“, когда онъ подымалъ свои члены, и „хо“, когда они падали обратно.

Здѣсь лежалъ Нильсъ Люне. Пуля вошла ему въ правое легкое и осталась тамъ. На войнѣ некогда много церемониться, и онъ узналъ, что надежды на жизнь у него мало.

Это удивило его, потому что онъ вовсе не чувствовалъ себя умирающимъ, и рана его совсѣмъ не сильно болѣла. Но скоро наступила слабость, которая сказала ему, что докторъ правъ.

Итакъ, конецъ былъ близокъ. Онъ думалъ о Гердѣ, онъ много думалъ о ней въ первый день, но постоянно его тревожилъ ея странно холодный взглядъ, который у нея былъ, когда онъ въ послѣдній разъ ее обнялъ. Какъ было бы прекрасно, мучительно прекрасно, если бы она до самаго послѣдняго мгновенія цѣплялась за него, не спускала бы съ него глазъ до тѣхъ поръ, пока смерть не заставила бы ихъ потускнѣть, счастливая тѣмъ, что прожила свою жизнь до послѣдняго вздоха у того сердца, которое было ей такъ дорого,—вмѣсто того, чтобы въ послѣдній мигъ отвернуться отъ него, спасая себя для дальнѣйшей, еще дальнѣйшей жизни.

На второй день пребыванія въ госпиталѣ Нильсу стало дѣлаться все тяжелѣй отъ удушливаго вздоха, и жажда свѣжаго воздуха странно сплеталась въ его мысляхъ съ желаніемъ жизни. Вѣдь такъ много прекраснаго было въ жизни, думалъ онъ, вспоминая себя на берегу моря, въ

свѣжемъ шелестъ буковыхъ лѣсовъ Зеландіи, въ чистомъ горномъ воздухѣ Кларенса и при нѣжномъ вечернемъ вѣтеркѣ на Гарденскомъ озерѣ. Но когда онъ начиналъ думать о людяхъ, ему снова становилось больно на душѣ. Онъ вызывалъ ихъ одного за другимъ, и всѣ проходили мимо, оставляли его одного, и ни одинъ не оставался съ нимъ. Но онъ-то самъ крѣпко ли за нихъ держался, былъ ли имъ вѣренъ? Нѣтъ, этого не было. Онъ только медленнѣе покидалъ. Великое несчастье, что его душа была постоянно одинока. Всякая вѣра въ связь одной души съ другой лжива. Ни мать, которая насъ держитъ на колѣняхъ, ни другъ, ни женщина, которая покоится у нашего сердца...

Къ вечеру началось воспаленіе въ ранѣ, и боль стала усиливаться.

Джеррильдъ пришелъ вечеромъ и присѣлъ на минуту около него; къ полуночи онъ снова вернулся и оставался долго. Нильсъ сильно мучился и стоналъ отъ боли.

— Одно слово, Люне, безъ шутокъ,—сказалъ Джеррильдъ,—не хотите ли вы пастора?

— Мнѣ также нечего съ нимъ дѣлать, какъ и вамъ,—прошепталъ Нильсъ горько.

— Рѣчь идетъ не обо мнѣ, я живъ и здоровъ; не мучайте вы себя своими убѣжденіями; умирающіе не имѣютъ убѣжденій; а если имѣютъ, то

они ничего не значатъ; убѣжденія нужны для жизни; тутъ дѣлаютъ они свое дѣло. Можетъ ли это принести пользу человѣку, что онъ умретъ при томъ или иномъ убѣжденіи? Повѣрьте мнѣ, каждый изъ насъ имѣетъ свѣтлыя, милыя воспоминанія дѣтства; я видѣлъ много, какъ умираютъ; и всегда бывало утѣшеніемъ вызвать воспоминанія. Будемте честными; мы можемъ быть, чѣмъ хотимъ, но вѣдь не совсѣмъ же мы выживаемъ Бога съ неба; слишкомъ часто нашъ мозгъ задумывался о немъ, слишкомъ много намъ звонили и пѣли о немъ съ самаго дѣтства.

Нильсъ кивнулъ головой.

Герильдъ нагнулся къ нему, чтобы услышать, что онъ хочетъ сказать.

—Вы вѣрно разсуждаете,—прошепталъ Нильсъ, но...—и онъ рѣшительно покачалъ головой.

Долго было тихо тамъ, только вѣчное „охъ-хо“ деревенскаго парня медленно дробило время.

Герильдъ поднялся.—Добрый путь, Люне,—сказалъ онъ,—все таки это прекрасная смерть,— умереть за нашу бѣдную страну.

— Да,—сказалъ Нильсъ,—но не такимъ образомъ мечтали мы исполнить наше назначеніе, тогда, въ далекое, далекое то время.

Герильдъ ушелъ; въ своей комнатѣ онъ долго стоялъ подъ окномъ и смотрѣлъ вверхъ на звѣзды. „Если бы я былъ Богомъ“, прошепталъ

VIII-4101.
онъ, и мысленно продолжилъ дальше: „я скорѣе бы даровалъ блаженство тѣмъ, кто не отступилъ и въ послѣдній часъ“.

Страданія Нильса становились все сильнѣе; немилосердно стучало въ грудь, какъ молотомъ, становилось невыносимо. Можетъ быть, хорошо было бы имѣть Бога, — кому молиться и жаловаться.

Къ утру онъ началъ бредить, воспаленіе шло полнымъ ходомъ.

И такъ длилось еще два дня и двѣ ночи.

Когда Джеррильдъ увидѣлъ Нильса Люне въ послѣдній разъ, онъ лежалъ и говорилъ о своемъ оружій и о томъ, что онъ хочетъ умереть стоя.

И, наконецъ, онъ умеръ, тяжелой смертью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Гаральдь Гёфдингъ. Потомокъ Гамлета (Сёренъ Киркегоръ)..	7
Сёренъ Киркегоръ. Несчастнѣйшій	25
Его же. <i>Διαφύματα</i>	46
Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне.	57